

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Нальгиев Исропил Магомедович

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РЕГИОНА**

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор
Берестова Людмила Ивановна

Москва – 2026

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Методологические концепции и теоретические аспекты анализа экономической ситуации и демографических процессов.....	15
1.1 Понятие и сущность экономической ситуации как объекта анализа	15
1.2 Демографические процессы: понятие и основные характеристики	28
1.3. Взаимосвязь экономической ситуации и демографических процессов	38
Глава 2. Анализ влияния экономической ситуации на демографическую ситуацию в Дальневосточном федеральном округе.....	55
2.1. Общее состояние и характеристики экономической ситуации в Дальневосточном федеральном округе.....	55
2.2. Анализ демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе	80
2.3. Взаимосвязь экономической и демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе: причинно-следственные связи и закономерности	100
Глава 3. Интегративный анализ влияния демографических процессов на структурно-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа в условиях новой экономики.....	129
3.1. Диагностика системных ограничений в достижении национальных и стратегических целей Дальневосточного федерального округа	129
3.2. Стратегии поддержания демографической устойчивости в Дальневосточном федеральном округе	154
3.3. Механизмы ускорения социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа	170
Заключение	180
Список источников и литературы	185

Введение

Актуальность темы исследования. В условиях наблюдаемого в России демографического кризиса, а также поиска эффективных инструментов для его разрешения особую научную значимость приобретает анализ влияния экономической ситуации на демографические процессы. Демографическое развитие, определяющее параметры воспроизводства и накопления человеческого капитала территории в долгосрочной перспективе, находится в сложной, нелинейной взаимосвязи с экономическими условиями, выступая одновременно их следствием, фактором обратного воздействия и структурным ограничением социально-экономического роста. Указанная взаимосвязь наиболее остро и противоречиво проявляется в регионах со специфическими геоэкономическими и социальными характеристиками, где общероссийские тенденции модифицируются под воздействием локальных факторов развития.

Проведение углубленного исследования данной проблематики на уровне конкретного макрорегиона позволяет преодолеть ограничения усредненных макроэкономических подходов и выявить реальные механизмы трансформации инвестиционной активности, параметров рынка труда и уровня доходов домохозяйств в демографическое поведение населения, формирующее миграционные потоки, показатели рождаемости и, в конечном итоге, перспективы социально-экономического развития территории.

В данном контексте Дальневосточный федеральный округ (далее — ДФО), обладающий стратегическим значением для обеспечения экономической и демографической безопасности Российской Федерации, представляет собой показательный и одновременно проблемный макрорегион. Несмотря на значительный природно-ресурсный потенциал и выгодное геоэкономическое положение, ДФО на протяжении длительного времени сталкивается с устойчивыми процессами депопуляции и миграционного оттока населения, что вступает в противоречие с национальными приоритетами, ориентированными на закрепление и воспроизводство населения на восточных рубежах страны. Наблюдаемый дисбаланс между динамичным ростом ключевых экономических

показателей, таких как валовой региональный продукт и объемы инвестиций, и продолжающимся сокращением численности населения свидетельствует о наличии глубинных системных противоречий в социально-экономическом развитии макрорегиона. Их преодоление требует не фрагментарных, а комплексных управленческих решений, основанных на выявлении и анализе причинно-следственных связей между экономической конъюнктурой и демографическим развитием в специфических условиях ДФО. Указанные обстоятельства обуславливают высокую научную и практическую актуальность настоящего диссертационного исследования.

С учетом возрастающей значимости комплексного анализа взаимосвязей между экономическими и демографическими параметрами в контексте устойчивого территориального развития исследование влияния экономической ситуации на демографическую динамику на уровне макрорегиона приобретает особую научную и практическую значимость. В условиях трансформации социально-экономических механизмов, усиления пространственной дифференциации и нарастания демографических дисбалансов выявление устойчивых закономерностей и причинно-следственных связей между экономическими условиями и демографическими процессами выступает необходимой предпосылкой формирования эффективной региональной политики, ориентированной на достижение долгосрочных стратегических целей развития.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы взаимосвязи экономической ситуации и демографических процессов традиционно находятся в центре внимания исследователей и практиков. Достаточно подробно разработаны общие вопросы и подходы к оценке влияния экономической ситуации на демографические процессы, тогда как исследований, посвященных анализу этих взаимосвязей в конкретных регионах России, существенно меньше.

Теоретической основой исследования выступили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области экономики народонаселения, демографии и региональной экономики. Вопросы взаимовлияния экономических и демографических процессов отражены в работах Д.И. Валентя, О.В. Лармина,

а также А.Г. Вишневого, А.Я. Кваши, С.В. Рязанцева, Л.Л. Рыбаковского, А.В. Кашепова. Концепции демографического перехода разрабатывались Ф. Ноутстейном, Д. Коулменом, а также К. Дэвисом и Р. Истерлином. Значительный вклад в изучение экономических детерминант рождаемости и миграции внесли зарубежные исследователи Г. Беккер, К. Комолли, Г. Нейер, Г. Андерссон, а также Э. Ли. Проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока глубоко исследованы в трудах П.А. Минакира, В.И. Ишаева, М.К. Бандмана.

Несмотря на наличие исследований, посвященных анализу взаимосвязи между экономическими и демографическими процессами, недостаточно разработанным остается вопрос количественной оценки степени и направленности влияния отдельных экономических факторов, таких как инвестиционная активность, структура отраслей региональной экономики, уровень реальных доходов населения, на ключевые демографические показатели, включая рождаемость и миграционные процессы в субъектах ДФО. Отсутствие комплексных эмпирических моделей, учитывающих специфику макрорегиона, затрудняет формирование эффективных управленческих решений, направленных на стабилизацию демографической ситуации и обеспечение устойчивого экономического роста. В этой связи актуализируется необходимость разработки интегрированных стратегических подходов, сочетающих меры демографической политики с механизмами экономической диверсификации, что и определяет целевую установку настоящего исследования.

Цель исследования заключается в разработке теоретико-методологических основ, механизмов и практических рекомендаций для улучшения демографической ситуации в регионе путем целенаправленного воздействия на экономические факторы, оказывающие ключевое влияние на демографические процессы. Эмпирической базой исследования выступил ДФО.

Задачи исследования:

- разработать теоретико-методологический аппарат исследования, включающий авторские определения базовых понятий и систематизацию подходов к анализу взаимосвязи экономической и демографической подсистем региона;

- выявить и охарактеризовать специфические для ДФО закономерности и формы проявления демографических процессов, обусловленные уникальным сочетанием экономических, географических и институциональных факторов;

- провести комплексный анализ и диагностику состояния экономической и демографической ситуации в ДФО, выявив ключевые тенденции, структурные диспропорции и системные противоречия их развития;

- определить степень, направленность и характер влияния ключевых экономических параметров на демографические процессы в ДФО с применением инструментария эконометрического анализа;

- выявить системные ограничения, препятствующие достижению стратегических целей развития ДФО в условиях демографических вызовов;

- сформировать и теоретически обосновать стратегические направления и конкретные механизмы обеспечения демографической устойчивости ДФО, направленные на разрыв выявленных контуров отрицательной обратной связи;

- разработать практический механизм интеграции демографических приоритетов в экономическую политику, обеспечивающий синергию структурной трансформации экономики и демографического развития.

Объект исследования – экономические и демографические процессы, протекающие в ДФО, в контексте их взаимовлияния и взаимозависимости.

Предмет исследования – механизмы и закономерности воздействия ключевых экономических факторов на демографические процессы в ДФО, а также интегративные стратегии их совместного регулирования в условиях трансформации национальной экономики.

Область исследования диссертации соответствует подпункту 8.2. «Экономическая демография: понятия, концепции, тенденции, показатели. Влияние демографических факторов на экономическое развитие» и подпункту 8.9. «Демографические прогнозы. Исторические и перспективные исследования

народонаселения. Моделирование демографических и экономико-демографических процессов» пункта 8. «Экономика народонаселения и экономика труда» паспорта научной специальности 5.2.3. «Региональная и отраслевая экономика».

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области изучения взаимосвязи экономических и демографических процессов, а также теории демографического перехода, экономики народонаселения, региональной экономики, теории человеческого капитала и миграции. В процессе исследования применялись методы анализа, синтеза и обобщения при выявлении характерных особенностей влияния экономической ситуации на демографические процессы, общепринятые научные методы индукции и дедукции, статистические методы, метод сравнительного анализа, а также специальные эконометрические методы, включая корреляционный и регрессионный анализ.

Информационная и эмпирическая база исследования. Информационная база исследования включает: законодательные и нормативные документы Российской Федерации, определяющие развитие экономической и демографической ситуаций в стране; труды ученых, опубликованные в виде монографий и статей в специализированных изданиях; материалы научно-практических конференций и семинаров; данные Федеральной службы государственной статистики за период 2000–2023 годов; материалы Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики; информацию, размещенную на электронных ресурсах сети «Интернет» о состоянии экономической и демографической сфер.

Эмпирическая база исследования представлена монографиями и научными статьями в области изучения взаимосвязи экономических и демографических процессов, а также статистической и аналитической информацией, полученной из периодической печати и интернет-ресурсов.

Научная новизна исследования заключается в разработке методических и практических инструментов улучшения демографической ситуации в регионе

путем целенаправленного воздействия на экономические факторы, оказывающие ключевое влияние на демографические процессы.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну:

1. Разработан и обоснован теоретико-методологический аппарат исследования взаимосвязи экономических и демографических процессов на региональном уровне, включающий авторские определения категорий «экономическая ситуация» и «демографические процессы», а также интегративный подход к анализу демографических процессов. Сформулированы авторские определения понятий «экономическая ситуация» и «демографические процессы» как комплексных систем, что позволило учесть не только макроэкономические, но и институциональные, социальные и географические факторы для ДФО. Интегративный подход обеспечил адаптацию и синтез теоретических концепций применительно к анализу макрорегиона, сформировав методологические рамки для эмпирического исследования, учитывающие сырьевую ориентацию, экстремальные условия и миграционную специфику ДФО.

2. Выявлено и доказано системное противоречие социально-экономического развития ДФО, заключающееся в устойчивом росте макроэкономических показателей на фоне снижения реальных доходов населения, роста индекса потребительских цен и сохранения депопуляции, что свидетельствует о неэффективности сложившейся сырьевой модели экономики для целей государственной демографической политики. На основе ретроспективного анализа статистических данных выявлено, что увеличение валового регионального продукта и объемов инвестиций в основной капитал сопровождалось снижением реальных доходов, опережающей инфляцией и сохранением депопуляции. Особенность состоит в эмпирической верификации и концептуальном объяснении формального макроэкономического роста, сконцентрированного в капиталоемком сырьевом секторе ДФО, не способного транслировать экономические успехи в улучшение демографической ситуации и уровня жизни населения.

3. Выявлен и количественно оценен нелинейный характер взаимного влияния экономических и демографических показателей, установивший, в частности,

разнонаправленное влияние экономических факторов на рождаемость и миграцию в ДФО. Применение методов эконометрического анализа для верификации гипотез позволило выявить взаимосвязи экономической ситуации и демографических процессов. Полученные результаты опровергают упрощенные линейные определения, демонстрируя, что экономические факторы оказывают разнонаправленное воздействие на множественные компоненты демографической системы, в связи с чем доказывается необходимость разработки дифференцированного и сбалансированного инструментария исследования социальной политики.

4. Выявлена и доказана системная структура ограничений развития ДФО, представленная тремя самоподдерживающимися контурами отрицательной обратной связи (демографическо-инвестиционный, инфляционно-инфраструктурный, институционально-кадровый). Полученные результаты заключаются в применении методологии системной динамики для моделирования и верификации внутреннего механизма блокировки развития макрорегиона. Доказано, что ключевые проблемы, такие как миграционный отток, дефицит несырьевых инвестиций, инфраструктурный износ, институциональная неэффективность, взаимосвязаны через замкнутые причинно-следственные цепи, формируя целостную систему с синергетическим эффектом, объясняющую устойчивость негативных тенденций. Особенность состоит в переходе от анализа изолированных факторов к доказательству существования целостной системы воспроизводства структурных ограничений, что требует принципиально нового подхода к управлению развитием макрорегиона – синхронного воздействия на ключевые элементы всех контуров.

5. Разработана и теоретически обоснована модель демографического проектирования для задач регионального управления, а также комплекс стратегических мер, направленных на преодоление выявленных контуров отрицательной обратной связи. Предложенная модель интерпретирует демографическое поведение как целенаправленную функциональную систему, что позволяет структурировать процесс разработки и оценки региональной

демографической политики. На ее основе сформирован синхронный комплекс стратегических мер, нацеленный на разрыв выявленных контуров отрицательной обратной связи.

6. Разработан механизм ресурсных инвестиционных обязательств, направленный на обеспечение структурной трансформации экономики ДФО и увязывающий предоставление права пользования природными ресурсами с обязательствами пользователей по глубокой переработке соответствующих ресурсов, развитию инфраструктуры и локализации производства, что способствует созданию высококвалифицированного рынка труда и интеграции демографических факторов в модель развития макрорегиона. Применение механизма на практике приводит к комплексному мультипликативному эффекту: трансформирует сырьевую ренту в источник диверсификации экономики, создание высокотехнологичных рабочих мест и формирование бюджетных доходов для финансирования демографической политики, тем самым разрывая выявленные контуры отрицательной обратной связи.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методологии исследования взаимосвязи экономических и демографических процессов на региональном уровне, а также в дополнении экономической теории авторскими определениями категорий «экономическая ситуация» и «демографические процессы». Сформирован научно обоснованный подход, обеспечивающий комплексный анализ и управление демографическими процессами, позволяющий выявлять особенности взаимосвязи между экономической ситуацией и демографическими процессами, а также относительность этих взаимосвязей в условиях трансформации экономики.

Практическая значимость исследования заключается в разработке практических инструментов для улучшения демографической ситуации в ДФО путем целенаправленного воздействия на экономические факторы, оказывающие влияние на демографические процессы. Полученные результаты могут быть использованы федеральными и региональными органами власти при разработке и корректировке стратегических документов социально-экономического и

демографического развития ДФО, в частности государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» и Национальной программы развития Дальнего Востока.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты исследования опубликованы и апробированы в установленном порядке, доложены и получили одобрение на научных конференциях различного уровня: на Международной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы» (Москва, Президентская Академия, 16 мая 2022 г.), на Международной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: цивилизованные вызовы и национальные интересы» (Москва, Президентская Академия, 15 мая 2023 г.); на Научной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего» (Москва, Президентская Академия, 20 мая 2024 г.); на международной научной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: вызовы, стратегии и перспективы» (Москва, Президентская Академия, 19 мая 2025 г.).

Предложенные автором научно-практические рекомендации, включая выявленные системные ограничения развития ДФО, результаты эконометрического моделирования взаимосвязи экономических и демографических процессов, а также разработанные механизмы их преодоления, используются Департаментом бюджетной политики в сфере промышленности, агропромышленного комплекса, цифровой экономики и связи Министерства финансов Российской Федерации при подготовке аналитических материалов, обосновании бюджетных ассигнований и совершенствовании подходов к оценке эффективности инвестиционных проектов, реализуемых при государственной поддержке. В частности, предложения по распространению механизма ресурсных инвестиционных обязательств на ключевые ресурсные сектора экономики ДФО, увязывающего предоставление права пользования природными ресурсами с обязательствами пользователей по их глубокой переработке, развитию инфраструктуры и локализации производства на территории макрорегиона, будут

способствовать структурной перестройке экономики ДФО, формированию устойчивых источников экономического роста и повышению инвестиционной привлекательности макрорегиона, а также привлечению в доход федерального бюджета дополнительных средств.

Выводы и основные положения исследования используются в практической деятельности Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации при реализации исследовательских проектов по вопросам демографии и рынка труда, а также при подготовке рекомендаций органам государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе по адаптации к региональным особенностям и применению:

- модели демографического проектирования при формировании и актуализации региональных демографических программ;
- рекомендаций по повышению эффективности финансовых механизмов поддержки семьи и детей за счет перераспределения бюджетных ассигнований в сторону прогрессивной шкалы пособий и материнского капитала;
- эконометрических моделей для прогнозной оценки демографических последствий планируемых экономических решений и инвестиционных программ в субъектах Российской Федерации;
- механизма ресурсных инвестиционных обязательств как ключевого инструмента структурной трансформации экономики, который создаст основу для формирования качественного рынка труда.

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена использованием российских нормативных документов в сфере экономики народонаселения, применением общепризнанных методов научного познания, непротиворечивостью полученных результатов с данными аналогичных исследований, достоверностью эмпирических и статистических данных, анализом

зарубежных и отечественных публикаций по теме исследования, использованием статистических данных, находящихся в открытом доступе.

Публикация результатов исследования. Результаты исследования и основные положения диссертации опубликованы в 6 публикациях автора, общим объемом 4,57 п.л. (авторский объем – 3,61 п.л.), в том числе 4 работы общим объемом 3,25 п.л. (авторский объем – 2,51 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России. Список опубликованных публикаций:

1. Нальгиев, И.М. Взаимосвязь миграционной политики и устойчивого развития Дальневосточного федерального округа / И.М. Нальгиев // Финансовая экономика. – 2023. – № 9. – С. 61–65 (0.35 п.л.).

2. Нальгиев, И.М. Пути решения экономических проблем регионов Дальневосточного Федерального округа / И.М. Нальгиев // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5. № 3 (144). С. 104-109. DOI: [10.36871/ek.up.p.r.2024.03.05.013](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.03.05.013) (0.29 п.л.).

3. Нальгиев, И.М. Цифровая экономика: анализ тенденций и перспектив развития в условиях быстро меняющегося мира / И.М. Нальгиев // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5. № 3 (144). С. 151-156. DOI: [10.36871/ek.up.p.r.2024.03.05.019](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.03.05.019) (0.30 п.л.).

4. Нальгиев, И.М. Современные демографические вызовы / И.М. Нальгиев // Государственная служба. – 2024. – Т. 26, № 3 (149). С. 93–101. DOI: [10.22394/2070-8378-2024-26-3-93-101](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2024-26-3-93-101) (0.40 п.л.).

5. Нальгиев, И.М. Демографическая ситуация в Дальневосточном Федеральном округе и ее воздействие на экономическую ситуацию регионов / И.М. Нальгиев // Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы. Сборник статей Конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС. Москва, 2024. С. 57-63 (0.39 п.л.).

6. Нальгиев, И.М. Влияние индикаторов качества жизни на демографическую ситуацию в России / И.М. Нальгиев // Государственное управление и развитие

России: глобальные тренды и национальные перспективы: сб. ст. междунар. конференц-сессии. – Москва, 2023. – С. 299–304 (0.42 п.л.).

Структура и объем работы определены целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников из 122 наименований. Текст диссертации изложен на 199 страницах, включает 33 таблицы и 34 рисунка.

Глава 1. Методологические концепции и теоретические аспекты анализа экономической ситуации и демографических процессов

1.1 Понятие и сущность экономической ситуации как объекта анализа

Экономика занимает ключевое место среди общественных наук, поскольку ее теоретико-методологический аппарат служит основой формирования государственной политики, ориентированной на решение социально значимых задач. Экономические категории и процессы выходят за рамки узкопрофессионального дискурса и становятся объектом общественного внимания и обсуждения, что подтверждается их активным освещением в средствах массовой информации, особенно в контексте финансов, налогообложения и валютного регулирования.

Современная экономика представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему, от состояния которой зависит функционирование как отдельных индивидов, так и общества в целом. На ее развитие одновременно воздействуют внутренняя экономическая политика и внешние факторы – глобальная конъюнктура, технологические трансформации, изменения в социальной структуре. Экономическая политика государства представляет собой совокупность целенаправленных инструментов и решений, обеспечивающих регулирование экономических процессов и определяющих стратегические ориентиры развития посредством влияния на макроэкономические параметры. В ее арсенал входят налогово-бюджетные и монетарные механизмы, регулирование рынков труда и капитала, поддержка предпринимательства и другие меры, направленные на обеспечение устойчивого экономического роста, снижение уровня безработицы, стабилизацию цен и инфляции, а также повышение уровня жизни населения.

Отечественные и зарубежные исследования сформировали устойчивую научно-методологическую базу, позволяющую выдвигать обоснованные гипотезы относительно критериев оценки объективного состояния экономики. В этом контексте определение экономической ситуации выступает фундаментальной

задачей экономической науки, так как служит основой для аналитических процедур, прогнозирования и разработки государственной экономической политики. Возникает итерационная взаимосвязь: экономическая политика формирует экономическую ситуацию, а ее оценка, в свою очередь, позволяет корректировать и совершенствовать принимаемые политические решения.

Экономическая ситуация охватывает совокупность факторов, отражающих текущее состояние национальной экономики, включая макроэкономические индикаторы, структурные изменения, рыночную динамику и институциональные трансформации. Как объект научного анализа она позволяет выявлять устойчивые закономерности и тенденции, необходимые для обоснования стратегических управленческих решений. В условиях глобализации и ускоренной трансформации экономических систем адекватное понимание экономической ситуации приобретает особую значимость, оказывая прямое влияние на поведение экономических агентов – от домохозяйств до государственных институтов.

Сложность определения экономической ситуации обусловлена ее динамическим характером: она постоянно изменяется под воздействием множества факторов, различающихся по скорости изменений, степени влияния и пространственному охвату. Эти факторы могут иметь как внутреннюю, так и внешнюю природу, а их последствия проявляются в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах.

К числу определяющих факторов относятся социально-экономическая структура общества, формы собственности на производственные ресурсы, параметры государственной политики и уровень технологического развития. Одним из базовых индикаторов, отражающих динамику экономической ситуации, выступает темп экономического роста или спада, измеряемый изменением объема валового внутреннего продукта (ВВП). Положительная динамика ВВП свидетельствует о расширении производственного потенциала, росте доходов и улучшении качества жизни населения, тогда как спад указывает на сокращение экономической активности, снижение доходов и ухудшение социально-экономических условий.

При этом экономическая ситуация рассматривается как многомерное явление, включающее не только макроэкономические показатели, но и микроэкономические процессы, отражающие состояние и динамику поведения экономических агентов на различных уровнях.

Следует учитывать, что факторы экономической ситуации оказывают неоднородное влияние в зависимости от региональной, отраслевой и временной специфики. Их воздействие варьируется по интенсивности и направленности, что обусловлено фазами экономического цикла и структурными особенностями экономики. Так, инфляция в условиях экономического роста может интерпретироваться как следствие активизации спроса, тогда как в период спада – как фактор, усугубляющий кризисные явления и снижающий уровень благосостояния населения.

Эффективность налоговой политики во многом определяется распределением доходов и структурой экономики: избыточно высокие налоговые ставки способны ограничивать инвестиционную активность и тормозить расширение производства. Финансово-кредитные параметры, включая уровень процентных ставок и доступность заемных ресурсов, дифференцированно воздействуют на бизнес и домохозяйства: для предприятий они определяют инвестиционные возможности, а для населения – уровень потребительской активности и долговую нагрузку.

В этой связи оценка экономической ситуации требует комплексного подхода, включающего не только количественные показатели (ВВП, уровень безработицы), но и качественные характеристики, такие как уровень жизни, доступность базовых социальных услуг, степень экономической безопасности.

Учитывая сложность, многокомпонентность и изменчивость экономической ситуации, ее адекватная интерпретация должна опираться на теоретически выверенные модели и аналитические конструкции. В этом контексте особую значимость приобретает систематизация научных подходов к определению сущности экономической ситуации, поскольку именно они задают методологические рамки для анализа, оценки и прогнозирования. В научной

литературе представлено множество подходов к определению экономической ситуации, каждый из которых обладает собственными особенностями.

Сформировавшиеся в XVIII–XIX веках подходы классической экономической теории заложили основу последующего анализа экономических явлений и процессов, принципы которых учитываются в современных исследованиях. Ключевыми аспектами классической теории являются рыночный механизм, саморегулирование экономики, факторы производства и роль государства. Представители классической школы А. Смит, Д. Рикардо и Д. Милль дали развернутые описания этих явлений, сохраняющие актуальность и сегодня.

Согласно А. Смиту, экономическая ситуация представляет собой состояние свободной конкуренции, при котором рынок самостоятельно регулирует протекающие в нем процессы. В идеальных условиях любые диспропорции (избыток или дефицит товаров и услуг) устраняются механизмами спроса и предложения. Исходя из этого, анализ экономической ситуации предполагает изучение текущих рыночных условий, уровня цен, объемов производства и состояния занятости.

Вклад Д. Рикардо заслуживает отдельного внимания: он развил идеи предшественника и углубил понимание экономической ситуации через теории сравнительных преимуществ и распределения. Д. Рикардо подчеркнул значимость межотраслевой торговли и зависимости между производственными факторами для оценки экономической ситуации. Особое внимание в его теории уделяется ограниченности ресурсов, позволяющей выявлять структурные проблемы, воздействующие на экономическую ситуацию. Уровень ренты рассматривался как ключевой индикатор экономического состояния, а трудовая теория стоимости предлагала подход к ценообразованию, подчеркивающий связь факторов производства с конечными результатами экономики¹.

При рассмотрении экономической ситуации в контексте классических подходов акцентируется роль государства и его функций в экономике. А. Смит,

¹ Гишкаева, Л.Л. Истоки трудовой теории стоимости и ее основные положения / Л.Л. Гишкаева, М.Н. Ампукаева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 12-1. – С. 126-128.

сторонник свободного рынка, подчеркивал необходимость государства в создании условий для функционирования рыночных механизмов. Эта идея развивалась другими классиками, обсуждавшими минимальное вмешательство государства с ориентацией на поддержку свободного предпринимательства. Классические подходы рассматривают экономическую ситуацию как результат преимущественно рыночных сил, эффективность которых зависит от базовых институтов, гарантированных государством².

Несмотря на актуальность классических подходов, они подверглись критике, способствовавшей формированию новых направлений экономической теории. Так, кейнсианцы ставили под сомнение способность рынка к саморегулированию и подчеркивали значимость государственного вмешательства в экономику, особенно в периоды кризисов. Данная позиция стала основой для подходов, акцентирующих внимание на совокупном спросе и роли государства в поддержании экономического роста. Идеи, заложенные классическими экономистами, были пересмотрены и адаптированы к новым рыночным и социальным условиям, что открыло пространство для дальнейших исследований.

Актуальной задачей современной экономической науки остается критическое переосмысление и адаптация классических теорий к условиям трансформирующейся экономической реальности. Воздействие цифровизации, глобализации, климатических изменений и демографических сдвигов требует сохранения методологического ядра классической экономической мысли при его интеграции в анализ текущих процессов.

Современные концептуальные подходы к определению экономической ситуации представляют собой широкий спектр теорий, сформировавшихся в ответ на усложнение экономической среды. В отличие от ранних моделей, сосредоточенных на рыночной саморегуляции и роли государства, современные теории учитывают комплекс факторов – от социальных и экологических

² Тамбиянц, Ю.Г. Формы взаимодействия государства и капитализма: история и современность. Статья вторая / Ю.Г. Тамбиянц, В.В. Шалин // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 1 (69). – С. 13-19.

до политико-культурных и религиозных, что позволяет более точно интерпретировать экономическую ситуацию и формировать эффективные стратегии ее регулирования³.

Современный кейнсианский подход продолжает подчеркивать важность активного вмешательства государства в экономику. При этом он включает инструменты, направленные на обеспечение устойчивого развития, регулирование глобальных цепочек создания стоимости и управление системными рисками в высокотехнологичной экономике. Кейнсианцы исходят из того, что государственные расходы способны стимулировать совокупный спрос и способствовать экономическому восстановлению. В рамках данного подхода экономическая ситуация трактуется как результат взаимодействия частного и государственного секторов, в котором государственная политика выступает стабилизирующим фактором⁴.

Посткейнсианские теории, возникшие в ответ на критику классических и кейнсианских подходов, акцентируют неопределенность, ожидания и поведенческие аспекты. Принятие решений в условиях неполной информации, по их мнению, порождает нестабильность и циклические колебания⁵. В этом контексте экономическая ситуация трактуется как результат многомерного взаимодействия факторов, включая психологические и институциональные изменения, технологические инновации и трансформацию производственных процессов.

Австрийская школа предлагает альтернативную трактовку, фокусируясь на индивидуальных решениях и предпринимательской инициативе. Экономическая ситуация, согласно ее представителям, формируется как агрегированный результат индивидуальных действий в условиях

³ Доброхлеб, В.Г. Демографические теории и региональный аспект старения населения / В.Г. Доброхлеб, В.Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 6. – С. 89–103. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6.

⁴ Геращенко, И.Г. Философские подходы в современной экономике / И.Г. Геращенко // Studia Humanitatis. – 2024. – № 3. – С. 1-17.

⁵ Кушнир, А.М. Институциональные подходы к решению экономических проблем: междисциплинарные связи и информационная повестка / А.М. Кушнир // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 1-8.

неопределенности. Современные интерпретации, развиваемые И. Кирцнером и М. Ротбардом, подчеркивают роль предпринимательства как ключевого драйвера роста и инноваций, а также значение институциональной среды – правовой системы, уровня коррупции и качества регулирования – в формировании экономической активности⁶.

Сравнительный анализ теоретических подходов демонстрирует различия в методологических акцентах: классическая теория сосредоточена на производственных факторах и рыночной саморегуляции, кейнсианство – на совокупном спросе и роли государства в условиях спада⁷, посткейнсианство – на неопределенности и ожиданиях⁸, а австрийская школа – на индивидуальных решениях и институциональных условиях, при этом она критически относится к макроэкономическому агрегированию⁹.

Таким образом, теоретико-методологическое многообразие подходов к определению экономической ситуации формирует основу для разработки комплексных моделей анализа, способных учитывать специфику современного этапа экономического развития.

Для достижения устойчивого социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) предлагается интегрированная экономическая стратегия, сочетающая элементы различных теоретических подходов. Активное государственное вмешательство, основанное на кейнсианских принципах, предполагает поддержку инвестиционных проектов, развитие инфраструктуры и стимулирование внутреннего спроса, что позволяет смягчить последствия внешних шоков и способствовать долгосрочному росту. Либерализация рынков и создание условий для частного предпринимательства, характерные для неоклассического синтеза, способствуют привлечению

⁶ Альнвади, А.С.Д. Концепция стратегического предпринимательства: постановка вопроса / А.С.Д. Альнвади // Human Progress. – 2022. – № 1. – С. 1-14.

⁷ Кейнсианство [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/keinsianstvo-774e24> (дата обращения: 26.05.2025).

⁸ Посткейнсианство [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/postkeinsianstvo-3719e1> (дата обращения: 26.05.2025)

⁹ Австрийская школа [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/avstriiskaia-shkola-167076> (дата обращения: 26.05.2025).

инвестиций и развитию малого и среднего бизнеса, при этом учитываются региональные особенности и предотвращается чрезмерная денационализация активов. Институциональный подход акцентирует внимание на реформах, направленных на укрепление правовой системы, улучшение качества государственного управления и борьбу с коррупцией, что является критически важным для повышения инвестиционной привлекательности региона.

Такой синтез позволяет сформировать комплекс мер, сочетающих стимулирование спроса, рыночные реформы и институциональные изменения, что критически важно для обеспечения устойчивого демографического развития региона в условиях его уникальных географических и экономических вызовов.

Экономическая ситуация, как отмечалось ранее, представляет интегральную категорию, отражающую совокупность взаимосвязанных факторов, определяющих текущее состояние и динамику экономических процессов. Многообразие теоретических и аналитических моделей подтверждает необходимость комплексного, междисциплинарного подхода к ее изучению, обеспечивающего полноту и релевантность оценки. Анализ влияния экономических показателей представлен в работах И.В. Шевченко, предлагающего следующее определение: «Экономическая ситуация — это совокупность факторов и условий, определяющих текущее состояние экономики, включая макроэкономические показатели, структурные изменения, динамику рыночных процессов и институциональные преобразования»¹⁰. Данное понимание позволяет анализировать влияние макроэкономических показателей и структурных изменений на демографические процессы через призму институциональных реформ.

Исследования институциональных преобразований и их влияния на экономическую ситуацию проводит Н.Г. Кузнецова. Автор определяет экономическую ситуацию как «текущее состояние экономики, определяемое уровнем доходов, занятости, инфляции и другими экономическими показателями,

¹⁰ Шевченко, И.В. Влияние макроэкономических показателей кривой Филлипа на экономический рост: регулирование, меры, пределы, возможности на современном этапе / И.В. Шевченко // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – № 10 (445). – С. 105-119.

которые влияют на благосостояние населения». Такой подход акцентирует внимание на благосостоянии населения, что делает это определение значимым для анализа демографических процессов¹¹.

Динамику рыночных процессов и их влияние на экономическую ситуацию изучают Ю.Ш. Капкаев и П.Р. Кадыров. Они определяют экономическую ситуацию как «комплексное понятие, охватывающее все аспекты экономической деятельности, включая производство, распределение и потребление ресурсов, а также взаимодействие между различными экономическими агентами»¹². Такое понимание позволяет выявлять системные взаимосвязи в экономике ДФО и проследивать их влияние на демографию через механизмы распределения ресурсов.

Предложенное В.В. Смирновым определение экономической ситуации как «состояние экономики, характеризующееся уровнем производства, потребления, занятости и другими ключевыми показателями, которые влияют на социально-экономическое развитие региона»¹³ акцентирует внимание на социально-экономическом развитии и прямо связывает экономические показатели с демографическими процессами. Это позволяет конкретизировать влияние макроэкономических параметров на конкретную территорию с учетом ее уникальных особенностей — от ресурсной базы до демографических тенденций. Данный подход обеспечивает операционализацию понятия через измеримые индикаторы (ВРП, занятость, доходы), необходимую для эмпирической верификации гипотез и выявления причинно-следственных связей между структурными характеристиками экономики региона (доминирование ресурсных секторов, дисбалансы рынка труда) и демографическими трендами (сокращение рождаемости, миграционный отток, старение населения).

¹¹ Институциональные преобразования в экономике России [Текст]: [монография] / [Кузнецова Н. Г., заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., проф. и др.]; Министерство образования и науки Российской Федерации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). — Ростов-на-Дону: РИНХ, 2015. — 398 с.: ил.: 21 см.; ISBN 978-5-57972-2116-6.

¹² Капкаев, Ю.Ш. Особенности цикличности развития экономики / Ю.Ш. Капкаев, П.Р. Кадыров // *Фундаментальные исследования*. — 2017. — № 10-3. — С. 587-593.

¹³ Смирнов, В.В. Анализ структурных возможностей российской экономики / В.В. Смирнов // *Экономическая наука современной России*. — 2022. — № 3 (98). — С. 38-46.

Кроме того, современные подходы акцентируют внимание на необходимости устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса¹⁴. В условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата и нарастающее социальное неравенство, экономическая ситуация не может оцениваться исключительно через призму традиционных экономических показателей. В этом контексте устойчивое развитие становится ключевым критерием оценки экономической ситуации, что требует от исследователей и практиков более глубокого понимания взаимосвязей между экономическими, социальными и экологическими аспектами.

Академик Т.С. Хачатуров еще в 1980-е годы утверждал, что основой развития и экономического роста является сбалансированное сочетание трех компонентов: экономического, социального и экологического, подчеркивая необходимость перехода к модели «устойчивого социально-эколого-экономического развития» страны¹⁵. Несмотря на это, до недавнего времени экономическая наука не придавала должного значения проблематике устойчивого развития и экологическим ограничениям, что способствовало формированию техногенного типа экономического роста. В настоящее время все более очевидной становится катастрофичность сложившейся модели, исчерпание экологической емкости планеты, конечность многих видов природных ресурсов и взаимозависимость социо-эколого-экономических процессов, что обуславливает необходимость формирования новой «зеленой» экономики¹⁶.

Как отмечает С.Н. Бобылев, экономическое развитие должно протекать в достаточно узких рамках «экологического коридора»; требуется пересмотр

¹⁴ Чистополова, Ж.А. Устойчивое развитие хозяйствующих субъектов на основе нефинансовой отчетности / Ж.А. Чистополова // Актуальные проблемы экономики и бухгалтерского учета: Сборник научных статей (ред. кол. – О.В. Трофимов, И.Е. Мизиковский, Э.С. Дружиловская, Е.В. Корнилова, Н.А. Морозова, Т.В. Савицкая). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 250-252.

¹⁵ Хачатуров, Т.С. Экономика природопользования / Т.С. Хачатуров. – Москва: Наука, 1987. – 255 с.

¹⁶ Итоговый документ Конференции ООН в Рио-де-Жанейро «Будущее, которого мы хотим» от 27.07.2012 № 66/288 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

самого подхода к проблеме экономического роста, который традиционно связывается с установками «экономический рост – залог прогресса», «сначала рост, затем решение экологических проблем», «сначала доходы, а потом экология» и подобными стереотипами¹⁷.

Учитывая изложенное, устойчивое развитие ориентировано на достижение экономического роста при соблюдении требований экологической безопасности, что в итоге приводит к повышению благосостояния населения. Оценка такой экономической модели предполагает анализ, в том числе индикаторов качества жизни, отражающих демографическую ситуацию, доступность образования и здравоохранения, а также уровень экологического благополучия. Так, индекс человеческого развития и индекс устойчивого развития становятся важными инструментами оценки качества жизни и устойчивости экономических систем, позволяющими учитывать уровень образования, состояние здравоохранения и доступность базовых услуг¹⁸.

Таким образом, проведенный анализ и представленные определения позволяют понять различные аспекты экономической ситуации. Однако для точного определения категории «экономическая ситуация как объект анализа» этого недостаточно. Поэтому необходимо сформулировать авторское определение данного понятия на основе комплексного подхода, учитывающего разнообразие факторов, условий и процессов, влияющих на экономическую систему и ее развитие в различных контекстах.

В рамках настоящего исследования экономическая ситуация как объект анализа определяется как совокупность экономических, социальных и экологических процессов, показателей и условий, характеризующих текущее состояние экономики и ее динамику в определенный период времени. Этот комплексный подход предполагает изучение макро- и микроэкономических факторов (ВВП, уровень инфляции, занятость, объемы производства

¹⁷ Бобылев, С.Н. Экономика устойчивого развития: учебник / С.Н. Бобылев. – Москва: КНОРУС, 2021. – 672 с.

¹⁸ Юлмекова, Г. Основные компоненты экономического развития / Г. Юлмекова, Т. Мяхрибан // Всемирный ученый. – 2023. – № 10. – С. 357-362.

и потребления, инвестиции и другие ключевые индикаторы), а также анализ институциональных, структурных и региональных аспектов экономики, социологии и экологии. Иными словами, экономическая ситуация позволяет объективно оценить состояние исследуемого объекта (государства, региона, организации, домохозяйства) в конкретный момент времени с экономической, социальной и экологической точек зрения, выявить основные тенденции, проблемы и перспективы развития, а также разработать рекомендации для принятия эффективных управленческих решений и стратегий стабилизации и роста экономики.

В современных условиях исследование экономической ситуации составляет неотъемлемую часть анализа социально-экономического развития регионов. Она выступает ключевым объектом анализа, позволяющим выявить закономерности и тенденции, необходимые для разработки эффективной политики и стратегий регионального развития.

В контексте демографических процессов, особенно на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО), изучение экономической ситуации приобретает особую значимость. Демографические изменения — миграция, рождаемость, смертность — напрямую связаны с уровнем экономического благосостояния, возможностями трудоустройства и состоянием социальной инфраструктуры. Влияние экономической ситуации на демографические процессы требует комплексного анализа, учитывающего региональную специфику и позволяющего разрабатывать целенаправленные меры для устойчивого роста и повышения качества жизни населения.

Регионы обладают уникальными характеристиками: географическими особенностями, климатом, природными и трудовыми ресурсами, численностью и структурой населения, национальными традициями. Понимание этих аспектов способствует созданию единого экономического пространства, оптимизации межрегиональных связей и развитию региональных рынков. Это необходимо для выявления сильных и слабых сторон экономики региона, прогнозирования ее потенциала и разработки эффективных решений, обеспечивающих устойчивый

экономический рост и повышение уровня жизни населения. В связи с этим при изучении экономической ситуации с целью выработки точных и действенных стратегий достижения стабильности и прогресса регионов требуется обязательный учет уникальных характеристик и специфических особенностей каждого исследуемого субъекта.

Анализ экономической ситуации на региональном уровне предполагает интеграцию разноуровневых показателей, охватывающих экономические, социальные и экологические параметры. Такой подход обеспечивает учет территориальной специфики, выявление структурных диспропорций и обоснование стратегических управленческих решений, ориентированных на устойчивое развитие. Комплексный характер экономической ситуации, подтвержденный теоретическим анализом, обусловлен множественностью взаимосвязанных факторов, динамика которых формирует экономическую реальность региона.

Особое значение имеет изучение влияния экономической ситуации на смежные сферы, в частности на демографические процессы. Уровень занятости, доходы населения, доступность инфраструктуры и качество социальной среды оказывают опосредованное воздействие на параметры воспроизводства населения. В этих условиях экономическая ситуация выступает не только объектом макроэкономического анализа, но и ключевым фактором социально-демографической устойчивости территорий. Для регионов с выраженной пространственной дифференциацией, таких как ДФО, преодоление экономических дисбалансов и модернизация инфраструктуры становятся необходимыми условиями стабилизации процессов воспроизводства населения и миграционной динамики.

Таким образом, для комплексного анализа рассмотренных явлений дальнейшее исследование требует детального рассмотрения определения и основных характеристик демографических процессов как важнейшего компонента регионального развития.

1.2 Демографические процессы: понятие и основные характеристики

Демографические процессы играют ключевую роль в экономике, формируя структуру и динамику населения, что непосредственно влияет на состояние рынка труда, систему социального обеспечения, объем и структуру потребительского спроса, а также на региональное размещение производительных сил. Именно демографические параметры во многом определяют масштабы и структуру трудовых ресурсов, емкость внутреннего рынка и нагрузку на социальную инфраструктуру. Исследование этих процессов имеет особую значимость для решения задач социально-экономического развития страны и ее регионов. В этой связи всесторонний теоретический анализ демографических процессов как ключевых объектов влияния экономических факторов обладает высокой научной и практической ценностью. Определение понятия и основных характеристик демографических процессов создает необходимую теоретическую основу для последующего изучения их взаимосвязи с экономической ситуацией.

Демография как научная дисциплина изучает закономерности и социальную обусловленность рождаемости, смертности, изменения возрастно-половой, брачной и семейной структур населения, а также динамику общей численности населения и семей как результата взаимодействия этих явлений¹⁹.

В научной литературе существуют различные трактовки понятия «демографические процессы» и подходы к его сущности, что определяет необходимость сравнительного анализа существующих определений (Табл. 1.1). Множественность подходов обусловлена исторической эволюцией научной мысли – от чисто статистического учета к комплексному социально-экономическому анализу – и различиями в научных школах.

¹⁹ Народонаселение: энциклопедический словарь. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 113 с.

– Определения понятия «демографические процессы», существующие
в научной литературе²⁰

Автор	Определение понятия «демографические процессы»
Д.И. Валентей	Количественные и качественные изменения населения, обуславливаемые теми процессами, которые происходят в обществе вследствие развития производительных сил и производственных отношений
Г.В. Осипов	Последовательность событий в жизни людей, связанных с воспроизводством населения, включая рождаемость, смертность, брачность, прекращение брака.
Н.В. Зверева	Процессы рождаемости, смертности, воспроизводства населения, брачности и прекращения брака, а также образования и разделения семей, выступающих ячейкой воспроизводства населения.
О.В. Лармин	Рассмотрение через призму узкого и широкого подходов. Узкий – естественные процессы движения населения (рождаемость, смертность, половозрастное распределение населения и так далее) и миграционные процессы. Широкий – большее количество демографических показателей развития структуры населения (образование, профессиональный состав и так далее).
Г.Г. Руденко, Б.Ч. Муртозаев	Элемент общественного развития, отражающий воспроизводство населения в рамках страны или региона, что позволят относить к исследуемому понятию все процессы, связанные с изменением структуры населения и расселением.
А.М. Покрепа	Совокупность событий рождаемости и смертности, которые обеспечивают воспроизводство населения, влияют на его численность, определяя тем самым особенности социально-экономического развития страны и ее регионов, так как создают условия для их обеспечения трудовыми ресурсами.
И.Н. Амосов	Динамическое взаимодействие нерегулируемого и регулируемого движения количественных и качественных параметров населения под влиянием различных социально-экономических и политических факторов, формирующих структуру общества, включая миграционные процессы, рождаемость и смертность.
А.Г. Вишневский	Совокупность изменений в численности, структуре и размещении населения, обусловленных взаимодействием ключевых компонентов: рождаемости, смертности и миграции, которые неразрывно связаны с социально-экономическими, культурными и политическими факторами, формируя долгосрочные тенденции развития общества

Проведенный анализ позволил выделить три основные группы подходов к пониманию сущности демографических процессов.

²⁰ Составлено автором.

Первая группа включает подходы, фокусирующиеся на внутренней структуре и воспроизводстве населения. Определения Д.И. Валентей²¹, Г.В. Осипова²², Н.В. Зверевой²³ акцентируют внимание на последовательности демографических событий как основе воспроизводства населения, а также рассматривают демографические процессы в системе социальных отношений в связи с другими видами жизнедеятельности населения. Характерной особенностью определений указанных авторов является рассмотрение социально-экономических факторов преимущественно как внешних условий, не включенных непосредственно в содержание понятия.

Вторая группа охватывает подходы, расширяющие понимание демографических процессов за счет структурных и миграционных компонентов. Определения О.В. Лармина²⁴, Г.Г. Руденко и Б.Ч. Муртозаева²⁵ предполагают учет миграции, изменений в образовательной и профессиональной структуре населения, что создает теоретическую основу для исследования взаимосвязей с экономическими процессами, в частности с рынком труда. Это особенно значимо для анализа региональных различий.

Третья группа представляет интегративные подходы, включающие социально-экономические факторы. Определения А.Г. Вишневого²⁶,

²¹ Валентей, Д.И. О системе демографических знаний / Д.И. Валентей // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 4. С. 134-148.

²² Осипов, Г.В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы / Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев. // Вестник Российской академии наук. – 2014. - Т. 84, № 11. С. 963-972. – ISSN 0869-5873.

²³ Зверева, Н.В. Основы демографии: учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. – М.: Высш. шк. 2004. – С. 373. ISBN 5-06-004183-2.

²⁴ Лармин, О.В. Методологические проблемы изучения народонаселения / О.В. Лармин // М.: Статистика. 1974. – С. 240.

²⁵ Руденко, Г.Г. Формирование рынков труда: учеб. пособ. / Г.Г. Руденко, Б.Ч. Муртозаев, под ред. проф. Ю.Г. Одегова // М.: Экзамен. 2004. – С. 414.

²⁶ Вишневский, А.Г. Демографическая история и демографическая теория / А.Г. Вишневский. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 368.

И.Н. Амосова²⁷ и А.М. Покрепы²⁸ рассматривают социально-экономические и политические факторы как неотъемлемые элементы, влияющие на динамику демографических процессов. Именно такой подход позволяет анализировать не только статистические связи, но и механизмы воздействия экономической ситуации на демографическое поведение, что особенно важно для целей настоящего исследования.

На основании проведенного анализа для целей настоящего исследования разработан интегративный подход поэтапного анализа демографических процессов, объединяющий сильные стороны выявленных подходов (Рис. 1.1).

Рисунок 1.1 – Интегративный подход поэтапного анализа демографических процессов²⁹

В основу указанного подхода положены:

²⁷ Амосов, И.Н. Демографические процессы в Российской Федерации и их влияние на обеспечение национальной безопасности: автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / И.Н. Амосов. – М. 2019. С. 13.

²⁸ Покрепа, А.М. Демографические процессы как фактор экономического развития страны / А.М.Покрепа // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2023. – № 22 (1). С. 17-25.

²⁹ Составлено автором.

- структурно-компонентная классификация О.В. Лармина, обеспечивающая четкое разграничение между процессами естественного движения и структурными изменениями;

- концепция системного анализа А.Г. Вишневого, акцентирующая роль внешних социально-экономических, культурных и политических факторов в формировании долгосрочных демографических тенденций;

- концепция динамического регулирования И.Н. Амосова, рассматривающая демографические процессы как результат взаимодействия нерегулируемых и регулируемых компонентов, что вводит в анализ управленческое измерение.

Такой синтез позволил сформулировать авторское определение понятия: «демографические процессы представляют собой совокупность изменений в численности, составе и размещении населения, возникающих в результате взаимодействия естественного воспроизводства и миграционной подвижности и обусловленных комплексным влиянием социально-экономических факторов».

Предложенное определение объединяет сильные стороны проанализированных подходов: структурную четкость О.В. Лармина, акцент на взаимодействии компонентов у А.Г. Вишневого и учет качественных параметров и внешних детерминант у И.Н. Амосова.

Ключевыми характеристиками демографических процессов, вытекающими из предложенного определения и значимыми для данного исследования, являются: системная взаимосвязь, долгосрочная инерционность и кумулятивный эффект, наличие двусторонней причинно-следственной связи с экономическими факторами, выраженная региональная дифференциация, социально-экономическая и институциональная обусловленность. Значимость демографических процессов определяется их ролью в планировании социально-экономического развития, включая сферы здравоохранения, образования, социального обеспечения, а также в прогнозировании долгосрочных тенденций и разработке мер устойчивого развития³⁰.

³⁰ Аббасова, С.Д. Демографические процессы и методы исследования в демографии / С.Д. Аббасова // Вестник науки. – 2022. – Т. 1, № 11 (56). – С. 261-265.

Для проведения анализа демографических процессов необходима четкая методологическая основа, обеспечивающая всестороннее и объективное рассмотрение явления. Методология исследования опирается на принципы объективности, системности, анализа долгосрочных тенденций, прогнозирования и непрерывности. На ее основе формируется методика исследования – последовательность этапов, реализующих методологические установки. Этапы и методики, отражающие логическую последовательность действий: от постановки целей и задач до интерпретации результатов и разработки рекомендаций представлены на Рис. 1.2. Следует подчеркнуть, что это не методика в узком смысле, а структурная схема организации исследования, вытекающая из методологических принципов.

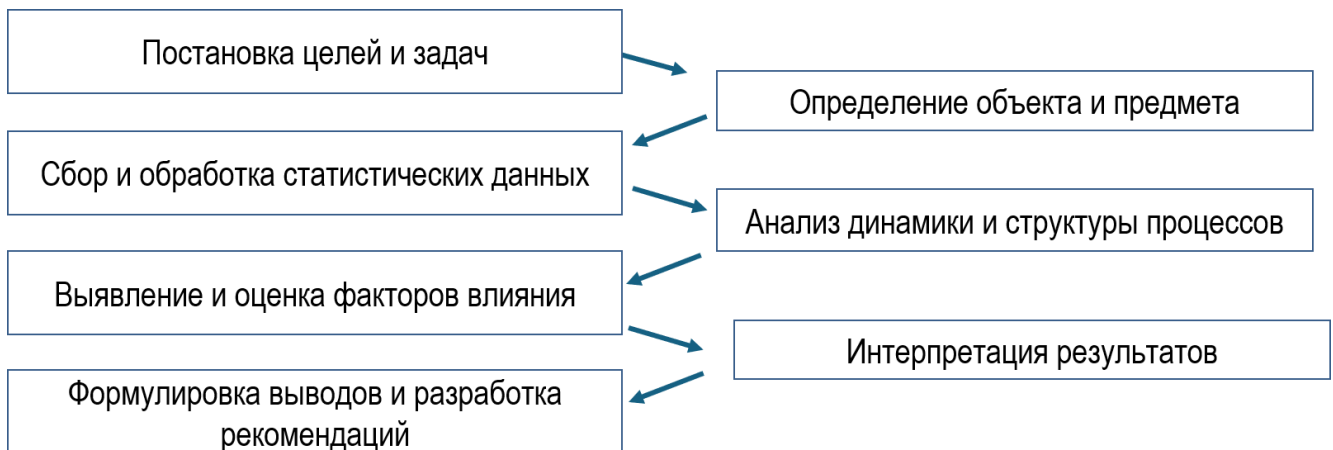

Рисунок 1.2 – Обобщенная схема методики исследования демографических процессов³¹

Каждый этап представляет собой логическое продолжение предыдущего, обеспечивая системность и преемственность исследования. Особое значение имеет этап выявления и оценки факторов влияния, непосредственно связанный с анализом взаимосвязей экономической ситуации и демографических процессов.

Для решения исследовательских задач применяется комплекс методов, соответствующих целям каждого этапа. Их подбор осуществляется с учетом методологических требований к надежности, репрезентативности и интерпретируемости данных. Схема используемых методов представлена

³¹ Составлено автором.

на рис. 1.3. Методы сгруппированы по функциональным блокам: сбор, анализ, интерпретация, что позволяет связать их с этапами методики и обеспечить адекватность методологического инструментария.

Рисунок 1.3 – Комплекс методов, применяемых в исследовании демографических процессов³²

Методы сбора данных включают статистический анализ официальных данных Росстата, анализ нормативно-правовых актов и изучение архивных материалов, что обеспечивает репрезентативность и достоверность исходной информации. Методы обработки и анализа охватывают изучение динамики и структуры временных рядов, картографические методы для пространственного анализа данных, корреляционный и регрессионный анализ для выявления взаимосвязей между экономическими и демографическими показателями³³.

Методы интерпретации предполагают сравнительно-исторический подход для выявления долгосрочных тенденций, анализ социально-культурных особенностей с учетом региональной специфики и прогнозное моделирование для разработки сценариев развития³⁴.

Особое значение имеет кластерный анализ как метод изучения демографических процессов. Он позволяет проследить особенности развития показателей плотности населения, этнической принадлежности, уровня

³² Составлено автором.

³³ Степаненкова, Н.М. Оценка влияния социально-экономических факторов на демографические процессы в Российской Федерации / Н.М. Степаненкова, М.А. Степаненкова // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 771-786.

³⁴ Кулькова, И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России / И.А. Кулькова // Human Progress. – 2020. – Т. 6, № 1. – С. 260-265.

урбанизации и других характеристик в разрезе выделенных территориальных кластеров в рамках регионов или страны в целом. Актуальность кластерного анализа обусловлена ограниченностью среднестатистических данных, которые не учитывают социально-экономические, политические и культурные особенности территорий³⁵.

Такой подход обеспечивает более точный учет региональных и локальных различий, что критически важно для разработки эффективных стратегий социально-экономического развития. Среднестатистические показатели часто маскируют внутрирегиональную вариативность, приводя к искажениям в планировании и реализации государственной политики. Кластерный анализ дает детализированное представление о демографических процессах, способствуя обоснованному и эффективному управлению ими.

Переходя к практическим аспектам, следует подчеркнуть значение системного мониторинга демографических процессов для государственного регулирования. Регулярное наблюдение за демографической ситуацией в регионах создает основу для научно обоснованных управленческих решений. Данные мониторинга служат базой для построения моделей демографического развития, прогнозных оценок ключевых параметров, конструирования «проекта решений», планирования и программирования с четкими индикаторами оценки результатов, а также контроля реализации мер³⁶.

Рассматривая основные виды демографических процессов, следует отметить их специфику и различную чувствительность к экономической конъюнктуре.

Рождаемость представляет собой сложный демографический процесс, отражающий биосоциальное воспроизводство населения через деторождение

³⁵ Есимханова, Д.М. Кластерный анализ демографических процессов в Казахстане на современном этапе / Д.М. Есимханова, Ж.С. Аубакирова // Вестник Карагандинского университета. – 2022. – № 4. – С. 200-209.

³⁶ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова [и др.]; ФНИСЦ РАН. – Москва: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. – 220 С. ISBN 978-5-88045-556-0

в рамках поколения или совокупности поколений³⁷. Современные исследования показывают, что она определяется взаимодействием социальных, экономических и культурных факторов: уровнем доходов, занятостью, жилищными условиями, доступностью образования и медицинских услуг³⁸.

Смертность — ключевой демографический процесс, характеризующий частоту наступления смерти в популяции и измеряемый системой статистических показателей. В демографии она рассматривается как социально-биологический феномен, отражающий уровень жизни, качество медицинского обслуживания, условия труда и экологическую обстановку — факторы, существенно зависящие от экономической ситуации. Зависимость особенно заметна в дифференциации смертности по социально-экономическим группам.

Воспроизводство населения — фундаментальный процесс, обеспечивающий непрерывное обновление популяции через взаимодействие рождаемости и смертности. В научной литературе выделяют узкий подход (как синоним естественного движения) и широкий (комплексное явление, включающее биологические, демографические и социальные аспекты для замещения поколений)³⁹. Экономическая ситуация определяет его характер: стабильный рост способствует расширенному воспроизводству, кризисы — сужению базы.

Брачность и разводимость как взаимосвязанные процессы отражают трансформацию семейных структур под влиянием социально-экономических условий. Экономическая стабильность влияет на решения о браке и его

³⁷ Хачатрян Л.А. Рождаемость в современном российском обществе: особенности и последствия / Л.А. Хачатрян // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. №4.

³⁸ См.: Мальтус, Т.Р. Опыт о законе народонаселения / Т. Р. Мальтус // Антология экономической классики. М., 1993; Вишневский, А.Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А.Г. Вишневский. – Москва: Новое издательство, 2006. – 608 с. – ISBN 5-98379-042-0.

³⁹ См.: Борисов В.А. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. / В.А. Борисов, А.Б. Синельников. // НИИ семьи Минсоцзащиты России. – М.: НИИ семьи, 1995. – 117 с.; Рыбаковский, Л.Л. Демографический понятийный словарь / Л.Л. Рыбаковский // Министерство труда и социального развития РФ, РАН. Институт социально-политических исследований, 2003. С. 59.

сохранении: уровень доходов, перспективы занятости, доступность жилья определяют брачное поведение и устойчивость семейных союзов⁴⁰.

Миграционная подвижность населения представляет собой территориальное перемещение, тесно связанное с экономической конъюнктурой. Развитие миграционных процессов определяется диспропорциями в экономическом развитии территорий, различиями в уровне жизни и возможностях занятости. Как показывает практика, миграционные потоки направлены преимущественно в регионы с более благоприятными экономическими условиями.

Особую значимость в исследовании демографических процессов приобретает интеграция данных официальной государственной статистики с результатами специализированных социологических исследований, позволяющая выявить латентные механизмы и причинно-следственные зависимости, недоступные при использовании исключительно агрегированных статистических показателей. В частности, мониторинговые исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) демонстрируют высокий аналитический потенциал социологических опросов как инструмента выявления ценностных и поведенческих трансформаций, сопровождающих демографическую динамику. Данные, полученные в период 2017–2024 гг., свидетельствуют о сохраняющемся предпочтении официально зарегистрированного брака (73 % респондентов), распространении ситуативного подхода к оценке допустимости разводов (58 % опрошенных полагают, что решение о разводе должно приниматься с учетом конкретных обстоятельств), а также о признании допустимости незарегистрированного сожительства среди 16–18 % респондентов в возрасте до 40 лет⁴¹.

Анализ эмпирических материалов выявляет существенную дифференциацию демографических установок между поколениями и регионами. Традиционные ценностные ориентации в сфере брачно-семейных отношений в большей степени

⁴⁰ Синельников, А.Б. Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью / А.Б. Синельников, О.А. Золотарева, М.Д. Хабиб // Вестник ГУУ. 2024. №12.

⁴¹ ВЦИОМ. Новости: Разводы в России: мониторинг. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 11.05.2025).

сохраняются в старших возрастных группах и регионах Северного Кавказа, тогда как молодежь демонстрирует более гибкие и вариативные модели формирования семейных отношений. В структуре причин разводов доминируют финансовые трудности (46 % случаев) и деструктивное поведение партнера (31 %), при этом фиксируются значимые гендерные различия в восприятии и интерпретации кризисных ситуаций в семье. Полученные выводы существенно дополняют официальные статистические данные Росстата, наполняя их содержательным контекстом и обеспечивая переход от простой фиксации количественных показателей к их качественной интерпретации⁴².

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что все основные виды демографических процессов находятся в тесной и многоуровневой взаимосвязи с экономическими условиями. Сформулированные теоретические положения и выявленные эмпирические характеристики создают необходимую аналитическую основу для последующего рассмотрения взаимосвязи экономической ситуации и демографических процессов в рамках настоящего исследования.

1.3. Взаимосвязь экономической ситуации и демографических процессов

Исследование закономерностей взаимодействия между экономическим и демографическим развитием как системами, а также между отдельными экономическими и демографическими процессами, входящими в эти системы, является предметом таких научных дисциплин, как экономика народонаселения и экономическая демография. Первая, как экономическая наука, изучает влияние экономики на демографические процессы и воспроизводство населения в целом, вторая, как демографическая наука, — влияние демографических процессов и структур на развитие экономики⁴³. Однако современный научный дискурс

⁴² ВЦИОМ. Новости: Разводы в России: мониторинг. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring>. (дата обращения 28.05.2025 г.)

⁴³ Ионцев В.А. Экономика народонаселения / Ионцев В.А. // М.: ИНФРА-М, 2007. – 667 с. ISBN 978-5-16-002037-2.

требует перехода от описания отдельных взаимосвязей к системному анализу, рассматривающему экономику и демографию как сложные, адаптивные и эволюционирующие системы. В рамках настоящего исследования системный подход реализуется через изучение прямых и обратных связей, нелинейных эффектов и институциональных механизмов, опосредующих совместное развитие экономической и демографической подсистем региона.

Анализ взаимосвязи экономической ситуации и демографических процессов представляет собой методологически сложную задачу, обусловленную их глубокой взаимной обусловленностью и непрерывным взаимодействием. Экономические факторы, включая уровень доходов населения, состояние занятости и доступность социальных услуг, оказывают существенное влияние на ключевые демографические показатели — рождаемость, смертность и миграционную подвижность. В свою очередь, демографические изменения воздействуют на параметры экономического развития через трансформацию численности, возрастной и профессиональной структуры населения, формируя условия воспроизводства трудового и человеческого потенциала территории.⁴⁴

Взаимосвязь экономической ситуации и демографических процессов схематично представлена на Рис. 1.4.

Комплексный анализ, учитывающий многообразие экономических и демографических факторов, позволяет выявить ключевые тенденции и закономерности, которые могут быть использованы при разработке обоснованных стратегий управления демографическими процессами.

⁴⁴ Ионцев В.А. Экономика народонаселения / Ионцев В.А. // М.: ИНФРА-М, 2007. – 667 с. ISBN 978-5-16-002037-2.

Рисунок 1.4 – Взаимосвязь экономической ситуации
и демографических процессов⁴⁵

Вместе с тем следует отметить, что на экономические и демографические явления, наряду с политическими, экономическими и социальными детерминантами, существенное влияние оказывают психологические особенности поведения населения, иррациональные и интуитивные решения индивидов, а также поведенческие стратегии хозяйствующих субъектов. В связи с этим в научной литературе высказывается положение об относительном характере экономических закономерностей.

Отечественный исследователь А. В. Кашепов подчеркивает, что экономика и демография представляют собой тесно взаимосвязанные идеографические науки, оперирующие категориями закона и истины, однако фактически вынужденные признавать их условный и конвенциональный характер: соответствующие «законы» принимаются или отвергаются научным сообществом и не поддаются прямому экспериментальному воспроизведению. В этой связи выявляемые взаимосвязи между экономическими и демографическими явлениями могут рассматриваться в качестве «законов» лишь условно и с рядом

⁴⁵ Составлено автором.

методологических оговорок. Более корректным представляется использование понятий «гипотеза» или «зависимость», преимущественно корреляционного, а не функционального характера⁴⁶.

Исходя из принципа относительности экономико-демографических закономерностей, устанавливаемые взаимосвязи носят вероятностно-статистический, а не детерминистский характер. Так, повышение уровня доходов населения не гарантирует роста рождаемости, а лишь формирует более благоприятную социально-экономическую среду для ее потенциального увеличения, при этом итоговый эффект может быть нивелирован ценностными трансформациями, экологическими условиями или институциональными ограничениями. Подобный подход позволяет избежать упрощенных интерпретаций и создает методологическую основу для многомерного моделирования демографических процессов с учетом системы контрольных переменных.

Тем не менее экономика и демография находятся в тесной и взаимно обусловленной взаимосвязи. А. В. Кашепов отмечает, что численность населения оказывает влияние на параметры спроса и предложения, объем трудовых ресурсов и уровень оплаты труда, однако в отрыве от показателей производительности труда и уровня технологического развития не способна оказывать прямое и однозначное воздействие на экономическую ситуацию⁴⁷. Возрастно-половая структура населения непосредственно влияет на процессы производства и распределения общественных благ, в связи с чем демографическое состояние страны оказывает существенное воздействие на ее экономическое развитие. Демографическая ситуация нередко выступает интегральным индикатором уровня развития государства, и решение социальных задач, обеспечение устойчивости экономики и национальной безопасности во многом зависят от принимаемых демографических решений. В свою очередь, траектории экономического развития,

⁴⁶ Кашепов, А.В. Взаимосвязи экономики и демографии: монография / А.В. Кашепов. – Москва: МАКС Пресс, 2019. – 176 с.

⁴⁷ Кашепов, А.В. Взаимосвязи экономики и демографии: монография / А.В. Кашепов. – Москва: МАКС Пресс, 2019. – 176 с.

а также расстановка экономических и политических сил на региональном и глобальном уровнях в значительной степени определяются демографическими и миграционными процессами.

Эволюция теоретических подходов в экономической науке демонстрирует переход от узкого трактования населения исключительно как фактора производства к концепции человеческого капитала⁴⁸. В рамках классической теории население рассматривалось преимущественно как рабочая сила и потребитель, где труд выступал ключевым фактором производства, а потребление — основным стимулом рыночного развития. В современных условиях данный подход существенно расширен: население интерпретируется как создатель и распределитель общественного богатства, активный участник социального и культурного развития, а также носитель человеческого капитала. Это подчеркивает многоаспектность вклада населения в экономику и обуславливает необходимость комплексного анализа демографических процессов.

Для более глубокого понимания сущности демографических процессов на региональном уровне важное значение имеют концепции демографических переходов, раскрывающие логику и этапность демографической эволюции общества. Термин «демографический переход», введенный Ф. Ноутстейном в 1945 году, отражает фундаментальные изменения в воспроизводстве населения, которые А. Ландри охарактеризовал как «демографическую революцию». По А.Г. Вишневскому, демографический переход представляет собой смену равновесия высокой рождаемости и высокой смертности равновесием низкой рождаемости и низкой смертности — подлинную социально-демографическую революцию, трансформирующую механизмы воспроизводства поколений и модернизирующую общественные структуры⁴⁹.

Первый демографический переход характеризуется циклом от медленного роста при высокой смертности/рождаемости и молодом населении к стабилизации

⁴⁸ Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / Gary S. Becker. – New York: National Bureau of Economic Research, 1964. – 187 p.

⁴⁹ Вишневский, А.Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А.Г. Вишневский. – Москва: Новое издательство, 2006. – 608 с. – ISBN 5-98379-042-0.

при низких уровнях рождаемости/смертности и старом населении⁵⁰. В большинстве регионов России он завершился к концу XX века, но с региональной неравномерностью. В Северо-Кавказском федеральном округе (Чеченская Республика — СКР 2,8; Республика Дагестан — 2,1; доля младше 15 лет — 35%) сохраняются черты ранних стадий из-за культурно-религиозных традиций. В ДФО переход завершен, ключевыми стали постпереходные вызовы: депопуляция, старение, миграционный отток (Чукотка, Магадан — СКР 1,2–1,3; смертность на 15–20% выше среднероссийской). Исключение — Якутия (СКР 1,7; молодежь 25%), где рост смертности от внешних причин и миграция нивелируют эффект. Таким образом, СКФО демонстрирует классическую модель, ДФО требует интеграции демографической и экономической политики (рабочие места, инфраструктура, удержание населения).

В отличие от первого перехода, фокусирующегося на рождаемости и смертности, второй демографический переход сужает анализ до социальных явлений со следующими особенностями:

- переход от «золотого века» брака к его закату (распространение неоформленных форм совместной жизни и альтернативных семей);
- от детоцентристской модели к индивидуалистической паре с одним ребенком;
- от превентивной контрацепции к сознательному планированию каждого ребенка;
- от унифицированной модели к плюралистическим формам семьи.

Второй демографический переход наиболее выражен в крупных урбанизированных регионах России (Москва, Санкт-Петербург), где доминируют высокий уровень сожителств, поздние браки и однодетная модель семьи. В ДФО он находится на начальной стадии и локализован в крупных городах (Владивосток, Хабаровск), где доля незарегистрированных союзов достигает 25–30%, средний возраст материнства вырос до 28 лет, а СКР снизился до 1,4–1,5. В сельских

⁵⁰ Davis K. The World demographic transition / K. Davis // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1945. – Vol. 237, World Population in Transition. — P. 1–11.

и северных районах (Чукотка, Магаданская область) сохраняются традиционные модели⁵¹. Замедление перехода в ДФО обусловлено государственной экономической зависимостью, миграционным оттоком молодежи и инфраструктурными ограничениями, формируя «гибридные» демографические практики, требующие адаптации политики к сочетанию урбанизированных центров с индивидуалистическими установками и периферийных территорий с консервативным укладом.

Если первый демографический переход касался рождаемости и смертности, второй — сексуального поведения и форм семьи, то третий (миграционный), предложенный Д. Коулменом, затрагивает состав населения. Низкая рождаемость меняет миграционную политику, а миграция трансформирует демографическую структуру. Четвертый демографический переход представляет собой изменение воспроизводства населения под влиянием цифровизации и ИИ, где традиционные биологические и территориальные факторы вытесняются виртуальными и технологическими⁵².

Прорывы в борьбе с экзогенными заболеваниями в первой половине XX века обеспечили беспрецедентный рост численности населения планеты. Реакцией демографической системы стало перманентное снижение рождаемости, что привело к феномену глобального старения населения.

Старение населения выступает одним из наиболее ярко выраженных глобальных демографических трендов современности. Страны и регионы мира «стареют» с разной интенсивностью, однако общая направленность процесса определяет структурные изменения, происходящие в мировом сообществе. Экономические последствия масштабны: ухудшение бюджетного баланса, изменения в сбережениях и инвестициях, дефицит рабочей силы, снижение

⁵¹ Смирнов, В.М., Специфика бедности в Дальневосточном федеральном округе / В.М. Смирнов, Селиванова О.В. // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 2. С. 485-502. DOI: 10.18334/et.9.2.114148.

⁵² Коулмен Д. Третий демографический переход // Демоскоп Weekly № 299-300. 3-16 сентября 2007/ Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema01.php>. (дата обращения: 11.05.2025).

эффективности соцобеспечения, производительности и темпов роста, неэффективность макроэкономической политики.

Фактор старения населения влияет на многие бюджетные показатели. Это обусловлено тем, что значительная часть расходов либо имеет четкую адресность, определяемую возрастом, либо варьируется в зависимости от возрастной группы. Так, расходы, связанные с семейными пособиями и школьным образованием, ограничены до 17 лет, а выплата пенсий, наоборот, происходит после достижения определенного возраста. Право на бесплатное лечение может не зависеть от возраста, но на самом деле государство тратит на лечение пожилых граждан гораздо больше, чем на лечение молодых людей⁵³.

В частности, проблема старения населения тесно связана с проблемой пенсионного обеспечения граждан. Увеличение доли пенсионеров в структуре населения сопровождается уменьшением доли населения трудоспособного возраста и при сохранении традиционной распределительной государственной пенсионной системы резко увеличивается нагрузка на трудоспособное население, что приводит к необходимости либо понижать размер трудовой пенсии, либо увеличивать долю пенсионных отчислений от заработной платы⁵⁴.

Динамика численности населения России по возрастным группам (Рис. 1.5) показывает устойчивое сокращение трудоспособного населения и рост посттрудоспособного. С 2000 по 2023 год численность трудоспособных сократилась на 6,9 млн человек (7,5%), а старше трудоспособного возраста выросла на 7,4 млн человек (28,1%).

Согласно прогнозу Отдела народонаселения ООН, указанная тенденция продолжится до 2050 года, в связи с чем численность трудоспособного населения России к 2050 году по сравнению с 2023 годом уменьшится на 13,1 млн человек

⁵³ Теткина, Е.А. Влияние старения населения на экономику России / Е.А. Теткина // Профессионально-технологическая и экономическая подготовка обучающихся в условиях модернизации и стандартизации образования: Сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2023. – С. 145-147.

⁵⁴ Овчарова, А.А. Проблема старения населения России / А.А. Овчарова // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова: материалы конференции. – Белгород, 2021. – С. 5611-5617.

или на 15,5%, в то время как численность населения старше трудоспособного возраста за указанный период увеличится на 8,3 млн человек или на 24,6 %⁵⁵.

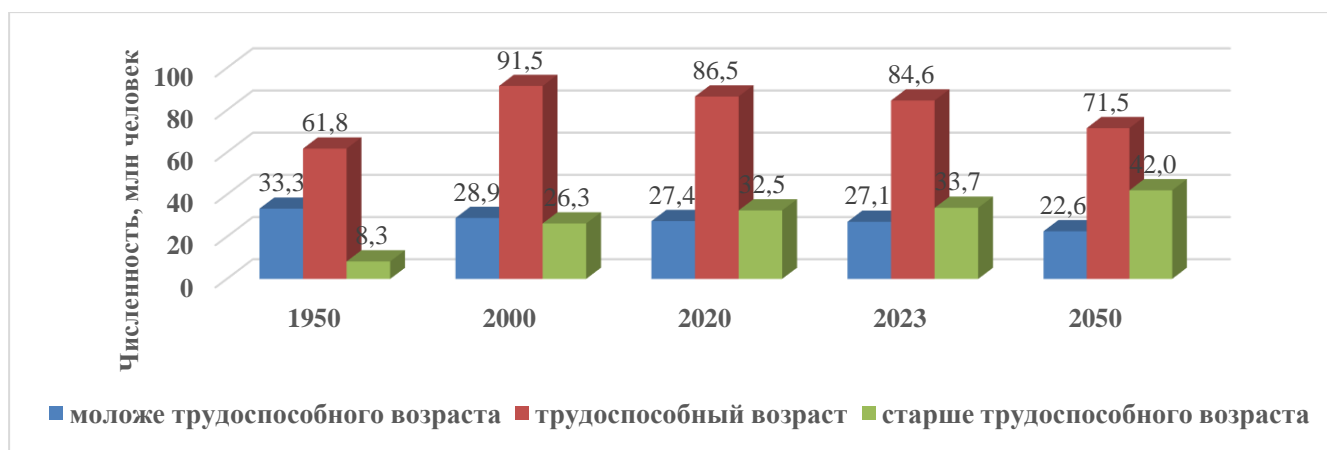

Рисунок 1.5 – Динамика численности населения России в разрезе основных возрастных групп (факт и прогноз), млн человек (в рамках возрастных границ 2025 года⁵⁶)

Указанные выше тенденции в части сокращения трудоспособного населения и увеличения населения старше трудоспособного возраста характерны и для ДФО, что подтверждается данными, представленными на Рис. 1.6.

Рост численности трудоспособного населения ДФО в 2020 году по сравнению с 2000 годом обусловлен укрупнением округа в 2018 году за счет включения Забайкальского края и Республики Бурятия⁵⁷. Вместе с тем численность населения старше трудоспособного возраста в 2023 году по сравнению с 2000 годом увеличилась на 600 тыс. человек, или на 54,5%.

Согласно прогнозу Росстата, к 2046 году по сравнению с 2023 годом численность трудоспособного населения ДФО сократится на 300 тыс. человек

⁵⁵ Департамент по экономическим и социальным вопросам. Отдел народонаселения. Перспективы мирового населения на 2024 год. Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/downloads?folder=Standard%20Projections&group=Population>.

⁵⁶ Составлено автором. В 2025 году верхняя граница трудоспособного возраста для расчетов Росстата принята за 62 года для мужчин и 57 лет для женщин. Нижняя граница трудоспособного возраста при этом составляет 16 лет для мужчин и женщин.

⁵⁷ Указом Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849», Забайкальский край и Республика Бурятия включены в состав Дальневосточного федерального округа.

(на 6,3%), тогда как численность населения старше трудоспособного возраста возрастет на 500 тыс. человек (на 31,3%).

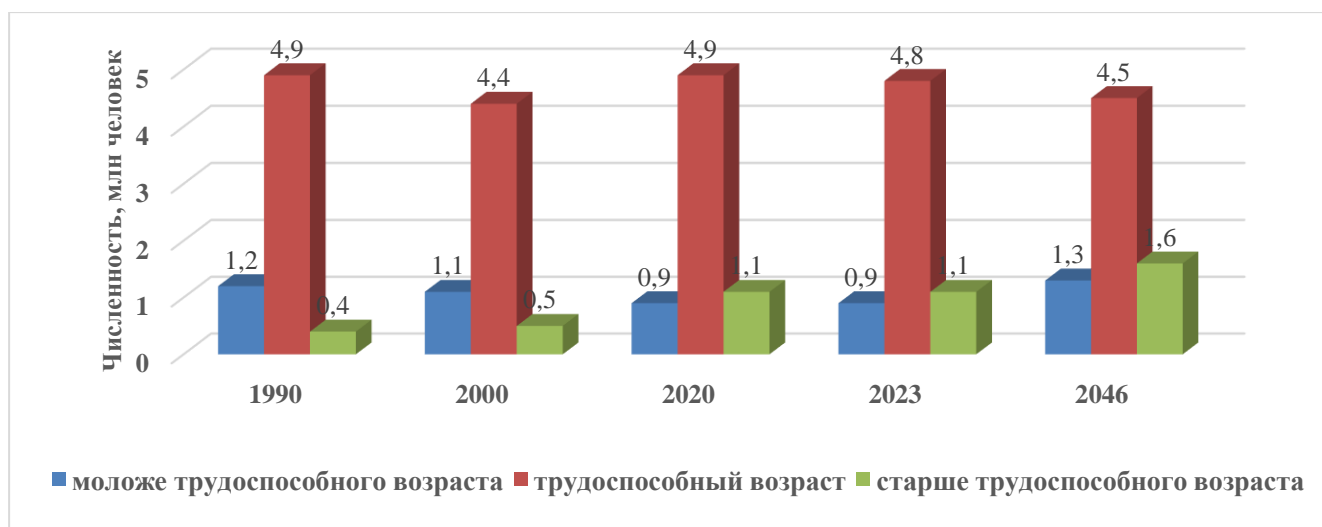

Рисунок 1.6 – Динамика численности населения Дальневосточного федерального округа в разрезе основных возрастных групп (факт и прогноз), млн человек⁵⁸

Представители средней возрастной группы (20–64 лет) производят больше, чем потребляют, хотя их потребление существенно превышает расходы старшей группы (65+). Снижение доли населения старше трудоспособного возраста приводит к уменьшению совокупного спроса. Однако государственные расходы в условиях старения возрастают из-за роста потребления услуг здравоохранения и социального обеспечения параллельно увеличению среднего возраста населения⁵⁹.

По оценкам экономистов Credit Suisse, к 2060 году почти половина населения России будет относиться к категории пенсионеров, что потребует колоссального увеличения расходов пенсионной системы и ее глубокого реформирования для обеспечения финансирования растущего числа получателей пенсий на фоне сокращения численности трудоспособного населения. В этих условиях негативные

⁵⁸ Источник: составлено автором. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Точка доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/36727> / (дата обращения: 19.12.2024).

⁵⁹ Kaplan, M. The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy / M. Kaplan, M. Inguanzo // Journal of Social Work in the Global Community. – 2017. – Vol. 1. – P. 1-12.

демографические тенденции приобретают все более ощутимое воздействие на российскую экономику и социальную сферу, усиливая нагрузку на государственные финансы и систему социального обеспечения⁶⁰.

Перманентный рост численности пожилых граждан трансформирует проблему бюджетной устойчивости из краткосрочной в долгосрочную, системную. Два ключевых фактора формируют структурные риски: сокращение численности трудоспособного населения, выступающего основным источником налоговых поступлений и внутреннего спроса, а также возрастающие расходы на пенсионное обеспечение, здравоохранение и социальное обслуживание пожилых людей. По мнению В.Н. Барсукова, для сохранения фискальной устойчивости в условиях старения населения необходимы активизация совокупного спроса и стимулирование инвестиционной активности, что позволяет расширить налоговую базу и компенсировать возрастающие социальные обязательства⁶¹.

Одной из наиболее актуальных демографических проблем современности является устойчивое снижение рождаемости, характерное для подавляющего большинства стран. Изучение взаимосвязи между уровнем рождаемости и состоянием экономики представляет собой сложную и неоднозначную исследовательскую задачу, о чем свидетельствует наличие в научной литературе множества конкурирующих и нередко противоречивых теоретических подходов⁶². Указанная взаимосвязь порождает широкий круг политико-экономических вопросов, в частности: должны ли развивающиеся страны с высоким уровнем рождаемости направлять значительные ресурсы на программы планирования семьи и иные меры по ее снижению с целью получения «демографических дивидендов» в виде уменьшения коэффициента демографической нагрузки и ускорения роста доходов на душу населения, либо, напротив, страны с низкой

⁶⁰ Холявко А., Оверченко М. К 2060 году в России почти половина населения будет пенсионерами. Ведомости. 23.01.2020. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/22/821263-2060-godu> (дата обращения: 20 мая 2025 г.)

⁶¹ Барсуков, В.Н. Факторы изменения фискальной устойчивости государств в условиях старения населения / В.Н. Барсуков // Вопросы территориального развития. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 1-12.

⁶² Истерлин Р. Экономическая теория рождаемости / Р. Истерлин // Современная экономическая мысль: [сборник статей] / под ред. С. Р. Можаровой. – М.: Прогресс, 1981. – С. 158–193.

рождаемостью и высоким уровнем доходов обязаны проводить политику стимулирования деторождения для снижения доли пожилого населения и поддержания устойчивости систем социального страхования и пенсионного обеспечения.

Страны реализуют разные подходы. Одни снижают рождаемость через субсидии, штрафы и программы планирования семьи, другие повышают ее финансовыми стимулами (в России — материнский капитал, социальные выплаты)⁶³.

Исследования К. Комолли, Г. Нейер, Г. Андерссона и др. показывают, что в развитых странах рождаемость растет в периоды подъема и падает в кризисы. Экономическая неопределенность (падение ВВП, рост безработицы) побуждает откладывать создание семьи. Деторождение как дорогостоящий и необратимый шаг воспринимается рискованно даже без прямого снижения доходов. Сокращение соцобеспечения усиливает эффект спада рождаемости⁶⁴.

Указанные факторы в полной мере коррелируют с событиями периода распада СССР, сопровождавшегося кардинальной трансформацией экономики (падение производства, закрытие предприятий, рост безработицы), социальной сферы (здравоохранение, образование, соцзащита) и ухудшением условий жизни (снижение доходов, дефицит продуктов, неуверенность в будущем)⁶⁵. В этих условиях рождаемость в России последовательно снижалась на протяжении 1990-х годов, а смертность превышала рождаемость: число родившихся сократилось на 39% (1990–1999 гг.), число умерших выросло на 40%

⁶³ Кашепов, А.В. Взаимосвязи экономики и демографии: монография / А.В. Кашепов. – Москва: МАКС Пресс, 2019. – 176 с.

⁶⁴ Comolli, C. Beyond the Economic Gaze: Childbearing During and After Recessions in the Nordic Countries / C. Comolli, G. Neyer, G. Andersson, L. Dommermuth, P. Fallesen, M. Jalovaara, A. Klaengur Jonsson, M. Kolk, T. Lappegård // European Journal of Population. – 2021. – Vol. 37. – P. 473-520. – DOI: 10.1007/s10680-020-09570-0.

⁶⁵ Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР / А.Я. Кваша – М: Финансы и статистика, 1981. – 200 с.

(1990–1994 гг.)⁶⁶. С 2000-х ситуация начала улучшаться, и в 2014 году прирост населения России впервые стал положительным⁶⁷.

Улучшение демографической ситуации в России с начала 2000-х годов С.В. Рязанцев и Л.Л. Рыбаковский связывают с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье». Благодаря ему с 2006 года началось совершенствование системы первичной медицинской помощи, повысилась доступность высокотехнологичных видов лечения, усилилась профилактическая направленность здравоохранения. В результате стала снижаться смертность населения от предотвратимых причин⁶⁸.

С 2006 года были внедрены новые меры поддержки семей с детьми, ключевой из которых стал материнский (семейный) капитал, предоставляемый при рождении второго и последующих детей. Усилена государственная помощь при рождении и воспитании ребенка, совершенствовалась сеть учреждений родовспоможения, улучшилась медицинская помощь беременным женщинам, повысились пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, включая выплаты неработающим родителям. Эти меры способствовали снижению смертности, росту рождаемости и временно позволили преодолеть естественную убыль населения.

Однако отечественные и зарубежные прогнозы свидетельствуют о неизбежном сокращении численности населения России. Независимо от степени точности таких прогнозов, демографическое сокращение несет для страны, особенно для Дальневосточного федерального округа, серьезные геополитические и социально-экономические последствия.

По мнению С.В. Рязанцева и Л.Л. Рыбаковского, удерживать и развивать обширные восточные территории становится все сложнее из-за высокой смертности и миграционного оттока населения. Авторы называют процесс

⁶⁶ Рязанцев, С.В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91, № 9. – С. 810-819.

⁶⁷ Пашихина, Е.В. Влияние социально-экономических факторов на рождаемость населения в Российской Федерации / Е.В. Пашихина // Хроноэкономика. – 2020. – № 7 (28). – С. 104-109.

⁶⁸ Рязанцев, С.В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91, № 9. – С. 810-819.

интенсивного сокращения населения в регионах Дальнего Востока «восточным демографическим сжатием»: именно эти субъекты понесли наибольшие людские потери между переписями 2002, 2010 и 2021 годов⁶⁹.

Федеральные власти уделяют особое внимание ежегодному сокращению численности населения Дальнего Востока. Цели по укреплению демографического потенциала, сокращению миграционного оттока и привлечению новых жителей за счет повышения качества жизни, устойчивого роста рождаемости и продолжительности жизни, а также снижения смертности занимают центральное место в стратегических документах страны.

В 2018 году началась реализация национального проекта «Демография»⁷⁰, который предусматривал к 2024 году увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет, повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 1,7, введение финансовых мер поддержки семей при рождении детей, создание условий для трудовой занятости женщин с детьми, а также развитие программ поддержки граждан старшего поколения.

В 2025 году Правительством РФ был утвержден Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 и 2036 годов⁷¹. В нем закреплена национальная цель — сохранение населения, укрепление здоровья и поддержка семьи, для реализации которой поставлены следующие задачи⁷²:

- повышение СКР до 1,6 к 2030 году и 1,8 к 2036 году;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и 81 года к 2036 году;

⁶⁹ Рязанцев, С.В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91, № 9. – С. 810-819.

⁷⁰ С 2025 года вместо национального проекта «Демография» реализуется национальный проект «Семья».

⁷¹ С 2025 года вместо национального проекта «Демография» реализуется национальный проект «Семья».

⁷² Михаил Мишустин утвердил единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Режим доступа: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 11.05.2025).

- обеспечение темпов роста СКР в субъектах с показателем ниже среднего по состоянию на 2023 год не ниже среднероссийских значений к 2030 году;
- сокращение суммарной продолжительности временной нетрудоспособности среди населения трудоспособного возраста к 2030 году.

Миграция остается ключевым фактором демографического развития. В современных условиях для России особенно важно усиление ее роли в демографической динамике, в том числе за счет увеличения реэмиграции русскоязычного населения из стран бывшего СССР.

С 2007 года действует Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Госпрограмма)⁷³. С момента ее практической реализации, с 2007 по 2024 год, в Россию переселились и были поставлены на учет в территориальных органах МВД России 1 201 750 участников Госпрограммы и членов их семей. В том числе на территории приоритетного заселения⁷⁴ прибыло 83 847 человек, или 7,0 % от общего числа переселенцев⁷⁵.

В рамках реализации Государственной программы проводятся мероприятия, направленные на содействие переселению и адаптации соотечественников-старообрядцев на территории Дальневосточного федерального округа. В настоящее время в Приморском крае проживают 54 семьи (238 человек) старообрядцев, прибывших из стран Южной Америки и штата Орегон (США). Для них предусмотрены региональные меры финансовой поддержки, включая предоставление субсидий на оплату первоначального взноса (в размере не более 10 %) и возмещение части затрат на уплату процентов по кредитным договорам

⁷³ Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») (действующая редакция от 18.09.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.05.2025).

⁷⁴ Указом Президента Российской Федерации от 24 июля 2019 г. № 354 к территориям приоритетного заселения отнесены субъекты Российской Федерации, входящие в состав ДФО.

⁷⁵ Доклад МВД России о ходе реализации Госпрограммы в 2023 году.

(до 5 % процентной ставки), заключенным с АО «Россельхозбанк» в рамках кредитного продукта «Родная земля».

Указанные меры подчеркивают значимость целенаправленной миграционной политики для регионов, испытывающих дефицит трудовых ресурсов. Экономисты отмечают, что внутренняя миграция традиционно играет положительную роль в периоды индустриализации и урбанизации, способствуя перераспределению трудовых ресурсов и стимулированию развития городов⁷⁶.

В то же время эффективность реализуемых мер в Дальневосточном федеральном округе остается ниже, чем в других субъектах Российской Федерации. Так, программа материнского капитала, демонстрирующая высокую результативность на национальном уровне, в условиях ДФО утрачивает значительную часть своего стимулирующего потенциала из-за высокой стоимости жизни и дефицита доступного жилья. Аналогично, Государственная программа, несмотря на свою символическую и стратегическую значимость, не в состоянии в количественном выражении компенсировать масштабы естественной убыли и миграционного оттока населения из макрорегиона. Это указывает на необходимость дифференциации подходов и разработки специальных федеральных мер, учитывающих региональную специфику субъектов ДФО.

В этой связи традиционные модели, описывающие взаимосвязь экономического роста и улучшения демографических показателей, оказываются ограниченными применительно к условиям Дальнего Востока. Их неполнота обусловлена исключительной ролью институциональных факторов – качества институтов, эффективности государственной политики, а также пространственно-географическими особенностями макрорегиона: обширной территорией, низкой плотностью населения и значительной удаленностью от центральных районов страны.

⁷⁶ Карцева, М.А. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния / М.А. Карцева, Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4 (181). – С. 87-97.

Ключевым условием демографического развития становится способность государственных институтов эффективно трансформировать имеющиеся ресурсы в устойчивые результаты, преодолевая экзогенные шоки и структурные дисбалансы. Именно институциональная среда — качество управления, эффективность реализации государственных программ и адаптивность мер поддержки к региональным условиям — выступает определяющим фактором успешности демографической политики в ДФО.

Таким образом, системный подход, представленный в данном исследовании, позволяет выйти за рамки поверхностного анализа и выявить нелинейные взаимосвязи экономической динамики и демографических процессов. Разработанный методологический инструментарий, основанный на сочетании современных теоретических концепций с проверенными методами количественного и качественного анализа, включает сформулированные авторские определения понятий «экономическая ситуация» и «демографические процессы» как комплексных систем, что позволило учесть не только макроэкономические, но и институциональные, социальные и географические факторы для ДФО. Интегративный подход обеспечил адаптацию и синтез теоретических концепций применительно к анализу макрорегиона, сформировав методологические рамки для эмпирического исследования, учитывающие сырьевую ориентацию, экстремальные условия и миграционную специфику ДФО. Указанный инструментарий направлен не только на диагностику существующих проблем в макрорегионе, но и на формирование адресных управленческих стратегий, учитывающих специфику различных типов регионов ДФО. Это определяет авторский вклад в развитие теории и практики региональной демографии, выражающийся в адаптации и эмпирической проверке общетеоретических моделей применительно к уникальному, стратегически важному и одновременно демографически уязвимому макрорегиону Российской Федерации.

Глава 2. Анализ влияния экономической ситуации на демографическую ситуацию в Дальневосточном федеральном округе

2.1. Общее состояние и характеристики экономической ситуации в Дальневосточном федеральном округе

Актуальность исследования определяется стратегической значимостью Дальневосточного федерального округа (ДФО) для экономики России и наличием системных проблем, сдерживающих его устойчивое развитие. Несмотря на обширную территорию и значительные природные ресурсы, макрорегион сталкивается с уникальным сочетанием вызовов и возможностей. Цель настоящего параграфа – комплексная оценка экономической ситуации в ДФО за 2000–2023 гг., выявление устойчивых тенденций и противоречий, влияющих на демографические процессы. Выбор периода (24 года) охватывает различные фазы экономической конъюнктуры, что позволяет верифицировать устойчивость выявленных закономерностей.

Одним из приоритетов пространственного развития Российской Федерации остается снижение межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации. Достижение этой цели предполагается через усиление межрегионального сотрудничества и координацию социально-экономической политики на уровне макрорегионов.

В этой связи актуальной остается проблема оптимизации системы экономического районирования. Фундаментальной особенностью данной задачи, обусловленной масштабами территории и неоднородностью экономического пространства России, является ее многоуровневый характер, где ключевую роль играют макрорегионы.

В 2000 году для повышения эффективности федеральных органов власти и контроля за исполнением решений был утвержден перечень федеральных округов, включая Дальневосточный федеральный округ (ДФО) с 10 субъектами: Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края, Амурская,

Камчатская, Магаданская, Сахалинская и Еврейская автономные области, Корякский и Чукотский автономные округа. Административным центром округа стал Хабаровск⁷⁷.

В 2007 году Камчатская область и Корякский автономный округ объединились в Камчатский край, сократив число субъектов ДФО до 9. В 2018 году в состав округа вошли Республика Бурятия и Забайкальский край (ранее входившие в Сибирский федеральный округ), а административный центр был перенесен во Владивосток⁷⁸. Актуальный перечень субъектов ДФО представлен на Рис. 2.1.

Рисунок 2.1 – Субъекты Российской Федерации, входящие в ДФО⁷⁹

В начале 2000-х годов экономика ДФО находилась в фазе восстановления после кризиса 1990-х: уровень инвестиций оставался низким, инфраструктура требовала модернизации, а темпы роста существенно уступали среднероссийским.

Формирование экономической ситуации в регионах ДФО в 2013–2023 гг. происходило при активной государственной поддержке. Правительством

⁷⁷ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (действующая редакция от 26.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

⁷⁸ Указ Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

⁷⁹ Составлено автором.

Российской Федерации была утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года⁸⁰, где ключевая цель развития макрорегиона сформулирована как «закрепление населения за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания, а также достижение среднероссийского уровня социально-экономического развития»⁸¹. Для ускорения экономического роста были приняты государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»⁸², Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года⁸³, а также долгосрочные планы комплексного социально-экономического развития городов Дальнего Востока⁸⁴.

Реализация этих документов сопровождалась комплексом мер: созданием территорий опережающего развития и Свободного порта Владивосток, предоставлением инфраструктурных субсидий инвесторам, безвозмездной передачей земли гражданам РФ, снижением энерготарифов для промышленности, целевыми социальными программами и преференциальным кредитованием

⁸⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» (действующая редакция от 10.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

⁸¹ Утяшова, О.В. Проблемы устойчивого развития Дальнего Востока в условиях глобальных вызовов / О.В. Утяшова // Московский экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 879-887.

⁸² Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (действующая редакция от 17.09.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

⁸³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (действующая редакция от 29.11.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

⁸⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.07.2023 № 2058-р «Об утверждении долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития ряда агломераций на период до 2030 года» (действующая редакция от 29.12.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

предприятий⁸⁵. С 2013 года за развитие макрорегиона отвечает отдельное федеральное министерство под руководством вице-премьера.⁸⁶

Особую значимость развитие ДФО приобрело в условиях западных санкций⁸⁷: утвержденная в 2020 году Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2024 года и на перспективу до 2035 года ориентирована на ускорение роста и технологическое обновление региона⁸⁸.

Таким образом, анализ экономической ситуации в ДФО имеет ключевое значение для оценки перспектив макрорегиона и его вклада в национальную экономику. Методологической основой служит валовой региональный продукт (ВРП) как наиболее доступный и репрезентативный показатель объемов и структуры региональной экономики.

По среднему ВРП за 2023 год субъекты ДФО занимают седьмое место из восьми федеральных округов, опережая Северо-Кавказский ФО на 4,3%, но отставая от Уральского и Центрального ФО на 8,0% и 28,1% соответственно. Показатели Южного ФО (7,0%) остаются сравнительно близкими к уровню ДФО (6,5%) (Рис. 2.2).

⁸⁵ Хван, И.С. Развитие Дальнего Востока в новых институциональных условиях: монография / И.С. Хван, Буланова М.А., Маслюк Н.А., Медведева Н.В., Новицкий А.А., Сидоренко О.В., Халикова С.С., Шевченко И.А., Шуляева А.В. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – 183 с.

⁸⁶ Юрий Трутнев: Развитие Дальнего Востока стало общепризнанным фактом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. Точка доступа: <http://government.ru/news/50665/> (дата обращения: 04.12.2024).

⁸⁷ Михайлова, А.В. Анализ развития регионов Дальневосточного федерального округа в условиях внешних санкций / А.В. Михайлова // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 4. – С. 126-132.

⁸⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.» (действующая редакция от 29.11.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

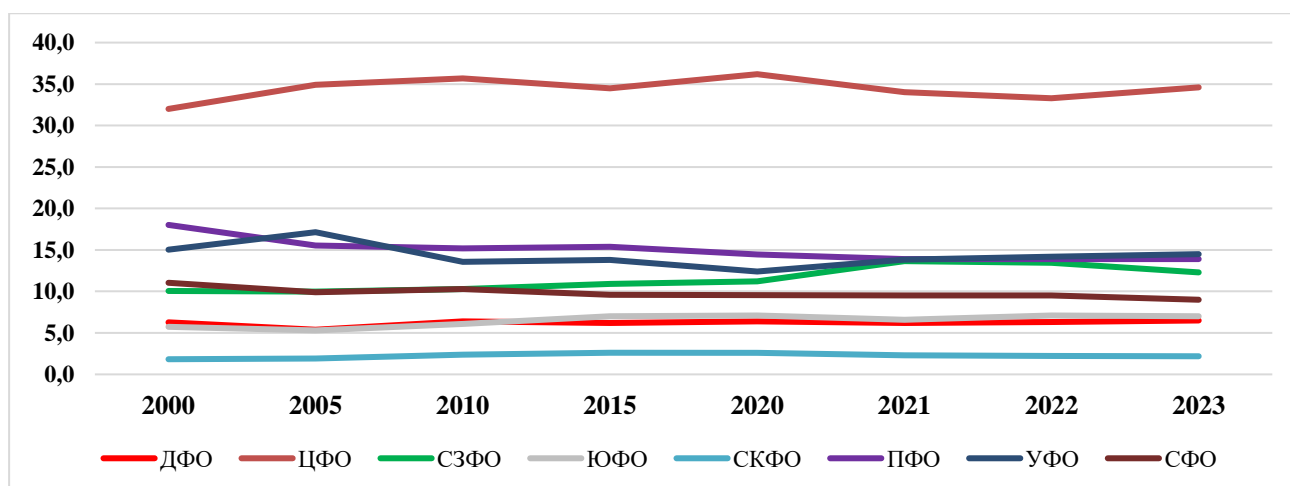

Рисунок 2.2 – Структура ВРП по федеральным округам
Российской Федерации, (%)⁸⁹

В современных условиях экономическая ситуация в регионах, включая Дальневосточный федеральный округ (ДФО), существенно определяет благосостояние населения и динамику демографических процессов. Она влияет на доступность рабочих мест, уровень заработной платы, качество жилья, образования и здравоохранения, стимулирует рост рождаемости и численности населения, а также создает предпосылки для инвестиций в государственные программы развития. Исследование особенностей экономического развития ДФО позволяет выявить ключевые факторы и тенденции социально-экономической динамики макрорегиона.

В рамках настоящего исследования проведен анализ ряда показателей экономического развития субъектов ДФО. Ключевым индикатором выступает валовой региональный продукт (ВРП), номинальные значения которого за 2000–2023 гг. выросли во всех регионах округа в 32,8 раза (на 3 180%)⁹⁰ (Табл. 2.1).

Для оценки реальной динамики, очищенной от инфляционного эффекта, применен сводный индекс потребительских цен. С его учетом реальный рост ВРП ДФО составил 183% (в 2,8 раза), что свидетельствует о существенном увеличении физического объема экономики. Достигнутый прогресс обусловлен реализацией

⁸⁹ Составлено автором.

⁹⁰ Номинальный рост без учета инфляции.

крупных государственных проектов, притоком инвестиций и расширением округа за счет включения Республики Бурятия и Забайкальского края⁹¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что за указанный период наибольший прирост объема ВРП среди регионов ДФО наблюдается в Сахалинской области и Чукотском автономном округе, который увеличился в 46,7 и 47,5 раза соответственно.

Таблица 2.1

– Динамика ВРП ДФО в период с 2000 по 2023 год, млрд руб.⁹²

Субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	82,0	183,0	386,8	747,6	1 133,7	1 672,3	2 009,3	2 229,8
Камчатский край	18,1	44,0	103,1	175,4	296,4	351,2	357,5	440,1
Приморский край	62,1	186,6	470,7	717,6	1 105,7	1 354,1	1 575,7	1 862,9
Хабаровский край	64,8	161,2	353,6	595,8	856,9	1 017,8	1 065,1	1 262,4
Амурская область	26,3	76,9	178,7	277,4	449,3	548,3	603,6	793,9
Магаданская область	13,0	27,2	59,6	125,8	285,1	320,2	315,4	403,9
Сахалинская область	34,8	121,0	487,7	837,5	1 001,7	1 237,9	1 672,5	1 624,6
Еврейская автономная область	3,8	14,2	31,6	44,6	63,2	79,2	81,1	102,2
Чукотский автономный округ	3,9	12,4	39,0	61,7	119,9	140,0	145,1	186,7
Республика Бурятия	21,6	74,9	133,5	202,8	302,8	356,2	447,3	503,9
Забайкальский край	30,0	69,6	166,7	247,7	422,7	516,6	561,7	718,4
ДФО⁹³	308,8	826,4	2110,7	3583,4	6 037,5	7 593,7	8 34,1	10128,8

Ключевой особенностью экономического развития регионов ДФО является значительная дифференциация по уровню ВРП. В 2023 году значения ВРП варьировались от 102,2 млрд руб. в Еврейской автономной области до 2 229,8 млрд руб. в Республике Саха (Якутия).

⁹¹ Преимущественно за счет средств федерального бюджета.

⁹² Составлено автором.

⁹³ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

Четыре лидирующих региона — Республика Саха (Якутия), Приморский край, Сахалинская область и Хабаровский край — существенно опережают остальные субъекты по всем экономическим показателям (Рис. 2.3). Их совокупный ВРП в 2023 году достиг 6 979,7 млрд руб. (68,9% от общего объема округа), в то время как семь остальных регионов обеспечили 3 149,1 млрд руб. (31,1%).

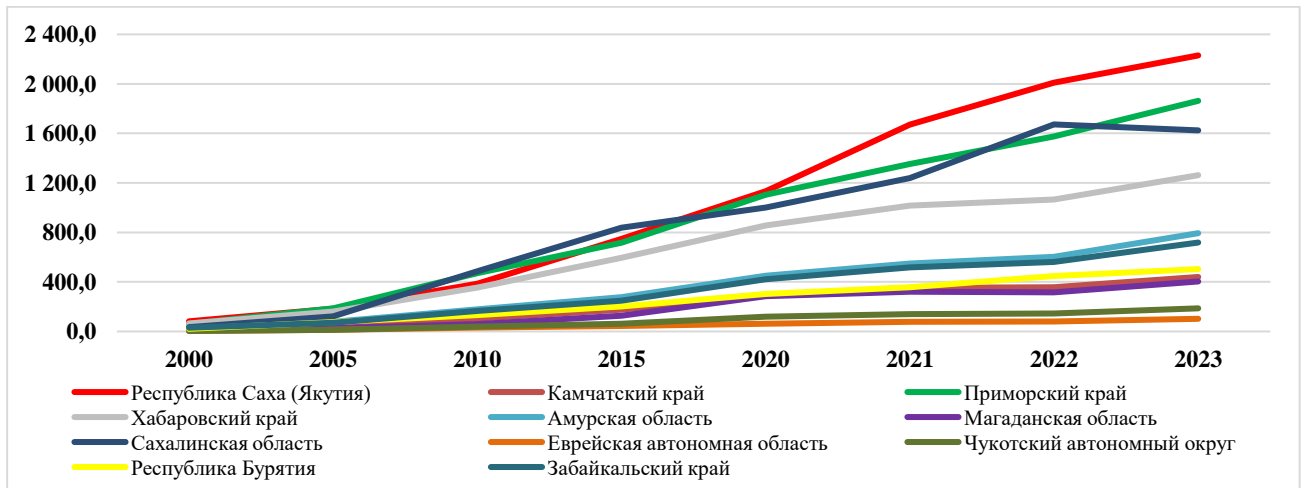

Рисунок 2.3 – Динамика ВРП по субъектам ДФО, млрд руб.⁹⁴

В периоды 2000–2005 гг. и 2005–2010 гг. объемы валового регионального продукта (ВРП) субъектов Дальневосточного федерального округа выросли в 2,7 и 2,5 раза соответственно. За последние четыре года (2020–2023 гг.) рост ВРП составил 1,7 раза.

Устойчивый рост ВРП в 2000–2023 гг. сопровождался увеличением ВРП на душу населения. Номинальный прирост этого показателя достиг 3 129,0% (в 32,3 раза) (Табл. 2.2). С учетом инфляции реальный прирост ВРП на душу населения ДФО за указанный период составил 178% (в 2,7 раза).

Данная динамика в значительной степени обеспечивалась за счет развития добывающей промышленности, а также реализации транзитного потенциала регионов, обусловленного их экономико-географическим положением и развитием внешней торговли⁹⁵.

⁹⁴ Составлено автором

⁹⁵ Алексахин К.Ю. Оценка устойчивости развития регионов Дальневосточного федерального округа / К.Ю. Алексахин // Прогрессивная экономика. 2024. № 10. – С. 144.

– Динамика ВРП на душу населения в ДФО в период
с 2000 по 2023 год, тыс. руб.⁹⁶

Субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	85,4	191,9	403,7	778,2	1 154,5	1 684,8	2 013,9	2 230,7
Камчатский край	49,1	129,2	319,8	569,0	1 005,5	1 199,1	1 229,9	1 523,8
Приморский край	29,1	92,5	240,2	373,4	591,9	731,9	860,6	1 027,4
Хабаровский край	44,2	116,3	262,7	446,9	657,8	786,6	826,7	985,4
Амурская область	28,3	88,6	214,8	345,0	577,4	713,3	794,3	1 054,1
Магаданская область	65,7	157,8	377,9	859,0	2 066,4	2 343,3	2 334,1	3 017,5
Сахалинская область	61,6	230,3	977,3	1 748,3	2 124,6	2 647,2	3 610,2	3 538,9
Еврейская автономная область	19,5	77,3	178,4	269,8	411,2	524,0	546,2	697,1
Чукотский автономный округ	66,0	237,1	767,8	1 248,4	2 495,5	2 932,8	3 030,1	3 895,1
Республика Бурятия	21,6	77,3	137,6	207,3	308,5	363,6	458,1	517,8
Забайкальский край	25,3	61,7	150,5	231,9	414,5	512,7	563,7	726,8
ДФО⁹⁷	39,8	113,0	287,7	491,1	751,1	950,6	1 113,3	1 284,5

Рост ВРП на душу населения свидетельствует об улучшении экономической ситуации в ДФО и создании предпосылок для повышения качества жизни населения. Данная тенденция характерна для всех субъектов макрорегиона, где за исследуемый период наблюдается устойчивый рост этого показателя.

Однако сохраняется значительная дифференциация по уровню ВРП на душу населения. В 2023 году значения варьировались от 517,8 тыс. руб. в Республике Бурятия до 3 895,1 тыс. руб. в Чукотском автономном округе (Рис. 2.4).

⁹⁶ Составлено автором.

⁹⁷ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

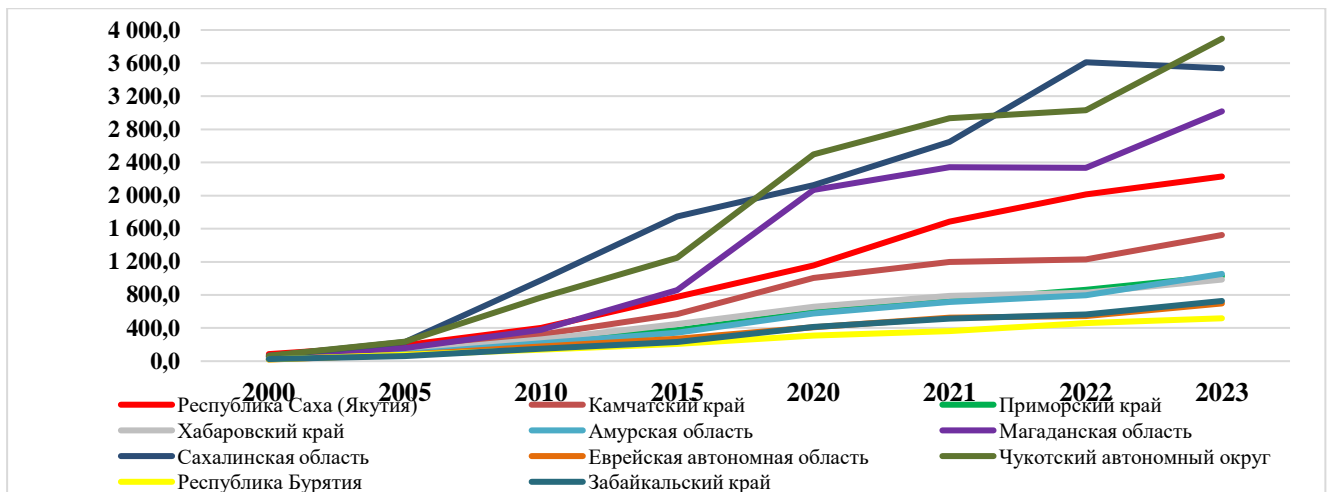

Рисунок 2.4 – Динамика ВРП на душу населения по субъектам ДФО, тыс. руб.⁹⁸

Четыре региона — Чукотский автономный округ, Сахалинская область, Магаданская область и Республика Саха (Якутия) — существенно опережают остальные субъекты по этому индикатору. Примечательно, что Чукотский АО лидирует наряду с Сахалинской областью, несмотря на невысокий общий объем ВРП. Это обусловлено низкой численностью населения, существенно повышающей удельный показатель и влияющей на восприятие экономической ситуации в регионе.

В периоды 2000–2005 гг. и 2005–2010 гг. объем валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в субъектах Дальневосточного федерального округа вырос в 2,8 и 2,5 раза соответственно. За последние четыре года (2020–2023 гг.) этот показатель увеличился в 1,7 раза.

Однако агрегированные макроэкономические данные маскируют глубокие структурные проблемы. Во-первых, в ДФО сохраняется высокая дифференциация субъектов, формирующая «точки роста» и «депрессивные» территории с принципиально разными демографическими условиями. Во-вторых, рост экономических показателей не сопровождался пропорциональным улучшением благосостояния населения.

Анализ реальных денежных доходов населения ДФО выявил критическую тенденцию: за 2000–2023 гг. этот показатель снизился на 5,1% во всех субъектах

⁹⁸ Составлено автором.

округа, за исключением Чукотского автономного округа, где зафиксирован рост на 9,0% (Табл. 2.3).

Таблица 2.3

– Реальные денежные доходы населения ДФО в период с 2000 по 2023 год,
в % к соответствующему периоду прошлого года⁹⁹

Субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	105,3	105,8	102,9	100,4	99,4	104,0	106,7	108,5
Камчатский край	98,8	106,8	103,2	97,2	102,1	104,3	106,0	103,8
Приморский край	108,7	115,4	105,5	97,7	97,0	102,2	106,3	101,3
Хабаровский край	106,3	108,5	104,7	97,4	96,2	99,6	105,8	105,0
Амурская область	110,6	109,6	100,4	96,1	100,4	104,0	109,7	99,9
Магаданская область	100,1	103,1	103,8	97,3	104,4	106,1	109,5	101,7
Сахалинская область	113,1	114,4	97,8	101,6	98,6	99,5	105,5	103,3
Еврейская автономная область	117,8	108,3	103,5	93,6	99,5	99,4	104,5	106,6
Чукотский автономный округ	98,5	117,3	106,0	97,2	105,2	107,3	126,2	107,5
Республика Бурятия	111,7	111,6	102,5	101,1	99,1	100,5	106,9	102,5
Забайкальский край	124,0	109,2	103,2	95,2	99,9	102,1	107,3	102,5
ДФО¹⁰⁰	108,6	110,5	103,5	98,0	98,7	102,1	106,9	103,5

Наименьшие значения реальных денежных доходов населения Дальневосточного федерального округа зафиксированы в 2015–2017 гг. и в 2020 году — на уровне 95,2–99,7% к предыдущему периоду.

С 2021 года наблюдается восстановительный рост: в 2021 году реальные доходы увеличились на 3,4% по сравнению с 2020 годом, отчасти за счет эффекта низкой базы (Рис. 2.5).

⁹⁹ Составлено автором.

¹⁰⁰ В 2000–2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

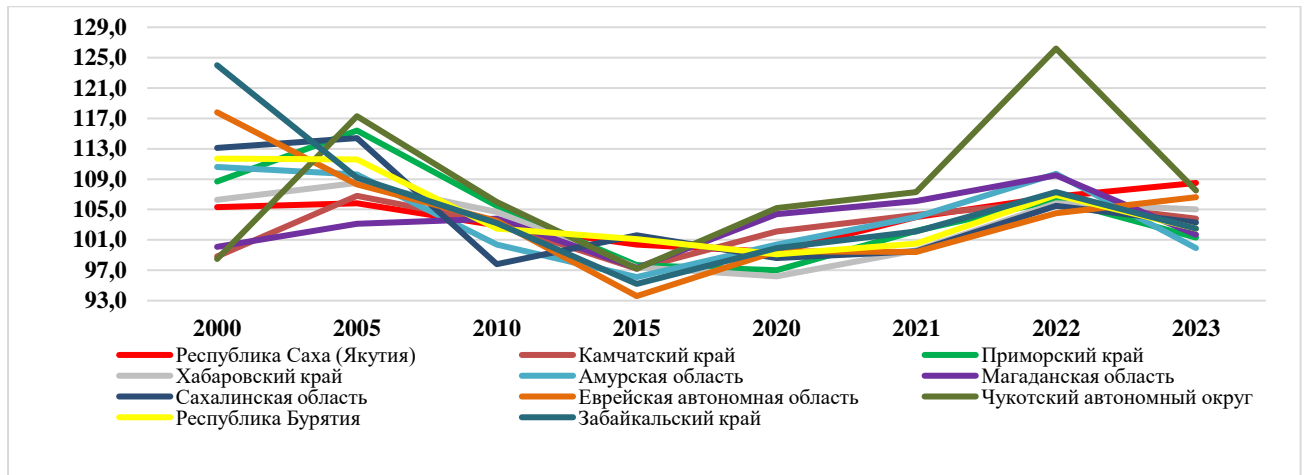

Рисунок 2.5 – Динамика реальных денежных доходов населения ДФО, в %¹⁰¹

В 2023 году положительные темпы роста реальных денежных доходов населения сохранились лишь в двух субъектах Дальневосточного федерального округа: Республике Саха (Якутия) (+1,8%) и Еврейской автономной области (+2,1%). Наиболее значительное снижение зафиксировано в Чукотском автономном округе (–18,7%) и Магаданской области (–7,8%), несмотря на непрерывный рост доходов в этих регионах с 2019 года, а также в Амурской области (–9,8%) и Приморском крае (–5,0%).

Важным индикатором уровня жизни является индекс потребительских цен. На протяжении 2000–2023 гг. в ДФО сохранялось устойчивое инфляционное давление: в большинстве субъектов округ превышал 100%, хотя в 2010, 2020 и 2023 гг. наблюдалось снижение этого показателя (Табл. 2.4).

Таблица 2.4

– Индексы потребительских цен на товары и услуги в ДФО
в период с 2000 по 2023 год, %.¹⁰²

Субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	117,4	112,1	106,0	110,5	104,0	106,2	112,3	107,4
Камчатский край	124,3	121,5	110,2	112,6	103,3	106,7	112,2	107,8
Приморский край	119,0	112,4	107,0	111,9	105,0	107,4	111,3	109,4

¹⁰¹ Составлено автором.

¹⁰² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт – Точка доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 25.03.2025).

Субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Хабаровский край	119,9	113,6	108,1	113,1	104,9	106,2	110,8	106,8
Амурская область	118,0	113,2	109,4	112,8	107,2	106,3	112,3	108,3
Магаданская область	118,3	112,4	108,5	113,1	105,0	108,6	111,4	106,4
Сахалинская область	115,6	114,1	110,0	110,6	105,0	106,2	112,1	107,4
Еврейская автономная область	116,9	114,5	109,5	111,1	106,1	108,5	113,0	108,0
Чукотский автономный округ	119,7	115,3	101,4	111,1	101,9	105,8	105,7	104,8
Республика Бурятия	120,3	115,1	109,4	110,7	106,0	109,4	112,6	108,9
Забайкальский край	117,5	110,9	109,0	114,3	105,3	109,4	113,0	110,1
ДФО¹⁰³	118,4	113,3	107,7	112,0	105,0	107,2	111,8	108,3

Индекс потребительских цен демонстрирует наибольший рост в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае, Приморском крае, Хабаровском крае и Еврейской автономной области. Это свидетельствует о наличии системных проблем в их экономическом развитии.

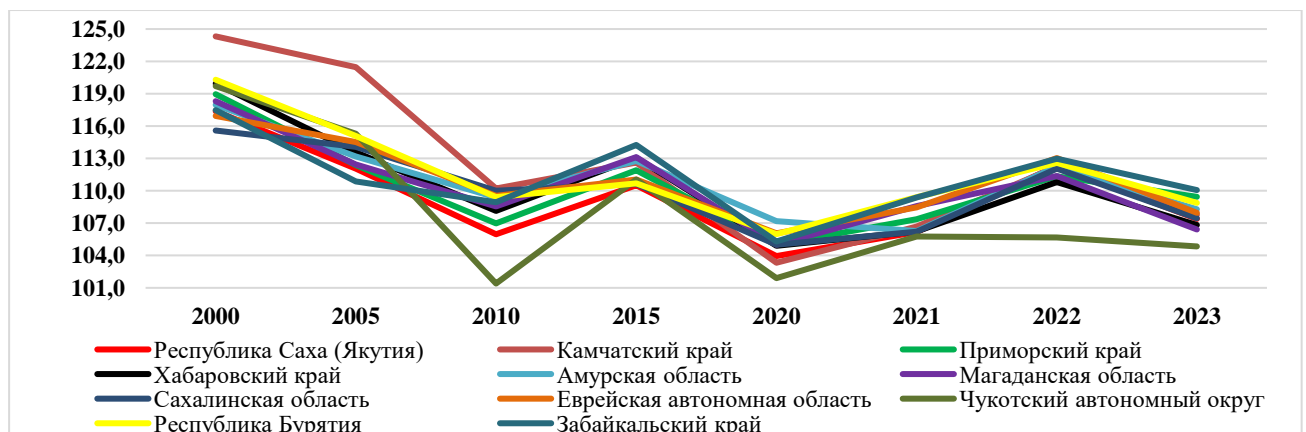

Рисунок 2.6 – Индексы потребительских цен на товары и услуги в ДФО, %¹⁰⁴

Высокие темпы роста цен, особенно в сочетании со снижением реальных доходов населения, существенно снижают покупательную способность домохозяйств. Это выступает мощным негативным фактором

¹⁰³ Составлено автором. В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

¹⁰⁴ Составлено автором.

для демографических установок, ограничивая возможности семей по рождению и содержанию детей (Рис. 2.6).

Вместе с тем влияние на индекс потребительских цен может быть вызвано множеством различных факторов: ростом издержек на производство и реализацию единицы продукции – из-за удорожания сырья, материалов, комплектующих изделий, а также из-за увеличения расходов предприятий на оплату логистических услуг, связанных с введенными санкциями на импорт. Увеличение издержек может способствовать снижению объемов производства и привести к формированию дополнительного инфляционного давления из-за спада предложения¹⁰⁵.

Положительной характеристикой экономической ситуации в регионах ДФО в 2000–2023 гг. стало увеличение объемов инвестиций в основной капитал предприятий на 6 355,2 %¹⁰⁶ или в 64,6 раза (Табл. 2.5), что свидетельствует о развитии инвестиционной деятельности на территории макрорегиона. Однако эта активность сконцентрирована в ограниченном числе субъектов и отраслей макрорегиона.

Таблица 2.5

– Динамика объемов инвестиций в основной капитал в ДФО в период
с 2000 по 2023 год, млрд руб.¹⁰⁷

Субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	15,8	49,0	130,5	198,0	259,1	414,8	645,7	745,6
Камчатский край	3,5	7,1	32,6	22,8	58,4	78,5	94,7	135,9
Приморский край	7,3	28,5	208,2	139,2	229,5	253,4	321,0	403,9
Хабаровский край	11,6	39,2	156,4	114,0	243,4	246,4	281,4	441,7
Амурская область	4,1	23,7	83,9	102,2	360,4	412,2	488,0	745,5
Магаданская область	2,1	5,1	16,8	60,7	47,2	75,2	81,5	90,1
Сахалинская область	8,1	110,9	135,0	241,5	230,5	241,4	269,4	305,8

¹⁰⁵ Яроменко, Н.Н. Эконометрические исследования проблемы изменения индекса потребительских цен в Российской Федерации / Н.Н. Яроменко, Д.Н. Кривошей, Я.А. Зубкова, А.С. Ладыгина // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 50 (3). – С. 389-393.

¹⁰⁶ Номинальный рост без учета инфляции.

¹⁰⁷ Составлено автором.

Субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Еврейская автономная область	0,3	5,5	18,8	12,0	16,5	16,8	20,9	31,0
Чукотский автономный округ	0,7	7,4	5,4	14,6	31,5	50,8	81,4	87,0
Республика Бурятия	3,5	9,6	33,6	36,2	65,2	72,8	110,1	167,5
Забайкальский край	6,8	17,4	44,8	76,3	126,9	163,4	187,3	305,3
ДФО¹⁰⁸	53,6	276,3	787,7	905,1	11668,6	2 025,6	2 581,3	3 459,3

Анализ объемов инвестиций в основной капитал выявляет существенную дифференциацию субъектов Дальневосточного федерального округа. В 2023 году лидируют четыре региона, на долю которых приходится 2 336,7 млрд руб. (67,5% от общего объема ДФО): Республика Саха (Якутия) — 21,6%, Амурская область — 21,6%, Хабаровский край — 12,8%, Приморский край — 11,7%.

Для сравнения, в 2015 году структура лидеров отличалась: Сахалинская область (241,5 млрд руб., 26,7%), Республика Саха (Якутия) (198,0 млрд руб., 21,9%), Приморский край (139,2 млрд руб., 15,4%) и Хабаровский край (114,0 млрд руб., 12,6%).

За 2000–2023 гг. на долю пяти субъектов приходится 18 991,1 млрд руб. (83,5% от общего объема инвестиций ДФО): Республика Саха (Якутия) — 23,1%, Амурская область — 16,5%, Сахалинская область — 16,3%, Приморский край — 14,3%, Хабаровский край — 13,3%.

Динамика роста характеризуется кратными приростами: в 5,2 раза (2000–2005 гг.), 2,9 раза (2005–2010 гг.) и 2,1 раза (2020–2023 гг.). Наименьшие значения инвестиций наблюдаются в Еврейской автономной области, что отражает ее относительно низкую инвестиционную привлекательность (Рис. 2.7).

Рост инвестиций в основной капитал дальневосточных регионов обусловлен реализацией масштабных проектов по развитию транспортной и энергетической инфраструктуры.

¹⁰⁸ В 2000–2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

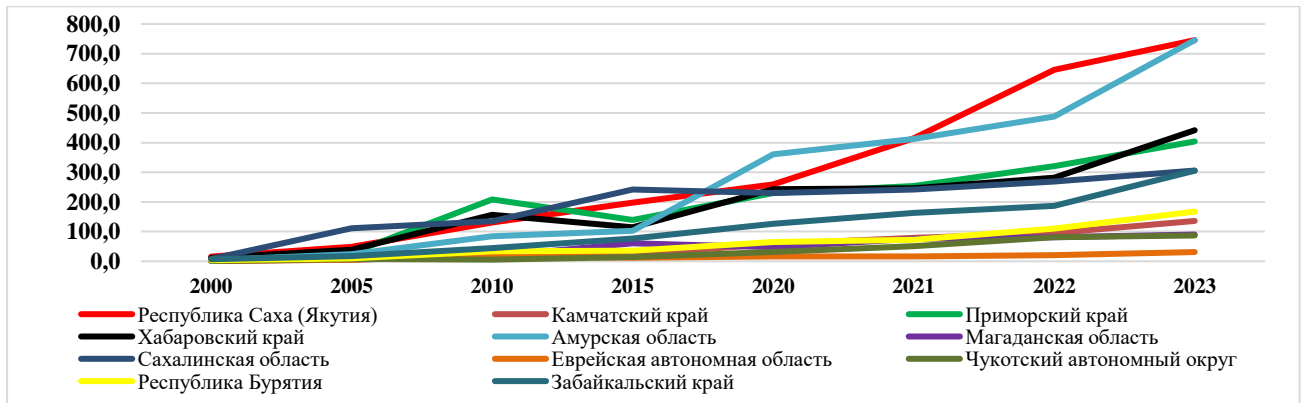

Рисунок 2.7 – Динамика объемов инвестиций в основной капитал в ДФО в период 2000-2023 гг., млрд руб.¹⁰⁹

Эти проекты обеспечивают доступ к богатым запасам полезных ископаемых и топливно-энергетических ресурсов, стимулируя экспортный потенциал макрорегиона на международных рынках¹¹⁰.

Для дальнейшего повышения инвестиционной привлекательности ДФО создан механизм льготного финансирования, реализуемый ВЭБ.РФ совместно с Минвостокразвития России¹¹¹.

Положительную динамику демонстрирует также индекс промышленного производства. За 2000–2023 гг. его значения по ДФО в целом превышали 100%, за исключением 2008 года (экономический кризис), 2020 года (пандемия коронавируса) и 2022 года (санкционное давление) (Табл. 2.6).

Таблица 2.6

– Динамика индекса промышленного производства в ДФО в период с 2000 по 2023 год, в % к соответствующему периоду прошлого года¹¹²

Субъект	2000	2005	2007	2008	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	105,4	93,4	100,5	104,2	122,8	103,8	95,3	114,4	113,0	101,9
Камчатский край	109,1	106,6	100,6	100,9	101,5	103,4	95,1	112,3	85,4	129,7

¹⁰⁹Составлено автором.

¹¹⁰ Минаков А.В. Оценка экономического сотрудничества дальневосточных регионов России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона / А. В. Минаков // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1.

¹¹¹ Составлено автором. Трутнев Ю. Развитие Дальнего Востока стало общепризнанным фактом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. Точка доступа: <http://government.ru/news/50665> / (дата обращения: 04.12.2024).

¹¹² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт – Точка доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial/ (дата обращения: 26.03.2025).

Субъект	2000	2005	2007	2008	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Приморский край	101,0	119,7	102,1	114,6	116,0	87,6	80,5	122,2	99,8	98,8
Хабаровский край	124,7	104,5	110,1	92,6	111,0	102,0	100,2	110,0	103,2	100,0
Амурская область	105,4	95,7	102,6	111,4	104,3	92,5	95,7	108,9	102,8	97,2
Магаданская область	99,8	102,6	91,0	102,1	103,9	107,5	105,7	106,0	101,1	92,9
Сахалинская область	141,9	112,7	229,3	90,8	101,1	112,6	96,9	88,6	76,8	117,5
Еврейская автономная область	114,2	103,0	122,7	118,6	102,5	91,3	102,4	96,9	107,0	94,3
Чукотский автономный округ	100,0	120,4	97,7	177,4	86,2	101,9	101,0	103,6	86,8	110,0
Республика Бурятия	118,8	107,9	108,6	107,6	120,2	101,6	113,2	101,8	111,7	97,1
Забайкальский край	101,5	104,0	103,7	100,4	114,9	99,4	99,5	108,5	102,4	102,7
ДФО¹¹³	112,4	102,6	135,1	99,8	106,9	101,0	96,0	103,2	96,4	106,0

При этом большая часть регионов исследуемого макрорегиона демонстрирует аналогичную тенденцию изменения индекса промышленного производства (наименьшие его значения наблюдаются в 2008 году). Наибольшие значения данного показателя за 2000-2013 гг. демонстрируют Сахалинская область (что, в частности, определяет высокий уровень ВРП в данном регионе ДФО в сравнении с другими дальневосточными регионами), Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ (что, однако, сочетается с недостаточным количеством промышленных предприятий в данных регионах, не позволяя тем самым значительно увеличить объемы ВРП). Преобладание Сахалинской области в данном случае связано с тем, что добыча топливно-энергетических ресурсов составляет основу добывающей промышленности Дальнего Востока, и большая их часть приходится на указанный субъект ДФО.

В 2023 году на первые места вышли Камчатский край, Сахалинская область и Чукотский автономный округ. Однако снижение индекса по сравнению с 2022 годом зафиксировано в семи субъектах (за исключением Камчатского края, Сахалинской области, Чукотского АО и Забайкальского края). Это снижение

¹¹³ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

преимущественно затронуло регионы с доминированием обрабатывающих производств, испытавшие влияние логистических ограничений и роста цен на импортные компоненты.

Снижение объемов промышленного производства преимущественно затронуло те субъекты ДФО, в экономической структуре которых доминируют обрабатывающие производства и которые испытали наиболее сильное воздействие логистических ограничений и роста цен на импортные компоненты. В свою очередь рост объемов промышленного производства в отдельных субъектах ДФО был связан с наращиванием объемов производства углеводородов в Сахалинской области и значительным увеличением улова рыбы в Камчатском крае, а также с реализацией отдельных инфраструктурных проектов и развитием горнодобывающего сектора в Чукотском автономном округе и Забайкальском крае. В этой связи снижение значений индекса промышленного производства носило не общий, а избирательный характер, затронув в первую очередь обрабатывающую промышленность.

В целях полного представления о состоянии экономики макрорегиона необходимо также учитывать отраслевую структуру ВРП, поскольку она отражает распределение экономических ресурсов между различными секторами производства и услуг. Анализ отраслевой структуры ВРП позволяет глубже понять, как экономический потенциал региона трансформируется в конкретные социально-экономические результаты.

В настоящее время поддержание высоких темпов роста ВРП ДФО обеспечивается главным образом за счет добычи полезных ископаемых (32,3 %), использования транзитного потенциала региона (10,8 %) благодаря его экономико-географическому положению и развитию торговли (8,4 %). Кроме того, в структуре ВРП некоторых субъектов также присутствуют обрабатывающая промышленность и строительство. При этом строительный комплекс, в котором второй год подряд сохраняется положительная динамика, связанная в том числе с расширением

жилищного строительства, демонстрирует наибольшую устойчивость к внешним шокам¹¹⁴. Наиболее влиятельные отрасли субъектов ДФО представлены на Рис. 2.8.

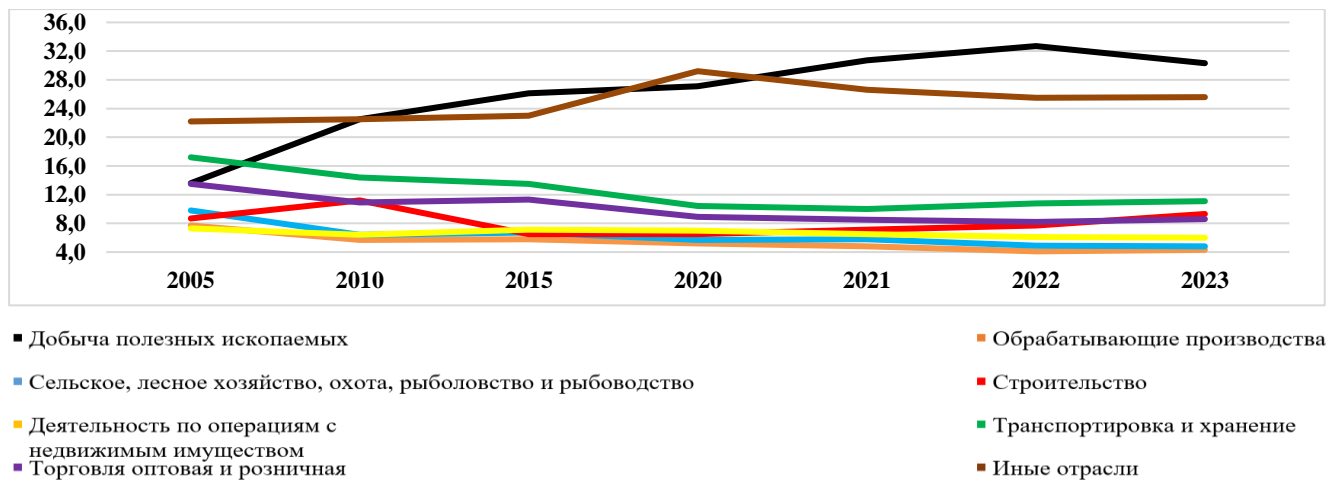

Рисунок 2.8 – Отраслевая структура ВРП ДФО в 2005-2023 гг., %¹¹⁵

Согласно данным, представленным на Рис. 2.8, доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП Дальневосточного федерального округа удвоилась к 2023 году по сравнению с 2005 г. В то же время доли сельского хозяйства, рыболовства и обрабатывающей промышленности демонстрируют устойчивый тренд к снижению.

В этой связи анализ представленных данных свидетельствует о том, что показатели добывающей промышленности ДФО в 2005–2023 гг. значительно превышают показатели иных отраслей. Представленная структура экономики ДФО, обусловленная ограниченным числом высокооплачиваемых рабочих мест (в основном в капиталоемких добывающих отраслях), не способствует массовому закреплению населения и обуславливает высокую зависимость доходов бюджета и населения от конъюнктуры мировых цен на сырье, а также не стимулирует развитие социальной инфраструктуры и сектора услуг, определяющих комфортность проживания.

Эта зависимость подтверждается динамикой реальных денежных доходов: их резкое снижение в 2015–2017 и 2020 гг. совпадает с периодами низких цен

¹¹⁴ Прокапало, О.М. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2023 г. / О.М. Прокапало, А.Б. Бардаль, А.Г. Исаев, М.Г. Мазитова // Пространственная экономика. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 122-166.

¹¹⁵ Составлено автором. Данные по ОКВЭД указаны с 2005 года. До 2005 года разрабатывались другие показатели и по ОКОНХ.

на нефть, газ и металлы — основу экспорта ДФО. Напротив, рост доходов в 2021–2022 гг. коррелирует с благоприятной сырьевой конъюнктурой, свидетельствуя о прямой зависимости благосостояния от внешних рынков.

Проведение сравнительного анализа ключевых отраслей экономики ДФО в ретроспективе позволяет выявить факторы экономической динамики макрорегиона, в том числе определить влияние масштабного притока инвестиций, наблюдавшегося преимущественно после 2010 года. Такой анализ дает возможность идентифицировать отрасли-лидеры и отрасли, переживавшие стагнацию, установить причинно-следственные связи между мерами государственной политики и их результатами, а также выработать рекомендации по оптимизации инвестиционных потоков и максимизации их экономического эффекта.

Для оценки результативности экономических и административных реформ, реализованных в ДФО, методологически обоснованным является сравнение состояния отраслей в период до ключевых изменений (до 2010 года) с периодом их активной реализации (2010–2023 гг.). Такой подход позволяет оценить адаптационный потенциал регионов к изменяющимся внешним условиям, включая колебания конъюнктуры мировых рынков сырья и трансформацию международной торговой политики.

До 2010-х годов экономика Дальневосточного федерального округа характеризовалась высокой сырьевой специализацией и географической неравномерностью добычи полезных ископаемых. В 2010 году на Сахалинскую область приходилось 50,4% от общих объемов отрасли (доминируют нефть, газ, уголь, стройматериалы), на Республику Саха (Якутия) — 30,5% (алмазы, золото), тогда как доли Приморского края и Камчатского края составляли лишь 1,5% и 0,9% соответственно.

В 2023 году географическая концентрация сохраняется: лидерами остаются Республика Саха (Якутия) — 48,5% и Сахалинская область — 32,0% от общих объемов добычи ДФО.

– Динамика объемов добывающей промышленности в регионах ДФО
в период с 2005 по 2023 год¹¹⁶, (млрд руб.)

Субъект	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	112,0	214,0	504,0	834,0	1 336,0	1 619,0	1 821,5
Камчатский край	3,0	6,0	13,0	30,0	33,0	30,0	49,8
Приморский край	6,0	11,0	16,0	26,0	27,0	32,0	29,8
Хабаровский край	14,0	25,0	62,0	30,0	56,0	70,0	72,8
Амурская область	8,0	27,0	72,0	124,0	122,0	105,0	139,8
Магаданская область*	15,0	30,0	83,0	-	-	45,0	73,0
Сахалинская область	36,0	354,0	709,0	732,0	926,0	1 073,0	1 086,3
Еврейская автономная область* ¹¹⁷	0,0	0,0	1,0	-	-	21,0	25,7
Чукотский автономный округ	3,0	35,0	77,0	24,0	25,0	22,0	14,6
Республика Бурятия	6,4	9,3	22,9	52,0	53,0	79,0	89,4
Забайкальский край	9,0	39,0	61,4	175,0	219,0	243,0	293,2
ДФО¹¹⁸	197,0	702,0	1 538,0	2 109,0	2 871,0	3 341,0	3 695,9

Анализ добывающей промышленности ДФО за 2005–2023 гг. свидетельствует о ее экспоненциальном росте: на 505,4 млрд руб. (+256,8%) в 2005–2010 гг. и на 2 993,9 млрд руб. (+426,3%) в 2010–2023 гг. Итоговый прирост составил 1 778,0% (в 18,8 раза), обусловленный освоением крупных месторождений, развитием транспортно-энергетической инфраструктуры и портовой сети (Табл. 2.7).

Аналогичную тенденцию роста демонстрирует обрабатывающая промышленность ДФО, также характеризующаяся географической неравномерностью развития. Наибольшая доля приходится на Приморский край (34,0 % в 2010 году от общего объема обрабатывающей промышленности ДФО) и Хабаровский край (30,4 % в 2010 году от общего объема обрабатывающей

¹¹⁶ Составлено автором. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Точка доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 19.12.2024).

¹¹⁷ Данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации».

¹¹⁸ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

промышленности ДФО), что, соответственно, демонстрирует значительное превышение обрабатывающей промышленности над добывающей промышленностью в данных регионах ДФО. Напротив, в Сахалинской области и Республике Саха (Якутия) с развитой добычей доли составили лишь 7,8% и 8,1% соответственно (Табл. 2.8).

Таблица 2.8

– Динамика объемов обрабатывающей промышленности в регионах ДФО
в период с 2005 по 2023 год¹¹⁹, (млрд руб.)

Субъект	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	14,0	25,0	36,0	36,0	32,0	43,0	54,9
Камчатский край	9,0	37,0	69,0	129,0	155,0	156,0	204,8
Приморский край	36,0	105,0	197,0	257,0	323,0	284,0	325,2
Хабаровский край	45,0	94,0	210,0	424,0	506,0	430,0	535,7
Амурская область	9,0	19,0	34,0	44,0	52,0	57,0	150,6
Магаданская область	3,0	3,0	3,0	197,0	237,0	194,0	244,8
Сахалинская область	12,0	24,0	47,0	70,0	71,0	84,0	87,2
Еврейская автономная область	2,0	3,0	5,0	6,0	6,0	9,0	6,4
Чукотский автономный округ	1,0	1,0	1,0	93,0	96,0	62,0	125,9
Республика Бурятия	19,0	40,0	86,0	100,0	118,0	142,0	137,0
Забайкальский край	5,0	11,0	23,0	30,0	32,0	37,0	50,9
ДФО¹²⁰	131,0	309,0	601,0	1 386,0	1 628,0	1 500,0	1 923,4

Анализ динамики обрабатывающей промышленности в субъектах ДФО за период 2005–2023 гг. показывает устойчивый рост объемов производства. В период с 2005 по 2010 год объемы обрабатывающей промышленности увеличились на 178,0 млрд рублей, или на 135,9 %, что было ниже темпов роста добывающей промышленности в регионе за аналогичный период.

В период с 2010 по 2023 год рост обрабатывающей промышленности значительно ускорился: наблюдалось увеличение на 1 614,4 млрд рублей, или на 522,5 %, что превысило показатели добывающей промышленности ДФО за тот

¹¹⁹ Составлено автором. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Точка доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2024).

¹²⁰ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

же период. Данные свидетельствуют о повышении приоритетности развития обрабатывающей отрасли в экономике субъектов ДФО.

Наибольший вклад в развитие обрабатывающей промышленности внесла Республика Бурятия, вошедшая в состав ДФО. Лидирующие позиции среди регионов по объемам производства в 2010–2023 гг. сохраняли Приморский край (16,9 % от общего объема обрабатывающей промышленности округа в 2023 году) и Хабаровский край (27,9 %) (Табл. 2.8). В целом за период с 2005 по 2023 год объемы обрабатывающей промышленности в ДФО увеличились в 14,7 раза, что свидетельствует о значительном развитии отрасли.

Развитие сельскохозяйственного производства в регионах ДФО за тот же период также демонстрирует положительную динамику, однако темпы роста менее выражены. В 2005–2010 гг. объемы производства увеличились на 43,2 млрд рублей, или на 91,3 %, а в 2010–2023 гг. – на 212,3 млрд рублей, или на 334,7 %. В целом за период с 2005 по 2023 год объемы сельскохозяйственного производства возросли на 255,5 млрд рублей, или на 540,1 % (Табл. 2.9).

Таблица 2.9

– Динамика объема производства продукции сельского хозяйства в регионах ДФО в период с 2005 по 2023 год¹²¹ (млрд руб.)

Субъект	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	12,2	17,1	20,7	26,5	28,0	31,1	33,8
Камчатский край	2,2	4,1	6,7	10,0	10,9	11,0	11,5
Приморский край	9,5	20,5	37,5	44,6	62,6	69,6	67,9
Хабаровский край	7,5	14,8	17,4	18,2	18,4	19,0	20,7
Амурская область	8,7	19,9	43,6	53,9	74,4	85,9	85,2
Магаданская область	0,7	1,5	2,0	2,8	2,3	3,0	3,1
Сахалинская область	3,5	6,8	10,8	13,9	15,1	17,3	18,0
Еврейская автономная область	2,8	5,1	5,8	4,4	5,5	7,0	9,2
Чукотский автономный округ	0,3	0,6	0,4	1,6	1,6	1,9	1,9
Республика Бурятия	8,0	10,2	16,0	17,1	19,2	20,7	23,6
Забайкальский край	8,4	13,5	19,5	23,2	24,5	27,9	27,9
ДФО	47,3	90,5	144,9	216,1	262,6	294,4	302,8

¹²¹ Составлено автором. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Точка доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43337>. (дата обращения: 19.12.2024).

Таким образом, анализ показывает, что обрабатывающая промышленность ДФО демонстрирует более высокие темпы роста по сравнению с сельским хозяйством, что отражает изменение приоритетов региональной экономической политики и усилия по диверсификации экономики округа.

Необходимо отметить, что среди регионов ДФО лидирующие позиции по развитию сельского хозяйства занимают Амурская область, Приморский край и Республика Саха (Якутия). Так, на долю Амурской области приходилось 18,4 % от общего объема сельскохозяйственного производства ДФО в 2005 году, а в 2023 году – 28,1 %. Приморский край увеличил свою долю с 20,0 % в 2005 году до 22,4 % в 2023 году. В то же время доля Республики Саха (Якутия) снизилась с 25,8 % в 2005 году до 11,2 % в 2023 году, что свидетельствует о перераспределении производственных мощностей в регионе.

Развитию сельского хозяйства в субъектах ДФО препятствует ряд системных факторов. В первую очередь, высокая стоимость логистики, обусловленная удаленностью макрорегиона и недостаточно развитой транспортной инфраструктурой, значительно увеличивает затраты на производство. Неблагоприятные климатические условия требуют применения специальных агротехнических приемов и повышают расходы на защитные мероприятия. Также наблюдается ценовой дисбаланс: цены на сельскохозяйственную продукцию растут медленнее, чем цены на промышленные товары и продовольствие, что снижает рентабельность производства. Недостаток инвестиций и оборотных средств, дефицит квалифицированных специалистов и низкая заработная плата работников сельского хозяйства усложняют процесс модернизации и ограничивают возможности расширения производства¹²².

Учитывая изложенное, можно констатировать, что за период 2005–2023 гг. в субъектах ДФО наблюдается рост показателей развития добывающей и обрабатывающей промышленности, а также сельскохозяйственного

¹²² Минакир, П.А. Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз / П.А. Минакир, А.Г. Исаев, С.Н. Найденов // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. – С. 23-36.

производства, несмотря на существующие ограничения и специфические трудности.

В целом, исследование экономической ситуации в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) за 2000–2023 гг. свидетельствует о положительных тенденциях роста валового регионального продукта (ВРП), ВРП на душу населения и объемов инвестиций в основной капитал. Формирование благоприятной экономической ситуации в субъектах ДФО происходило в условиях государственной поддержки социально-экономического развития Дальнего Востока.

Лидирующие позиции добывающей промышленности среди ведущих отраслей экономики ДФО в 2005–2020 гг. объясняются значительными запасами различных полезных ископаемых, включая уголь, алмазы, золото, нефть, газ, цветные и редкие металлы. До 2010 года рост мирового спроса на сырье стимулировал добычу и экспорт ресурсов из макрорегиона¹²³. Высокие мировые цены на нефть, газ, металлы и другие полезные ископаемые обеспечивали высокую прибыльность предприятий добывающей отрасли.

Если в 2010 году объемы добывающей промышленности превышали объемы обрабатывающей промышленности в 2,3 раза, то к 2023 году этот показатель снизился до 1,9. Это связано с повышением активности обрабатывающей промышленности в 2010–2023 гг., что стало результатом реализации государственных программ развития Дальнего Востока, стимулирования инвестиций в обрабатывающие производства через налоговые льготы, субсидии и другие меры финансовой поддержки. Кроме того, значительные инвестиции в транспортную и энергетическую инфраструктуру способствовали улучшению логистики и снижению производственных издержек для обрабатывающих предприятий.

Проведенный анализ экономической ситуации в ДФО позволяет сделать следующие ключевые выводы. С одной стороны, макрорегион демонстрирует

¹²³ Утяшова, О.В. Проблемы устойчивого развития Дальнего Востока в условиях глобальных вызовов / О.В. Утяшова // Московский экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 879-887.

положительную динамику: за исследуемый период наблюдался значительный номинальный рост ВРП и ВРП на душу населения, а инвестиционная активность, особенно после 2010 года, достигла высокого уровня. В экономической структуре произошли позитивные сдвиги в сторону опережающего развития обрабатывающей промышленности.

С другой стороны, за этими агрегированными показателями скрываются серьезные системные проблемы. Ключевым противоречием является несоответствие между макроэкономическим ростом и динамикой благосостояния населения: несмотря на рост ВРП, реальные денежные доходы населения в ДФО за исследуемый период снизились, а индекс потребительских цен демонстрировал устойчивый ежегодный рост. Это указывает на неравномерное распределение результатов экономического роста и их ограниченное влияние на повышение уровня жизни большинства населения.

Данное противоречие обусловлено двумя фундаментальными факторами:

1) сырьевая модель экономики, при которой рост обеспечивается преимущественно капиталоемким добывающим сектором, создающим ограниченное число рабочих мест и не стимулирующим развитие широкой социальной инфраструктуры.

2) критическая меж- и внутрирегиональная дифференциация, приводящая к формированию «точек роста» и «депрессивных» территорий с неравными условиями для демографического развития.

Таким образом, стратегические цели государственной политики развития ДФО, заключающиеся в закреплении населения и достижении среднероссийского уровня социально-экономического развития, не могут быть реализованы в рамках сложившейся экономической модели. Необходима ее корректировка, направленная на преодоление выявленных дисбалансов и обеспечение прямой связи между экономическим ростом и благосостоянием жителей макрорегиона.

2.2. Анализ демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе

Настоящий параграф посвящен анализу демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) за период с 2000 по 2023 год. Несмотря на отдельные признаки стабилизации и положительное влияние государственных мер, ключевые демографические тенденции макрорегиона сохраняют устойчиво негативный характер. Системный кризис 1990-х годов предопределил долгосрочную убыль населения ДФО, которую не смогли переломить ни естественный прирост в отдельных субъектах, ни масштабные институциональные интервенции последних лет. Это ставит под сомнение возможность достижения стратегических целевых показателей и требует разработки качественно нового уровня комплексных решений.

Объективным подтверждением сложившейся ситуации являются изменения параметров Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Первоначальная редакция предусматривала повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 2,1, снижение смертности от всех причин до уровня 10,5 случаев на 1 тысячу человек, увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 76 лет, а также создание условий для роста численности населения макрорегиона до 9 млн человек. Однако систематические корректировки в сторону снижения целевых показателей свидетельствуют о том, что плановые значения, согласно прогнозу Минвостокразвития России, к концу 2025 года не будут достигнуты¹²⁴.

Масштаб демографических проблем макрорегиона дополнительно подчеркивается его базовыми структурными диспропорциями. ДФО занимает около 40,0 % территории Российской Федерации, при этом обладая самой низкой плотностью населения – примерно 1,3 человека на 1 км². Численность населения округа на 1 января 2024 года составила 7 866,3 тыс. человек, что соответствует

¹²⁴ Нальгиев, И.М. Современные демографические вызовы / И.М. Нальгиев // Государственная служба. – 2024. – Т. 26, № 3 (149). – С. 93–101.

лишь 5,4 % от общего населения России. Данный показатель является наименьшим среди всех федеральных округов РФ (Рис. 2.9) и отражает глубинные системные проблемы, сдерживающие полноценное социально-экономическое развитие макрорегиона.

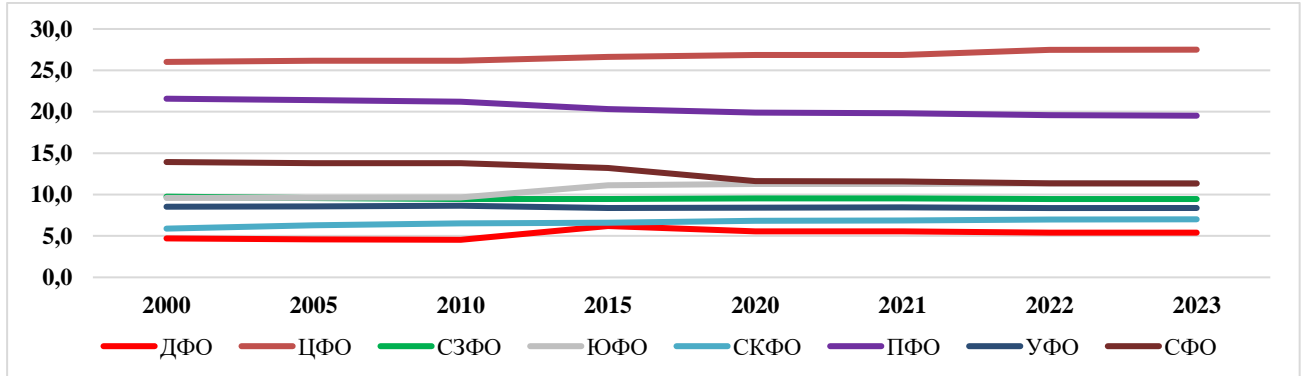

Рисунок 2.9 – Структура населения России в разрезе федеральных округов Российской Федерации, %¹²⁵

Современная демографическая динамика в Дальневосточном федеральном округе является прямым следствием структурного кризиса 1990-х годов, который прервал положительные тенденции советского периода. Исторически, начиная с первой государственной программы развития ДФО в 1987 году, привлечение и закрепление населения традиционно рассматривались как ключевой приоритет государственной политики в отношении макрорегиона¹²⁶.

К 1991 году планировалось увеличить численность населения ДФО до 8,2 млн человек¹²⁷. Эти ожидания основывались на реализации проектов промышленного и инфраструктурного строительства, а также программ социального развития.

¹²⁵ Составлено автором.

¹²⁶ Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года: Утверждена Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1987 г. № 958 «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. - URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14218.htm.

¹²⁷ Под макрорегионом здесь имеется в виду Дальневосточный экономический район в составе Приморского и Хабаровского краев, Якутской АССР, Амурской, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областей.

К 1990 году плановый показатель был практически достигнут – численность населения составляла 8,1 млн человек. Однако уже в 1991 году среднегодовой темп прироста населения, составлявший 1,4 % в среднем за 1981–1990 гг., сменился на снижение численности на 0,3 %, полностью обусловленное миграционным оттоком. Переход к «шоковой терапии», сопровождавшийся политическим развалом страны, разрушением производственной структуры и разрывом технологических и логистических связей, резко изменил тренд демографического развития, в результате чего динамика численности населения ДФО до настоящего времени демонстрирует тенденцию к сокращению.

За период с 1990 по 2017 год численность населения макрорегиона сократилась на 1,9 млн человек, или на 23,7 %. Статистический рост численности населения в 2018 году на 2,0 млн человек, связанный с включением в состав ДФО Республики Бурятия и Забайкальского края, не изменил общей негативной тенденции, и с 2019 года сокращение населения макрорегиона продолжилось. Наибольшая интенсивность депопуляции наблюдалась в середине 1990-х годов, когда ежегодные темпы убыли достигали 1,5–2,0 %. В последующее десятилетие темпы сокращения населения постепенно замедлялись и с 2010 года относительно стабилизировались на уровне –0,8–0,4 % в год (Рис. 2.10).

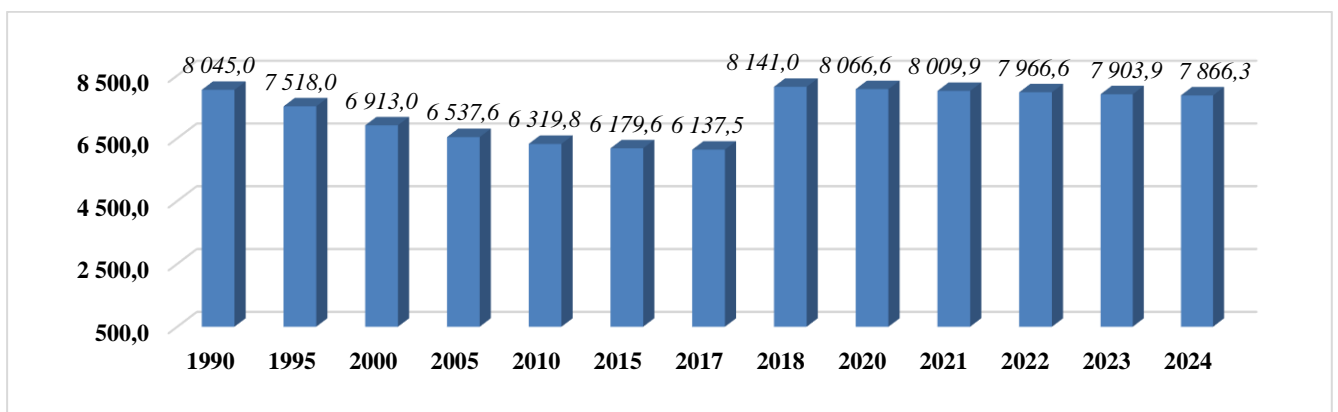

Рисунок 2.10 – Динамика численности постоянного населения ДФО на 1 января, тыс. человек¹²⁸

Продолжающееся сокращение численности населения в ДФО объясняется тем, что уровень миграционной убыли превышает естественный прирост.

¹²⁸ Составлено автором.

Динамика снижения населения наблюдается во всех субъектах округа, однако ее интенсивность существенно различается. Ситуация складывается относительно лучше в регионах с повышенным естественным приростом – таких как Республика Бурятия и Республика Саха (Якутия) – а также в наиболее крупных и сравнительно развитых субъектах, включая Приморский и Хабаровский края.

В то же время наиболее существенное сокращение численности населения за последние три десятилетия произошло в Чукотском автономном округе (-70,4 %) и Магаданской области (-65,8 %), где с 1990 года было потеряно около двух третей населения. Это привело к кардинальной перестройке социальной и экономической системы данных территорий. Существенное сокращение также зафиксировано в Камчатском крае (-39,4 %) и Сахалинской области (-35,9 %).

Следует отметить, что наиболее высокие темпы снижения численности населения в субъектах ДФО приходились на 1990-е годы. Так, население Сахалинской области сократилось на 20,3 %, Камчатского края – на 22,0 %, Магаданской области – на 48,2 %, Чукотского автономного округа – на 62,3 % (Рис. 2.11).

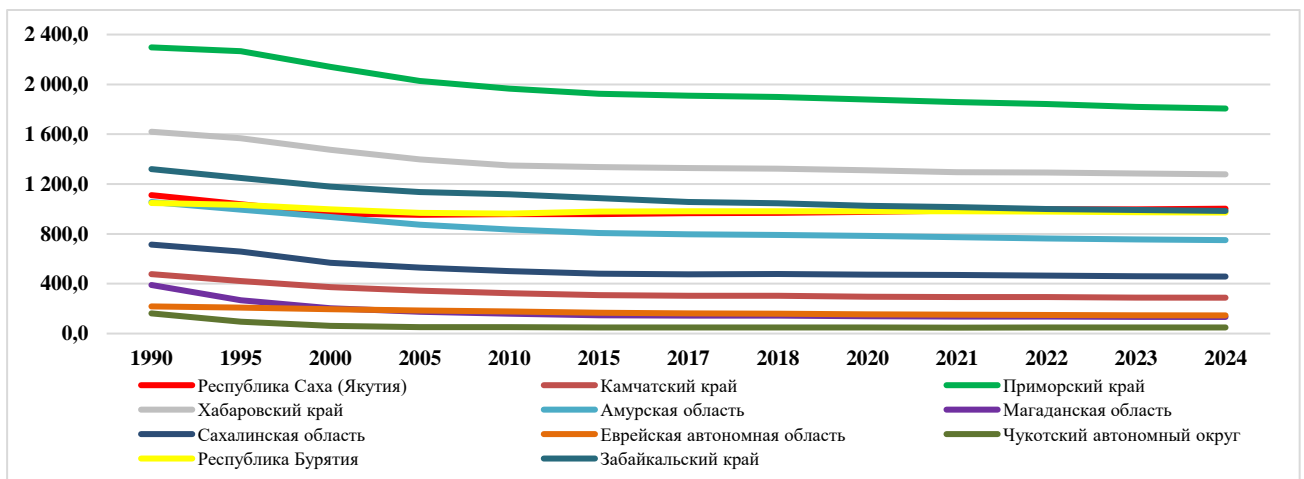

Рисунок 2.11 – Динамика численности населения регионов ДФО на 1 января в период 1990-2023 гг., тыс. человек¹²⁹

По результатам анализа численности населения в субъектах ДФО за период 2010–2023 гг. отмечается, что положительная динамика наблюдается только в Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия, где численность населения

¹²⁹ Составлено автором.

увеличилась на 4,5 % и 0,9 % соответственно. В остальных субъектах макрорегиона фиксируется отрицательная динамика: население Сахалинской области сократилось на 8,7 %, Камчатского края – на 10,6 %, Магаданской области – на 16,1 %, Чукотского автономного округа – на 6,2 %.

При этом необходимо подчеркнуть, что в анализируемый период наблюдалась устойчивая тенденция к снижению интенсивности депопуляции. Так, численность населения макрорегиона в 2000 году по сравнению с 1995 годом сократилась на 8,0 %, в 2005 году по сравнению с 2000 годом – на 5,4 %, а в 2010 году по сравнению с 2005 годом, в 2015 году по сравнению с 2010 годом и в 2023 году по сравнению с 2018 годом сокращение населения составляло в диапазоне 2,3–3,6 %.

Замедление темпов депопуляции хронологически соотносится с реализацией мер государственной поддержки, направленных на улучшение качества жизни и стимулирование миграционного притока. В частности, программы «Дальневосточный гектар», развитие транспортной и социальной инфраструктуры, создание территорий опережающего социально-экономического развития, а также предоставление льготных условий для инвесторов способствовали снижению темпов оттока населения в 2010–2023 годах относительно 2000–2010 гг. Однако их эффективность оказалась недостаточной для кардинального перелома устойчивой негативной тенденции.

Для комплексной оценки демографической ситуации в целом по ДФО необходим анализ структурных компонентов населения. Одним из важнейших факторов, определяющих демографический потенциал, является естественное движение населения. Анализ показывает, что даже при относительно благоприятных показателях естественный прирост не смог компенсировать общую убыль. Особенности естественного движения населения в ДФО, формируемого рождаемостью и смертностью, остаются структурно неизменными на протяжении длительного периода.

Ключевым фактором, влияющим на естественное движение населения, является уровень рождаемости, который, несмотря на устойчивое снижение

с 2015 года, традиционно превышает среднероссийские показатели. В 2023 году коэффициент рождаемости в ДФО составил 9,7 промилле, что на 1,1 промилле выше среднероссийского уровня (8,6 промилле). Пиковые значения данного показателя были достигнуты в 2014 году – 14,0 промилле, тогда как в среднем по России этот показатель находился на уровне 13,3 промилле. Наибольший рост рождаемости в ДФО отмечался в 2010–2015 гг., когда коэффициент колебался в пределах 13,2–14,0 промилле (Рис. 2.12).

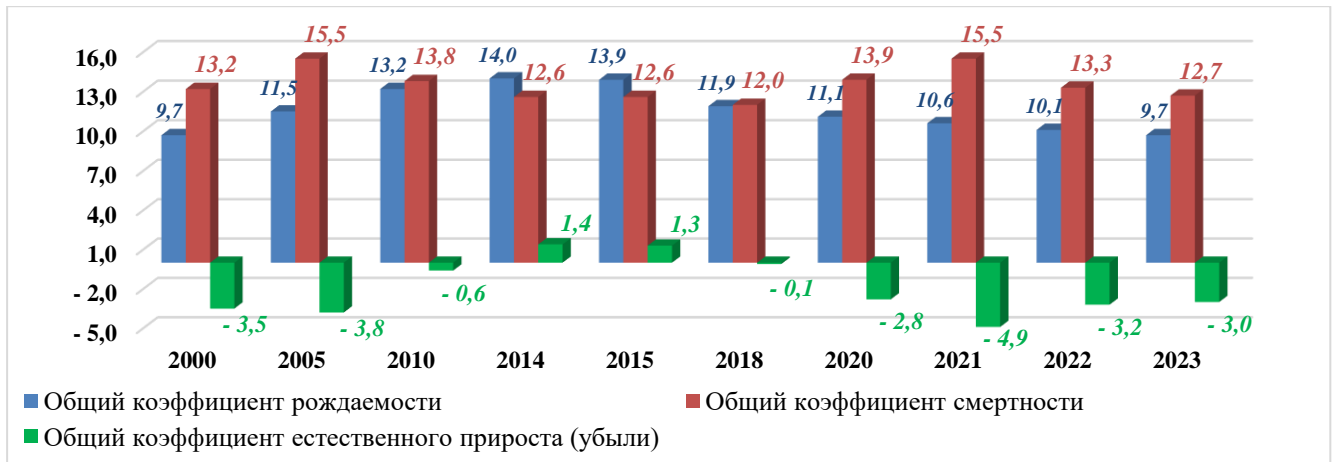

Рисунок 2.12 – Общие коэффициенты рождаемости и смертности в ДФО, промилле¹³⁰

Для формирования репрезентативной оценки естественного воспроизводства населения макрорегиона анализ показателей рождаемости следует рассматривать в комплексе с другими демографическими индикаторами. Одним из факторов, негативно влияющих на естественное движение населения, является высокий уровень смертности. В 2023 году коэффициент смертности снизился по сравнению с 2000 годом на 0,5 промилле – с 13,2 промилле в 2000 году до 12,7 промилле в 2023 году. Наименьшие значения данного показателя наблюдались в 2018 году, а также в 2013–2015 гг. на уровне 12,0 и 12,6 промилле соответственно. В этот период естественный прирост населения составлял 1,4 и 1,3 промилле. Несмотря на положительную динамику, снижение смертности в ДФО характеризуется низкой интенсивностью.

¹³⁰ Составлено автором.

С целью выявления текущих демографических тенденций и определения ключевых факторов, влияющих на репродуктивное поведение населения, в рамках исследования проведен детальный анализ показателей рождаемости и смертности. Ключевым индикатором уровня рождаемости является суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Данные, представленные на Рис. 2.13, показывают, что в 2000–2023 гг. СКР в субъектах ДФО находился ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1 ребенка на одну женщину). Исключение составляют показатели СКР на уровне 2,2–2,3 ребенка на одну женщину, зафиксированные в 2014–2015 гг. в Республике Саха (Якутия), а также в Республике Бурятия и Забайкальском крае, входивших на тот момент в состав Сибирского федерального округа.

Необходимо подчеркнуть, что низкий уровень рождаемости не является специфической чертой субъектов ДФО, а является характерным для большинства других регионов Российской Федерации.

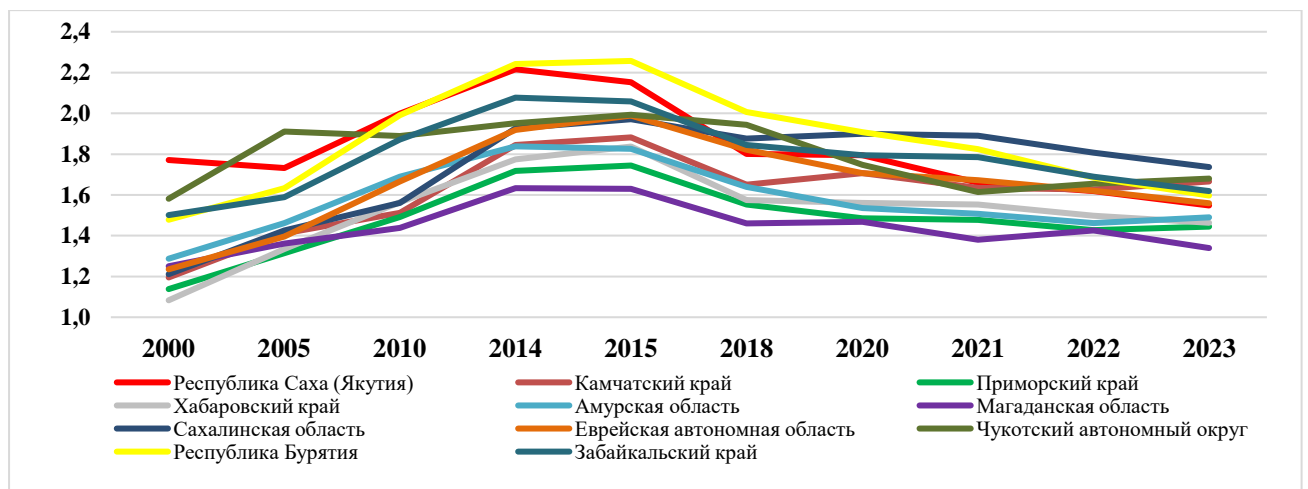

Рисунок 2.13 – Динамика СКР в субъектах ДФО, единица¹³¹

С 2000 года в ДФО наблюдалось повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), которое продолжалось до 2015 года. С начала 2016 года СКР начал постепенно снижаться и сохранял эту тенденцию до 2023 года. В период с 2000 по 2015 год СКР увеличился на 0,6 единицы – с 1,3 в 2000 году до 1,9 в 2015 году. В последующий период, с 2015 по 2023 год, наблюдалось снижение СКР на 0,4 единицы – с 1,9 в 2015 году до 1,5 в 2023 году. Таким образом,

¹³¹ Составлено автором.

совокупный прирост СКР за первый период (+0,6 пункта) был частично нивелирован последующим снижением (-0,4 пункта) (Табл. 2.10).

Таблица 2.10

– СКР в субъектах ДФО в период с 2000 по 2023 год, единица¹³²

Субъект	2000	2005	2010	2014	2015	2018	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	1,8	1,7	2,0	2,2	2,2	1,8	1,8	1,7	1,6	1,5
Камчатский край	1,2	1,4	1,5	1,8	1,9	1,7	1,7	1,6	1,6	1,7
Приморский край	1,1	1,3	1,5	1,7	1,7	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4
Хабаровский край	1,1	1,3	1,6	1,8	1,8	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5
Амурская область	1,3	1,5	1,7	1,8	1,8	1,6	1,5	1,5	1,5	1,5
Магаданская область	1,3	1,4	1,4	1,6	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,3
Сахалинская область	1,2	1,4	1,6	1,9	2,0	1,9	1,9	1,9	1,8	1,7
Еврейская автономная область	1,2	1,4	1,7	1,9	2,0	1,8	1,7	1,7	1,6	1,6
Чукотский автономный округ	1,6	1,9	1,9	2,0	2,0	1,9	1,7	1,6	1,7	1,7
Республика Бурятия	1,5	1,6	2,0	2,2	2,3	2,0	1,9	1,8	1,7	1,6
Забайкальский край	1,5	1,6	1,9	2,1	2,1	1,8	1,8	1,8	1,7	1,6
ДФО¹³³	1,3	1,5	1,6	1,9	1,9	1,7	1,7	1,6	1,6	1,5
Российская Федерация	1,2	1,3	1,6	1,7	1,8	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4

Анализ динамики общего коэффициента рождаемости (ОКР) в разрезе субъектов ДФО за 2000–2023 гг., представленный на Рис. 2.14, выявляет четкий тренд. С 2000 по 2014 год во всех субъектах округа наблюдалось повышение ОКР, тогда как в период с 2015 по 2023 год отмечается устойчивый нисходящий тренд, характерный для всех регионов макрорегиона.

¹³² Составлено автором.

¹³³ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

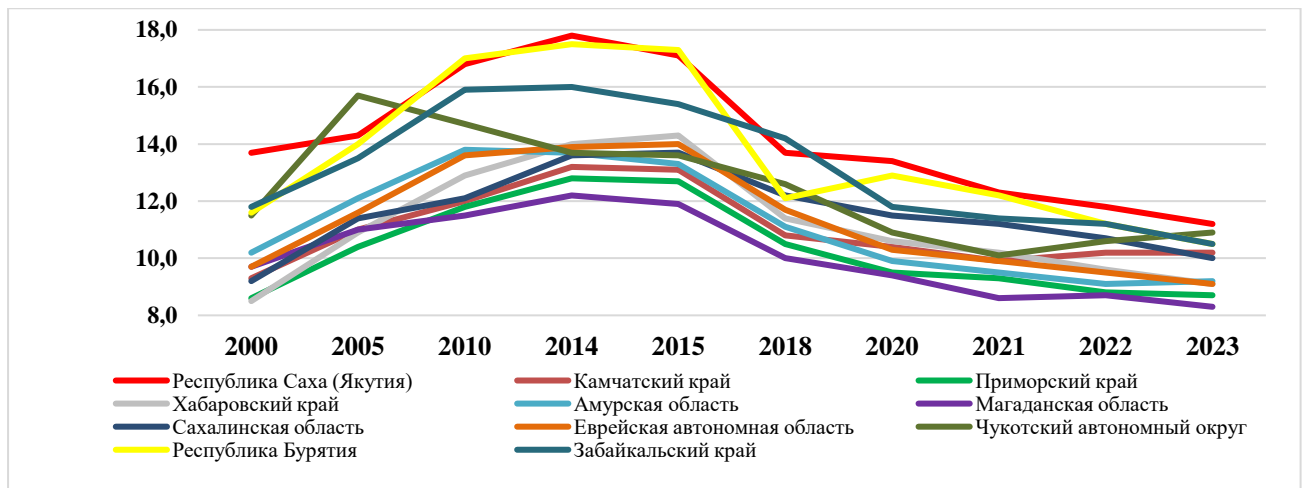

Рисунок 2.14 – Динамика ОКР в субъектах ДФО, промилле¹³⁴

Наибольший прирост общего коэффициента рождаемости (ОКР) среди субъектов ДФО в период с 2000 по 2014 год зафиксирован в Республике Саха (Якутия) – 4,1 пункта или 29,9 % (с 13,7 промилле в 2000 году до 17,8 промилле в 2014 году), Хабаровском крае – 5,5 пункта или 64,7 % (с 8,5 промилле в 2000 году до 14,0 промилле в 2014 году), а также в Сахалинской области – 4,4 пункта или 47,8 % (с 9,2 промилле в 2000 году до 13,6 промилле в 2014 году).

Повышение уровня рождаемости в этот период обусловлено комплексом благоприятных социально-экономических условий, включая стабилизацию экономической ситуации, рост уровня жизни, активную государственную демографическую политику, направленную на поддержку семей (в том числе введение материнского капитала), а также миграционные процессы, способствовавшие притоку молодежи в регион. Существенное влияние на репродуктивные установки населения оказали социокультурные и институциональные факторы.

С одной стороны, сохранение традиционных культурных паттернов, предполагающих многодетность как социальную норму, поддерживало более высокие показатели рождаемости. С другой стороны, модернизация системы здравоохранения, выразившаяся в значительном снижении младенческой смертности, способствовала росту доверия населения к системе здравоохранения и повышению уверенности в успешном репродуктивном выборе.

¹³⁴ Составлено автором.

В то же время наименьший рост ОКР за период с 2000 по 2014 год наблюдался в Чукотском автономном округе – 2,2 пункта или 19,1 % (с 11,5 промилле в 2000 году до 13,7 промилле в 2014 году).

В целом по ДФО в период с 2014 по 2023 год значения ОКР снизились на 4,3 пункта или 30,7 % – с 14,0 промилле в 2014 году до 9,7 промилле в 2023 году. Снижение ОКР в макрорегионе объясняется падением рождаемости в большинстве субъектов. В частности, в Республике Саха (Якутия) коэффициент снизился на 6,6 пункта или 37,1 % (с 17,8 промилле в 2014 году до 11,2 промилле в 2023 году), в Магаданской области – на 3,9 пункта или 32,0 % (с 12,2 промилле до 8,3 промилле), в Чукотском автономном округе – на 2,8 пункта или 20,4 % (с 13,7 промилле до 10,9 промилле) (Табл. 2.11).

Таблица 2.11

– ОКР в субъектах ДФО в период с 2000 по 2023 год, промилле¹³⁵

Субъект	2000	2005	2010	2014	2015	2018	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	13,7	14,3	16,8	17,8	17,1	13,7	13,4	12,3	11,8	11,2
Камчатский край	9,3	11,0	12,0	13,2	13,1	10,8	10,4	9,9	10,2	10,2
Приморский край	8,6	10,4	11,8	12,8	12,7	10,5	9,5	9,3	8,8	8,7
Хабаровский край	8,5	10,9	12,9	14,0	14,3	11,4	10,6	10,2	9,6	9,1
Амурская область	10,2	12,1	13,8	13,7	13,3	11,1	9,9	9,5	9,1	9,2
Магаданская область	9,7	11,0	11,5	12,2	11,9	10,0	9,4	8,6	8,7	8,3
Сахалинская область	9,2	11,4	12,1	13,6	13,7	12,2	11,5	11,2	10,7	10,0
Еврейская автономная область	9,7	11,6	13,6	13,9	14,0	11,7	10,3	9,9	9,5	9,1
Чукотский автономный округ	11,5	15,7	14,7	13,7	13,6	12,6	10,9	10,1	10,6	10,9
Республика Бурятия	11,6	14,0	17,0	17,5	17,3	12,1	12,9	12,2	11,2	10,5
Забайкальский край	11,8	13,5	15,9	16,0	15,4	14,2	11,8	11,4	11,2	10,5
ДФО	9,7	11,5	13,2	14,0	13,9	11,9	11,1	10,6	10,1	9,7

В субъектах южной зоны ДФО, где созданы более благоприятные и комфортные условия жизни, также наблюдается устойчивый нисходящий тренд общего коэффициента рождаемости (ОКР). Так, с 2014 по 2023 год ОКР снизился

¹³⁵ Составлено автором.

в Амурской области на 4,5 пункта (–32,8 %) – с 13,7 промилле до 9,2 промилле, в Еврейской автономной области на 4,8 пункта (–34,5 %) – с 13,9 промилле до 9,1 промилле, в Хабаровском крае на 4,9 пункта (–35,0 %) – с 14,0 промилле до 9,1 промилле, в Приморском крае на 4,1 пункта (–32,0 %) – с 12,8 промилле до 8,7 промилле.

Кроме того, отрицательная динамика ОКР зафиксирована в Республике Бурятия, где снижение составило 7,0 пункта (–40,0 %) – с 17,5 промилле в 2014 году до 10,5 промилле в 2023 году, а также в Забайкальском крае, где снижение составило 5,5 пункта (–34,4 %) – с 16,0 промилле до 10,5 промилле.

Традиционно высокая рождаемость среди коренного населения в Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Камчатском крае, Чукотском автономном округе и Забайкальском крае способствовала улучшению статистической картины естественного прироста населения в ДФО по сравнению с общероссийским уровнем. Тем не менее общая негативная демографическая ситуация в макрорегионе не была преодолена, поскольку южная (наиболее населенная) зона демонстрирует устойчивую естественную убыль населения¹³⁶.

Таким образом, снижение уровня рождаемости в ДФО в период 2014–2023 гг., по нашему мнению, обусловлено совокупностью демографических, экономических и социальных факторов. Среди демографических – сокращение численности женщин репродуктивного возраста вследствие демографического кризиса 1990-х годов; среди экономических – снижение реальных доходов населения и влияние экономических санкций; среди социальных – ограниченная эффективность мер государственной поддержки семей в условиях экономической нестабильности.

Вторым ключевым фактором, негативно влияющим на естественное движение населения, является высокий уровень смертности. Несмотря на снижение коэффициента смертности с 13,2 промилле в 2000 году до 12,7 промилле

¹³⁶См.: Минакир, П.А. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? / П.А. Минакир, С.Н. Найден. // Регион: экономика и социология – 2020, № 3 (107), – С. 30-61; Минакир, П.А., Ожидания и реалии политики «поворота на Восток»// Экономика региона - 2017. Т. 13, вып.4. – С. 1025.

в 2023 году, данный показатель остается высоким. Наименьшие значения фиксировались в 2018 году и в 2013–2015 гг. (12,0–12,6 промилле), однако скорость снижения оставалась крайне низкой. В динамике коэффициента смертности за исследуемый период можно выделить несколько характерных тенденций: рост с 2000 по 2005 год на 2,3 промилле (+17,4 %), снижение с 2005 по 2018 год на 3,5 промилле (–22,6 %), рост с 2018 по 2021 год на 3,5 промилле (+29,2 %) с последующим снижением в 2022–2023 годах (Табл. 2.12).

Таблица 2.12

– Общий коэффициент смертности в субъектах ДФО в период
с 2000 по 2023 год, промилле¹³⁷

Субъект	2000	2005	2010	2014	2015	2018	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	9,7	10,2	9,8	8,6	8,5	7,8	9,3	10,7	8,3	7,8
Камчатский край	11,0	12,9	12,6	11,5	11,5	11,3	12,7	14,3	13,2	11,8
Приморский край	13,9	16,3	14,3	13,4	13,5	13,4	15,4	17,0	15,0	14,1
Хабаровский край	14,1	16,6	14,6	13,3	13,4	12,8	15,6	16,8	14,0	13,3
Амурская область	14,6	17,2	15,3	13,9	13,9	13,4	16,2	18,5	14,8	14,1
Магаданская область	11,8	13,7	13,0	11,9	11,9	11,4	12,5	15,0	12,7	12,1
Сахалинская область	13,4	17,5	14,9	13,0	13,3	12,7	13,7	15,6	13,8	13,5
Еврейская автономная область	14,5	18,3	15,5	15,0	15,4	13,7	15,9	18,0	15,2	14,3
Чукотский автономный округ	9,6	11,5	13,8	10,9	9,5	11,0	10,5	10,8	10,2	10,1
Республика Бурятия	13,1	15,6	12,7	11,5	11,4	10,7	12,0	13,7	12,2	11,8
Забайкальский край	14,5	17,3	13,8	12,5	12,9	12,3	13,7	15,8	13,8	13,7
ДФО¹³⁸	13,2	15,5	13,8	12,6	12,6	12,0	13,9	15,5	13,3	12,7

Наиболее низкий показатель смертности среди субъектов ДФО зафиксирован в 2023 году в Республике Саха (Якутия) – 7,8 промилле, и Чукотском автономном округе – 10,1 промилле, тогда как остальные субъекты демонстрируют более высокие показатели смертности (Рис. 2.15).

¹³⁷ Составлено автором.

¹³⁸ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

Высокий уровень смертности в макрорегионе обусловлен комплексом факторов, включая низкое качество жизни, ограниченную доступность квалифицированной медицинской помощи, особенно в сельской местности, а также критический износ материально-технической базы здравоохранения¹³⁹.

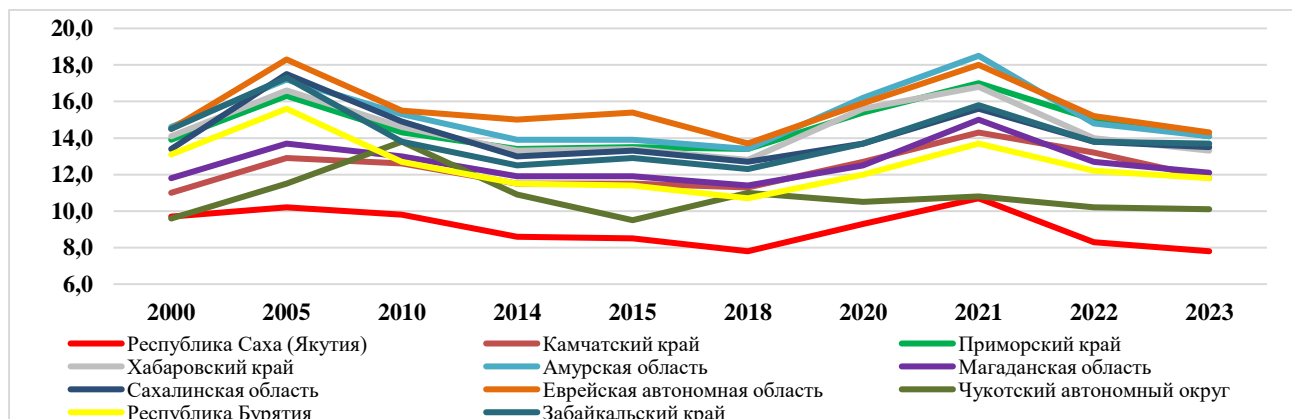

Рисунок 2.15 – Динамика общего коэффициента смертности в субъектах ДФО, промилле¹⁴⁰

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что динамика смертности населения ДФО за 2000–2023 гг. характеризуется сложными, неоднозначными и нелинейными тенденциями. Высокий уровень смертности в начале 2000-х годов, обусловленный последствиями демографического и социально-экономического кризиса 1990-х годов, сменился постепенным снижением благодаря улучшению экономической ситуации и реализации масштабных государственных программ в сфере здравоохранения. Однако с конца 2010-х годов до 2023 года вновь наблюдаются негативные тенденции, связанные с последствиями пандемии COVID-19, старением населения и ухудшением экологической обстановки.

Ключевым индикатором влияния смертности на демографическую ситуацию является ожидаемая продолжительность жизни при рождении. В 2023 году этот показатель в ДФО составил 69,8 лет, что на 6,2 года ниже целевого значения и на 3,6 года ниже среднероссийского уровня (73,4 года). При этом за период с 2000 по 2023 год наблюдается положительная динамика: продолжительность

¹³⁹ Найден, С.Н. Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013-2020 гг. / С.Н. Найден, М.А. Грицко // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 4 (97). – С. 53–64.

¹⁴⁰ Составлено автором.

жизни увеличилась на 6,6 лет – с 63,2 лет в 2000 году до 69,8 лет в 2023 году. Несмотря на этот рост, абсолютное значение продолжительности жизни остается критически низким для оценки уровня здоровья населения и демографической устойчивости макрорегиона (Табл. 2.13).

Таблица 2.13

– Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в субъектах

ДФО с 2000 по 2023 год, лет

Субъект	2000	2005	2010	2015	2018	2020	2021	2022	2023
Республика Саха (Якутия)	63,7	64,7	66,8	70,2	72,6	70,9	69,8	72,7	73,6
Камчатский край	63,3	63,2	65,8	68,2	69,5	68,6	67,3	68,8	70,4
Приморский край	63,7	62,8	66,6	69,1	70,4	69,5	68,5	69,7	70,1
Хабаровский край	63,0	61,7	65,7	68,8	70,3	68,8	68,1	70,0	70,3
Амурская область	62,2	60,2	64,4	67,2	68,9	67,2	66,1	68,2	68,3
Магаданская область	62,0	62,5	65,1	67,9	69,2	68,6	67,0	68,5	69,3
Сахалинская область	63,3	60,6	64,9	68,0	70,0	69,8	68,5	70,4	70,2
Еврейская автономная область	61,8	59,2	63,7	64,9	68,4	67,4	66,0	67,7	68,3
Чукотский автономный округ	60,2	58,5	57,5	63,9	63,0	65,0	64,0	66,2	66,6
Республика Бурятия	62,7	61,0	66,1	69,1	70,8	70,2	68,9	69,4	69,5
Забайкальский край	61,5	59,3	64,8	67,2	68,7	67,8	66,4	67,8	67,2
ДФО¹⁴¹	63,2	62,2	65,8	68,5	70,1	69,0	68,0	69,5	69,8

В 2023 году лидерами по ожидаемой продолжительности жизни в ДФО стали пять субъектов:

- Республика Саха (Якутия) — 73,6 года (+9,8 лет или 15,5% к 2000 году);
- Камчатский край — 70,4 года (+7,1 года или 11,3% к 2000 году);
- Хабаровский край — 70,3 года (+7,3 года или 11,6% к 2000 году);
- Сахалинская область — 70,2 года (+6,9 года или 10,9% к 2000 году);

¹⁴¹ В 2000-2015 гг. данные по ДФО приведены без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

- Приморский край — 70,1 года (+6,4 года или 10,0% к 2000 году).

Регионом-аутсайдером является Чукотский автономный округ с показателем 66,6 года (+6,4 года или 10,6% к 2000 году) (Рис. 2.16).

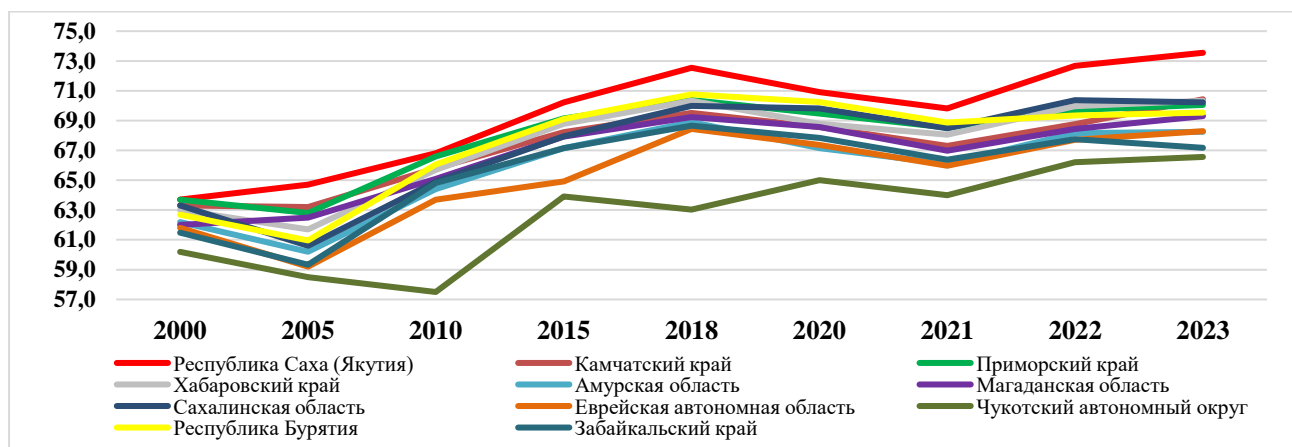

Рисунок 2.16 – Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в субъектах ДФО, лет¹⁴²

Значительный прирост продолжительности жизни населения ДФО за 2000–2023 гг. связан с повышением эффективности системы здравоохранения, отразившимся в улучшении ключевых медико-демографических индикаторов. Интенсификация медицинской помощи — внедрение современных диагностико-терапевтических алгоритмов и развитие превентивной медицины — обеспечила заметное сокращение смертности от основных причин, включая кардиоваскулярные патологии, онкологические заболевания и контролируемые инфекции.

Вместе с тем ключевым фактором общей отрицательной динамики населения ДФО является миграционный отток — главный драйвер депопуляции макрорегиона. В отличие от относительно стабильного естественного движения населения, механическое движение в 2000–2023 гг. характеризуется устойчивым отрицательным трендом.

¹⁴²Составлено автором. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Точка доступа: [https:// fedstat.ru/indicator/31293](https://fedstat.ru/indicator/31293) / (дата обращения: 25.03.2025).

Несмотря на меры по стимулированию притока, макрорегион продолжает сталкиваться с проблемами оттока населения¹⁴³.

Миграционные потери были обусловлены объективными тенденциями, вызвавшими шок на рынке занятости (одномоментное сокращение спроса на труд) и снижение цены труда в регионе¹⁴⁴. Это привело к утрате конкурентоспособности ДФО по доходам, ранее компенсировавшим низкий уровень комфортности проживания по сравнению с другими районами страны.

Еще одной причиной смены положительного миграционного оборота на отрицательный стал крах института гарантий сохранения жилья в «родных» районах для выезжавших с Дальнего Востока, а также ликвидация гарантий аккумулирования накоплений для комфортной «последальневосточной» жизни. Эти разрушения предопределили откат численности населения макрорегиона к уровню середины 1970-х годов.

В последние годы в ДФО наблюдается кратное снижение миграционной убыли (за исключением 2022 года, когда отток усилился по всей стране из-за частичной мобилизации). Так, миграционная убыль сократилась с 8,2 на 1000 человек (2000–2010 гг.) до 4,6, а затем до 1,8 на 1000 человек (2010–2023 гг.) (Рис. 2.17).

Это, на наш взгляд, связано с притоком крупных инвестиций в инфраструктуру, добывающие и обрабатывающие отрасли, а также улучшением социальной инфраструктуры.

¹⁴³ Нальгиев, И.М. Взаимосвязь миграционной политики и устойчивого развития Дальневосточного федерального округа / И.М. Нальгиев // Финансовая экономика. – 2023. – № 9. – С. 61–65.

¹⁴⁴ Минакир, П.А. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? / П.А. Минакир, С.Н. Найден. // Регион: экономика и социология – 2020, № 3 (107), – С. 30-61; Минакир, П.А., Ожидания и реалии политики «поворота на Восток»// Экономика региона - 2017. Т. 13, вып.4. – С. 1025.

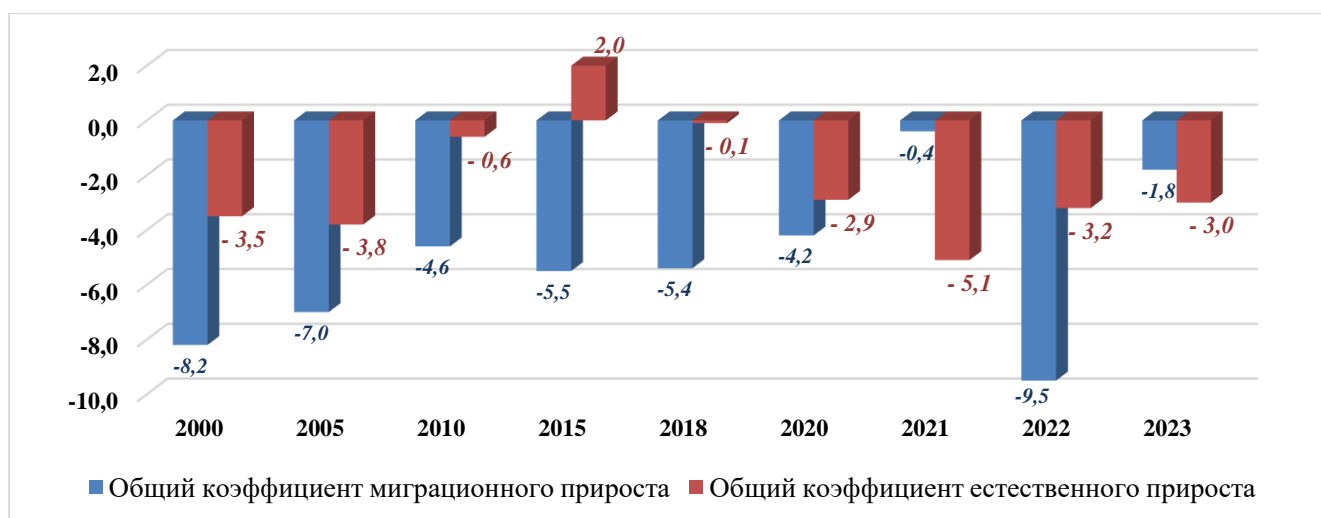

Рисунок 2.17 – Коэффициенты прироста населения ДФО в период с 2000 по 2023 год, на 1000 человек¹⁴⁵

Изменение миграционной ситуации в ДФО связано с трансформацией миграционного поведения населения различных возрастных групп. Значительное сокращение оттока обусловлено прежде всего уменьшением миграционной убыли трудоспособного населения.

Если в начале 2000-х годов убыль трудоспособных жителей макрорегиона составляла около 30 тыс. человек в год, то к середине 2010-х годов она снизилась до 15–20 тыс. человек в год, а в последние годы составила 10–15 тыс. человек в год.

В 2019 и 2021 гг. в ДФО впервые был зафиксирован миграционный приток трудоспособного населения — 0,2 тыс. и 16,4 тыс. человек соответственно. Данный приток объясняется реализацией крупных инвестиционных проектов, преимущественно с государственным участием, способствующих созданию рабочих мест и удержанию трудовых ресурсов в макрорегионе (Рис. 2.18).

Миграционная динамика населения старших возрастных групп демонстрирует устойчивый отрицательный тренд. В начале 2000-х годов отток составлял 5,0–5,2 тыс. человек в год (2000 год — 5,1 тыс., 2001 год — 5,2 тыс., 2002 год — 5,0 тыс.), достиг пика в 9,2 тыс. человек в 2013 и 2018 годах и в последние годы стабилизировался на уровне 4,7–6,5 тыс. человек в год.

¹⁴⁵ Составлено автором.

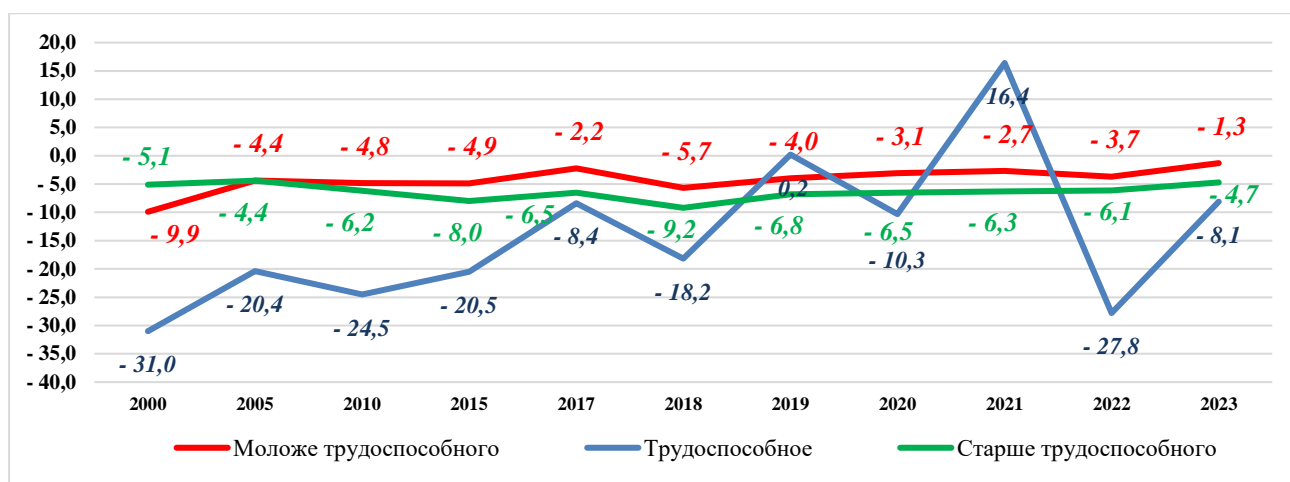

Рисунок 2.18 – Миграционный прирост/убыль населения в различных возрастах в ДФО в период с 2000 по 2023 год, тыс. человек¹⁴⁶

Отток населения младше трудоспособного возраста был максимальным в начале 2000-х годов вследствие массового выезда семей с детьми, однако в последние годы он стабилизировался с тенденцией к снижению и составил 1,3–3,7 тыс. человек в год.

Миграция трудоспособного населения демонстрирует значительные региональные различия. В последние пять лет положительный приток отмечается в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и Чукотском автономном округе, тогда как в остальных субъектах, несмотря на реализацию инвестиционных проектов, продолжается убыль трудовых ресурсов. Наиболее тревожным индикатором является сохраняющийся отток населения из развитых Приморского и Хабаровского краев.

В анализируемый период положительный миграционный прирост в ДФО был зафиксирован только в 2021 году и составил +7,4 тыс. человек, при этом распределение по субъектам выглядело следующим образом: Республика Саха (Якутия) — +8,5 тыс., Хабаровский край — +6,5 тыс., Камчатский край — +2,4 тыс., Сахалинская область — +0,7 тыс. (Рис. 2.19).

¹⁴⁶Составлено автором. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Точка доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> / (дата обращения: 25.01.2025).

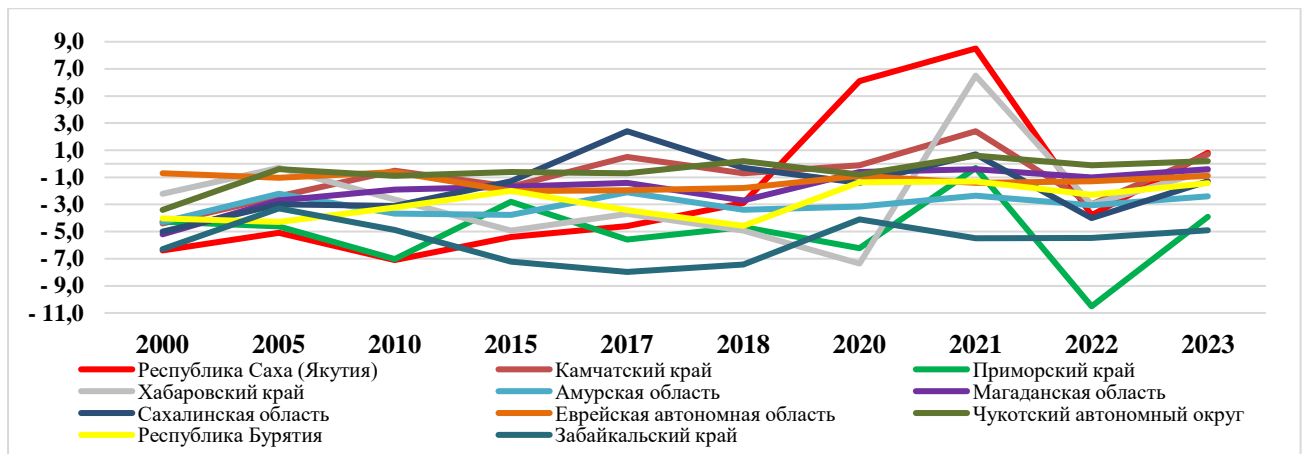

Рисунок 2.19. Динамика миграционного прироста (убыли) населения в субъектах ДФО на 1000 человек, промилле¹⁴⁷

Анализ миграционной ситуации в ДФО выявляет значительные внутрирегиональные различия. Привлекательными для внутрирегиональных миграций остаются практически все административные центры субъектов округа и прилегающие пригородные территории, а также отдельные города с развитым рынком труда, такие как Уссурийск, Циолковский, Агинское и Ноглики¹⁴⁸.

Одним из ключевых факторов миграционной динамики является временный характер перемещений населения. Даже в советские годы многие переселенцы рассматривали переезд в ДФО как временный, и аналогичная тенденция сохраняется в последние годы для трудовых миграций. При этом сокращается средний срок пребывания мигрантов, а вахтовые формы занятости, плохо учитываемые статистикой, приобретают все большее значение¹⁴⁹.

Комплексный анализ демографических процессов в ДФО за 2000–2023 гг. позволяет сделать следующие выводы. Сокращение численности населения региона, обусловленное отрицательными значениями коэффициентов естественного и миграционного прироста, а также низким уровнем рождаемости на фоне относительно высокой смертности и умеренного роста ожидаемой

¹⁴⁷ Составлено автором.

¹⁴⁸ Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центрo-периферийных отношений / Н.В. Мкртчян // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2011. Т. 9, С. 416-430.

¹⁴⁹ Донец, К.В. Современные тенденции миграции в регионах Дальневосточного федерального округа / К.В. Донец, О.С. Чудиновских // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 4 (206). – С. 88-94.

продолжительности жизни, ставит под сомнение возможность достижения целевых показателей, заложенных в стратегических документах демографического характера. Отмеченные тенденции стабилизации — замедление темпов снижения численности населения до 0,4–0,8 % в год, рост ожидаемой продолжительности жизни на 6,6 лет и сокращение миграционной убыли — оказываются недостаточными для кардинального укрепления человеческого капитала и перелома устойчиво негативной демографической динамики, что свидетельствует об ограниченном и неустойчивом эффекте реализуемых мер государственной поддержки.

Успешный опыт Республики Саха (Якутия) демонстрирует эффективность комплексного подхода: за исследуемый период численность населения выросла на 4,0 %, был зафиксирован миграционный прирост в отдельные годы, достигнуто наибольшее среди субъектов ДФО значение ожидаемой продолжительности жизни (73,6 лет) и наименьший коэффициент смертности (7,8 промилле). Эти результаты указывают, что сочетание крупных инвестиций в инфраструктуру, налоговых льгот и адресной социальной поддержки способно формировать устойчивые точки роста.

В то же время уникальные социально-экономические и этнокультурные условия макрорегиона ограничивают возможность прямого тиражирования модели Республики Саха (Якутия) на другие субъекты ДФО, такие как Приморский и Хабаровский края, которые стабильно демонстрируют миграционную убыль. Исторический прецедент советского периода, когда численность населения ДФО приблизилась к плановому показателю 8,2 млн человек при среднегодовом темпе прироста 1,4 %, подтверждает эффективность системного подхода. Успех обеспечивался синергией масштабных инфраструктурных проектов, социальных гарантий и целевой миграционной политики, включая:

- создание производственных кластеров (судостроение, добыча ресурсов) для занятости и привлечения трудовых ресурсов;
- строительство жилья, школ, больниц и культурных учреждений для создания комфортной среды;

•льготы переселенцам (например, «северные надбавки», повышенные зарплаты) и поддержку многодетных семей.

В современных условиях воспроизведение этих принципов с учетом новых технологий и управленческих инструментов открывает перспективы демографического роста. Демографические вызовы ДФО носят структурный и устойчивый характер, требуя интеграции исторического опыта и инновационных подходов: возрождения социальных гарантий с акцентом на семьи, стимулирования миграции таргетированными инструментами и развития инфраструктуры с фокусом на «умные» технологии. Перспективы стратегического развития должны учитывать дифференцированный подход к субъектам: урбанизация и высокотехнологичные кластеры для Приморского и Хабаровского краев (создание рабочих мест для молодежи), опорные пункты с цифровой инфраструктурой и телемедициной для Чукотки и Магаданской области. Без такой интенсификации политики достижение стратегических целевых показателей маловероятно.

2.3. Взаимосвязь экономической и демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе: причинно-следственные связи и закономерности

Взаимосвязь и взаимовлияние экономических и демографических факторов являются предметом исследования в работах экономистов, демографов, социологов и экономгеографов. При этом в большинстве исследований акцент делается на анализ влияния демографических процессов, прежде всего роста численности населения, на экономическое развитие. Подобная исследовательская направленность не является случайной: с момента возникновения государства, формирования разделения труда и становления сфер производства начали складываться устойчивые экономические отношения, что обусловило повышенный интерес к проблемам роста населения и его роли в развитии государства и общества в целом.

Глубокие социально-экономические трансформации, безусловно, оказали существенное влияние на динамику и качественные характеристики населения большинства современных развитых стран. Особенно наглядно воздействие экономических факторов проявляется при анализе таких демографических процессов, как смертность и миграция. Так, высокий уровень жизни и заработной платы выступают мощными факторами притяжения миграционных потоков из стран с более низким уровнем жизни и высокой безработицей, что находит отражение в широко известной теории «выталкивающих и притягивающих факторов» (push-pull theory)¹⁵⁰.

В то же время, рассматривая влияние экономических процессов на демографическое развитие, следует подчеркнуть недопустимость абсолютизации роли экономического фактора, особенно при оценке его воздействия на рождаемость. Экономический рост либо спад не предполагают автоматических соответствующих изменений показателей рождаемости или смертности, хотя такие изменения могут иметь место. Темпы экономического роста и повышения производительности труда сами по себе не всегда сопровождаются улучшением демографической ситуации.

Тем не менее, наличие взаимозависимости и взаимообусловленности экономических и демографических процессов не вызывает сомнений. С точки зрения экономического анализа особый интерес представляют вопросы выявления закономерностей прямого и косвенного, эффективного и неэффективного влияния экономического развития на демографические процессы в различные исторические периоды.

Повышение уровня жизни и благосостояния населения при условии формирования соответствующего образа жизни способствует снижению смертности, укреплению здоровья, увеличению средней продолжительности жизни, стабилизации института семьи (при этом рождаемость занимает в данном контексте особое положение), а также привлечению мигрантов. Последний аспект

¹⁵⁰ Lee E. S. A Theory of Migration / E. S. Lee // Demography. – 1966. – Vol. 3, No. 1. – P. 47–57. – DOI: 10.2307/2060063.

имеет особое значение для России в целом и Дальневосточного федерального округа в частности.

Характерным примером служит ситуация в России в 1990-е годы, когда экономический спад сопровождался снижением рождаемости, кризисом института семьи, ухудшением качественных характеристик населения, а также разнонаправленными изменениями показателей смертности: снижением младенческой смертности при одновременном росте смертности среди мужчин трудоспособного возраста и сокращении средней продолжительности жизни.

Изучение взаимосвязи экономических и демографических процессов на региональном уровне, в частности в пределах ДФО, приобретает особую актуальность в условиях стратегической переориентации России на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). ДФО обладает уникальным геополитическим положением и значительным потенциалом для расширения экономических связей со странами АТР. Макрорегион, сочетающий богатую ресурсную базу с возрастающим вниманием со стороны государства, становится ключевой площадкой для реализации масштабных инфраструктурных проектов, включая развитие Северного морского пути, модернизацию БАМа и Транссиба, а также создание территорий опережающего развития (ТОР). Эти инициативы, ориентированные на интеграцию России в глобальные цепочки добавленной стоимости, формируют благоприятные условия для исследования взаимодействия экономических и демографических процессов.

Особую значимость данное исследование приобретает в контексте реализации стратегического курса на развитие ДФО, закрепленного в государственной программе «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» и национальном проекте «Демография». Уникальные особенности региона, включая климатическое разнообразие, культурное наследие коренных народов и высокий транзитный потенциал, создают предпосылки для разработки инновационных подходов к управлению человеческим капиталом. Так, программа «Дальневосточный гектар», несмотря на существующие ограничения, демонстрирует потенциал в сфере привлечения

мигрантов и развития малого предпринимательства, особенно в сочетании с реализацией инфраструктурных проектов, таких как строительство газопровода «Сила Сибири–2» и расширение портовой инфраструктуры Владивостока.

Перспективы дальнейших исследований связаны, в том числе, с формированием ДФО в качестве модели устойчивого развития для приграничных регионов. Проведение комплексного анализа позволит предложить решения, основанные на балансе между освоением природных ресурсов, сохранением культурного наследия и внедрением современных технологий — от создания международных образовательных центров до развития экотуризма на Камчатке и Сахалине. Реализация данных мер при поддержке государства и участии частных инвестиций способна укрепить позиции ДФО как динамично развивающегося макрорегиона и связующего звена между Россией и странами АТР, обеспечив долгосрочный экономический рост и повышение качества жизни населения.

В современных геополитических условиях роль ДФО как геостратегической территории Российской Федерации существенно возрастает. Переориентация экспортноориентированной экономики на новые рынки, прежде всего стран АТР, а также формирование альтернативных логистических цепочек во многом зависят от состояния и качества инфраструктуры макрорегиона. Одновременно усиливается значение ДФО как ключевых «ворот» для импорта продукции и комплектующих в Россию. Приоритеты развития реального сектора экономики округа в этих условиях должны быть смещены в сторону более активного участия в процессах импортозамещения во всех секторах экономики страны.

В экономической науке, как и в других областях знания, широко применяется совокупность различных научных методов исследования. Среди них выделяются общенаучные методы экономической теории (анализ и синтез, индукция и дедукция, метод гипотез, метод научной абстракции), а также специальные методы, разработанные в рамках отдельных дисциплин и широко используемые в гуманитарных науках: статистические, математические и социологические

методы, методы математического моделирования, графоаналитические, картографические и демографические методы¹⁵¹.

Со второй половины XX века в экономике народонаселения широкое распространение получили эконометрические методы, включая построение линейных и специальных регрессионных моделей, анализ временных рядов, обобщенный метод моментов, системы одновременных уравнений, а также непараметрические и полупараметрические методы статистического анализа. Применение данных инструментов позволяет не только выявлять наличие взаимосвязей между показателями, но и количественно оценивать их тесноту и направленность, обеспечивая более глубокое понимание статистических данных по сравнению с простым сопоставлением абсолютных и относительных показателей и их динамики.

В рамках настоящего исследования для более детального анализа причинно-следственных связей между экономическими и демографическими показателями был проведен корреляционный анализ, послуживший основой для последующего регрессионного моделирования. Необходимо отметить, что расчеты выполнены с использованием программного обеспечения Stata, что обеспечивает точность и воспроизводимость результатов. Перечень ключевых демографических и экономических показателей, использованных в исследовании, представлен в Табл. 2.14.

Таблица 2.14

– Обозначения показателей

Обозначение показателя	Полное наименование на английском	Полное наименование на русском
TFR	Total Fertility Rate	Суммарный коэффициент рождаемости
Migr_Net	Net Migration	Коэффициент миграционного прироста населения (на 1000 человек)
GRP	Gross Regional Product	Валовой региональный продукт
GRP_pc	Gross Regional Product per capita	Валовой региональный продукт на душу населения
PPI	Industrial Production Index	Индекс промышленного производства

¹⁵¹ Математическое моделирование стало одним из основных методов изучения миграции, получают развитие модели миграции макроуровня (гравитационные, модели Алонсо) и микроуровня (микроэкономические модели на базе теории человеческого капитала).

Обозначение показателя	Полное наименование на английском	Полное наименование на русском
Inv_FC	Investments in Fixed Capital	Инвестиции в основной капитал
CPI	Consumer Price Index	Индекс потребительских цен
Real_Income	Real_Income	Реальные денежные доходы населения
Min_Vol	Mining Volume	Объем добывающей промышленности
Mfg_Vol	Manufacturing Volume	Объем обрабатывающей промышленности
Agri_Vol	Agriculture Volume	Объем сельскохозяйственного производства

В ходе проведения корреляционного анализа последовательно осуществлялись следующие этапы.

Во-первых, с учетом специфики и природы анализируемых признаков $x^{(1)}, x^{(2)}, \dots, x^{(k)}$ был осуществлен выбор адекватных измерителей статистической связи между данными признаками.

Во-вторых, на основе имеющихся исходных статистических данных

$$\{x_i^{(1)}, x_i^{(2)}, \dots, x_i^{(k)}\}, i=1, 2, \dots, n$$

где n – количество наблюдений, а i – номер обследованного объекта, были рассчитаны числовые значения выбранных измерителей статистической связи.

В-третьих, была проведена проверка статистических гипотез о том, что полученные оценочные значения коэффициентов действительно свидетельствуют о наличии статистически значимой зависимости между исследуемыми признаками $x^{(1)}, x^{(2)}, \dots, x^{(k)}$.

В-четвертых, осуществлялся анализ структуры взаимозависимости исследуемых признаков, включающий попарное сопоставление компонент $x^{(i)}, x^{(j)}$, где $i, j=1, 2, \dots, k, i \neq j$, с формированием двоичного вывода о наличии либо отсутствии статистической связи.

Таким образом, корреляционный анализ направлен на выявление статистически значимых взаимосвязей между переменными. В качестве основного показателя тесноты связи использовался коэффициент корреляции Пирсона r , значения которого варьируют в интервале от -1 до 1 и характеризуют как силу, так и направление линейной зависимости между анализируемыми переменными.

– Корреляционная матрица между факторами

Показатель	TFR	Migr_ Net	GRP	GRP_ pc	PPI	Inv_FC	CPI	Real_ Income	Min_ Vol	Mfg_ Vol	Agri_ Vol
TFR	1,00										
Migr_ Net	0,11	1,00									
GRP	0.13*	0.30*	1,00								
GRP_ pc	0.16*	0.15*	0.53*	1,00							
PPI	-0,03	-0,08	-0,06	-0,08	1,00						
Inv_FC	0,09	0.29*	0.86*	0.43*	-0,03	1,00					
CPI	-0.44*	-0.31*	-0.34*	-0.41*	0.19*	-0.32*	1,00				
Real_ Income	-0.38*	-0,04	-0.24*	-0.16*	0,06	-0.20*	0.37*	1,00			
Min_ Vol	0.17*	0.16*	0.74*	0.58*	-0,02	0.65*	-0.14*	-0,05	1,00		
Mfg_ Vol	-0.24*	0.31*	0.53*	0.20*	-0,04	0.36*	-0.19*	-0,13	-0,07	1,00	
Agri_ Vol	-0,06	0.26*	0.56*	-0,05	-0,07	0.70*	-0,11	-0.14*	0.14*	0.36*	1,00

Примечание: *Значимый коэффициент корреляции на 5%-ом уровне значимости по t-тесту Стьюдента

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить статистически значимые, хотя и слабые положительные взаимосвязи между результирующими переменными y (суммарным коэффициентом рождаемости — TFR и коэффициентом миграционного прироста населения – Migr_ Net) и рядом объясняющих переменных x . Полученные результаты свидетельствуют о том, что успешное развитие экономики ДФО, выражающееся в относительно высоких значениях валового регионального продукта, ВРП на душу населения, объема инвестиций в основной капитал и показателей добывающей промышленности, оказывает положительное влияние на демографическое состояние региона и его привлекательность для проживания. В противоположность этому инфляционные процессы и кризисные явления демонстрируют деструктивное воздействие на социально-демографические процессы, в том числе на воспроизводство населения и внутреннюю миграцию (Табл. 2.15).

Следует подчеркнуть, что корреляционный анализ позволяет лишь зафиксировать наличие и направление статистических взаимосвязей, не устанавливая причинно-следственных зависимостей между рассматриваемыми показателями. В связи с этим следующий этап исследования предполагает

применение методов регрессионного анализа, направленных на выявление характера, направления и силы влияния экономических факторов на демографические показатели.

В частности, для оценки влияния экономических факторов на суммарный коэффициент рождаемости был проведен анализ с использованием метода наименьших квадратов (МНК), позволяющего количественно оценить линейную зависимость между зависимой переменной и совокупностью независимых факторов. Построение модели осуществлялось на основе 209 наблюдений, что обеспечивает репрезентативность выборки и достаточную статистическую основу для получения обоснованных выводов.

Таблица 2.16

– Регрессионная модель МНК

Source	SS	df	MS	Number of obs = 209		
Model	1,923	4	0,481	F(4, 204) = 12,72		
Residual	7,712	204	0,038	Prob > F = 0		
Total	9,635	208	0,046	R-squared = 0,199		
				Adj R-squared = 0,184		
				Root MSE = 0,194		
y (TFR)	Coef.	Std. Err.	t	P>t	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	0,023	0,017	1,380	0,169	-0,009	0,056
Inv_FC	-0,00007	0,0001	-0,600	0,552	-0,0003	0,0002
Real_Income_growth	-0,014	0,003	-5,510	0,000	-0,019	-0,009
Mfg_Vol	-0,0007	0,0002	-4,390	0,000	-0,001	-0,0004
_cons	3,056	0,293	10,420	0,000	2,478	3,635

В соответствии с результатами, представленными в Табл. 2.16, построенная регрессионная модель в целом является статистически значимой (F-статистика = 12,72; p-value < 0,001), что свидетельствует о наличии статистически подтвержденной связи между совокупностью независимых переменных и суммарным коэффициентом рождаемости (TFR). Вместе с тем объясняющая способность модели остается умеренно низкой: учтенные факторы объясняют лишь 19,96 % вариации TFR ($R^2 = 0,199$). Данный результат указывает на существенную роль ненаблюдаемых и не включенных в модель факторов, к числу которых можно отнести культурные и ценностные установки,

институциональные особенности, а также доступность и качество социальных услуг.

Следует отметить, что в итоговую спецификацию модели включены только коэффициенты, статистически значимые на 5%-м уровне значимости по t-критерию Стьюдента. Из четырех рассматриваемых независимых переменных статистически значимыми оказались две: реальные денежные доходы населения (*Real_Income_growth*) и объем обрабатывающей промышленности (*Mfg_Vol*). Коэффициент при переменной *Real_Income_growth* составил $-0,014$ ($p < 0,05$), что означает снижение значения TFR на 0,014 пункта при увеличении реальных денежных доходов населения на 1 процентный пункт. Полученный результат согласуется с положениями теории демографического перехода, в соответствии с которой рост благосостояния населения, как правило, сопровождается сокращением числа детей в семье вследствие изменения репродуктивных установок и жизненных приоритетов.

Коэффициент при переменной *Mfg_Vol* также оказался отрицательным и составил $-0,0007$ ($p < 0,05$), что свидетельствует о снижении рождаемости при росте объема обрабатывающей промышленности. Данный эффект может быть обусловлен процессами индустриализации и связанной с ними урбанизацией, изменением условий занятости и образа жизни населения.

В то же время логарифм валового регионального продукта на душу населения (*ln_GRP_pc*) и инвестиции в основной капитал (*Inv_FC*) не продемонстрировали статистически значимого влияния на суммарный коэффициент рождаемости ($p = 0,169$ и $p = 0,552$ соответственно). Отсутствие значимости показателя *ln_GRP_pc*, на наш взгляд, связано с тем, что его влияние в значительной степени «перекрывается» переменной *Real_Income_growth*, более точно отражающей текущее материальное положение населения. Инвестиции в основной капитал, в свою очередь, оказывают воздействие на демографические процессы преимущественно опосредованно и с существенным временным лагом (например, через развитие социальной инфраструктуры в перспективе 10–20 лет), что ограничивает возможность фиксации их эффекта в рамках краткосрочной модели.

Свободный член модели (константа), равный 3,056 ($p < 0,05$), отражает условный базовый уровень рождаемости. Однако его содержательная интерпретация носит ограниченный характер, поскольку нулевые значения таких экономических показателей, как ВРП или объем обрабатывающей промышленности, не имеют экономического смысла в реальных условиях.

В целях проверки устойчивости и надежности полученных оценок был проведен тест на мультиколлинеарность с использованием показателя инфляции дисперсии (VIF). Результаты проверки подтвердили отсутствие мультиколлинеарности между отобранными независимыми переменными.

Согласно данным, представленным в Табл. 2.17, значения VIF варьировали в диапазоне от 1,05 до 1,34, при среднем значении 1,22, что существенно ниже критического порога ($VIF < 5$). Это позволяет сделать вывод об отсутствии искажений оценок, связанных с завышением стандартных ошибок, искусственным увеличением коэффициента детерминации при незначимых факторах или появлением противоречивых знаков коэффициентов, и, соответственно, о высокой степени доверия к полученным результатам регрессионного анализа.

Таблица 2.17

– Проверка модели МНК с применением VIF-теста и RESET-теста

VIF-тест		Тест Рэмсея (RESET)	
Variable	VIF	Parameter	Value
Inv_FC	1,34	F-statistic	2,19
ln_GRP_pc	1,32		
Mfg_Vol	1,18	Degrees of Freedom	3, 201
Real_Incom	1,05		
Mean VIF	1,22	p-value	0,090

Кроме того, в целях проверки корректности функциональной формы модели, оцененной методом наименьших квадратов, а также выявления возможных нелинейных зависимостей между переменными был проведен тест Рэмсея (RESET). Результаты теста показали пограничную статистическую значимость ($F(3; 201) = 2,19; p\text{-value} = 0,090$), что не позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о корректности функциональной формы модели. Таким образом, на стандартном уровне значимости ($\alpha = 0,05$) функциональная форма модели МНК может быть

признана корректной. Вместе с тем полученные результаты указывают на потенциальную возможность наличия пропущенных независимых переменных, не включенных в спецификацию модели.

Ключевым ограничением модели МНК является ее неспособность учитывать индивидуальные, устойчивые во времени особенности регионов. Следует отметить, что используемые данные имеют панельную структуру и включают 209 наблюдений по 11 регионам за период $T = 24$ года. Такая структура предполагает наличие неизменных во времени межрегиональных различий, обусловленных особенностями экономической конъюнктуры, демографической и социальной политики, культурных норм, а также природно-климатических условий. Эти факторы, оказывая влияние на суммарный коэффициент рождаемости, могут приводить к смещению оценок коэффициентов в рамках стандартной модели МНК.

Для устранения указанного смещения в настоящем исследовании был проведен панельный анализ с использованием моделей с фиксированными (fixed effects, FE) и случайными эффектами (random effects, RE), позволяющий разграничить влияние временных изменений и устойчивых региональных характеристик (Табл. 2.18).

Результаты модели с фиксированными эффектами демонстрируют существенные изменения в оценках влияния факторов по сравнению с моделью МНК. Так, логарифм валового регионального продукта на душу населения (\ln_GRP_pc), не проявлявший статистической значимости в модели МНК, в FE-модели демонстрирует положительную и статистически значимую связь с суммарным коэффициентом рождаемости (коэффициент = 0,083; $p < 0,05$). Это означает, что увеличение ВРП на душу населения на 1 % сопровождается ростом TFR в среднем на 0,083 единицы. Подобная динамика может быть обусловлена временным улучшением доступности социальных услуг (в частности, медицинского обслуживания и мер социальной поддержки семей) в экономически более развитых регионах, что краткосрочно стимулирует рождаемость, несмотря на долгосрочную тенденцию ее снижения по мере роста благосостояния.

Инвестиции в основной капитал в FE-модели оказывают отрицательное и статистически значимое влияние на суммарный коэффициент рождаемости (коэффициент = $-0,0007$; $p < 0,05$). Так, увеличение объема инвестиций на одну условную единицу связано со снижением TFR на $0,0007$ пункта. Полученный результат согласуется с эффектами урбанизации: рост капиталовложений в промышленность и инфраструктуру способствует сокращению доли сельского населения, традиционно характеризующегося более высокими показателями рождаемости, а также изменению структуры занятости в сторону секторов с повышенной вовлеченностью женщин в экономическую деятельность.

В то же время переменная объема обрабатывающей промышленности (Mfg_Vol), статистически значимая в модели МНК, утрачивает значимость в FE-модели ($p > 0,05$). Это свидетельствует о том, что ее влияние в модели МНК в значительной степени объяснялось устойчивыми межрегиональными различиями, которые устраняются при учете фиксированных эффектов.

Результаты модели со случайными эффектами в целом подтверждают ключевые выводы FE-модели, одновременно обеспечивая получение более обобщенных оценок коэффициентов регрессии, учитывающих как внутрирегиональную динамику (изменения показателей в пределах одного субъекта за рассматриваемый период), так и межрегиональные различия. В RE-модели переменная \ln_GRP_pc сохраняет положительную и статистически значимую связь с TFR (коэффициент = $0,077$; $p < 0,05$), однако величина эффекта оказывается на $12,3$ % ниже по сравнению с FE-моделью ($0,077$ против $0,083$). Снижение значения коэффициента отражает нелинейный характер взаимосвязи между уровнем благосостояния и рождаемостью: в краткосрочной перспективе рост ВРП на душу населения может способствовать увеличению рождаемости за счет расширения доступа к социальной инфраструктуре, тогда как в долгосрочном периоде доминирует тенденция к снижению рождаемости, обусловленная изменением репродуктивных установок и ростом издержек, связанных с воспитанием детей.

Инвестиции в основной капитал в RE-модели также оказывают отрицательное влияние на суммарный коэффициент рождаемости (коэффициент = $-0,0006$; $p < 0,05$). Снижение величины коэффициента по сравнению с FE-моделью (с $-0,0007$ до $-0,0006$) указывает на ослабление эффекта при учете межрегиональных различий. Подобная динамика объясняется наличием временных лагов в демографических процессах: инвестиции в инфраструктуру и промышленное развитие (в частности, строительство промышленных и логистических объектов) приводят к изменениям в структуре расселения и занятости населения не мгновенно, а с задержкой в несколько лет, что отражается в снижении рождаемости в среднесрочной перспективе.

Таблица 2.18

– Модели FE и RE

Модель FE						
Fixed-effects (within) regression			Number of obs = 209			
Group variable: ID			Number of groups = 11			
R-sq:			Obs per group:			
within = 0,323			min = 19			
between = 0,002			avg = 19			
overall = 0,115			max = 19			
corr(u_i, Xb) = -0,273			F(4,194) = 23,62			
			Prob > F = 0			
y (TFR)	Coef.	Std. Err.	T	P>t	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	0,083	0,022	3.74	0.000	0,039	0,127
Inv_FC	-0,0007	0,0001	-5.16	0.000	-0,0009	-0,0004
Real_Income_growth	-0,012	0,002	-6.62	0.000	-0,016	-0,009
Mfg_Vol	-0,0002	0,0002	-1.35	0.179	-0,0006	0,0001
_cons	2,555	0,258	9.89	0.000	2,046	3,064
sigma_u	0,170					
sigma_e	0,133					
rho	0,619 (fraction of variance due to u_i)					
F test that all u_i=0: F(10, 194) = 24.04				Prob > F = 0,000		
Модель RE						
Random-effects GLS regression			Number of obs = 209			
Group variable: ID			Number of groups = 11			
R-sq:			Obs per group:			
within = 0,327			min = 19			
between = 0,004			avg = 19			
overall = 0,123			max = 19			

corr(u_i, X) = 0 (assumed)			Wald chi2 (4) = 92,36 Prob > chi2 = 0			
y (TFR)	Coef.	Std. Err.	Z	P> z	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	0,077	0,021	3.65	0.000	0,036	0,118
Inv_FC	-0,0006	0,0001	-4.90	0.000	-0,0009	-0,0004
Real_Income_growth	-0,012	0,002	-6.74	0.000	-0,016	-0,009
Mfg_Vol	-0,0003	0,0002	-1.50	0.135	-0,0006	0,00008
_cons	2,606	0,257	10.15	0.000	2,103	3,11
sigma_u	0,159					
sigma_e	0,133					
rho	0,588 (fraction of variance due to u_i)					

В целях выбора наиболее адекватной спецификации, учитывающей панельную структуру данных, в рамках исследования последовательно были проведены три статистических теста в соответствии с общепринятой методологией анализа панельных данных.

На первом этапе был применен тест Вальда (F-test) для сравнения модели, оцененной методом наименьших квадратов (МНК), и модели с фиксированными эффектами (FE). Полученные результаты свидетельствуют об отклонении нулевой гипотезы об отсутствии индивидуальных эффектов (H_0 : все $u_i = 0$) на уровне значимости $\alpha = 0,05$ ($F(10, 194) = 24,04$; p-value = 0,000). Это указывает на статистическую значимость фиксированных эффектов и позволяет считать FE-модель предпочтительной по сравнению с моделью МНК.

Далее был проведен тест Бреуша–Пагана для проверки наличия случайных эффектов, в рамках которого нулевая гипотеза (H_0 : $\text{Var}(u) = 0$) также была отвергнута ($\chi^2(1) = 386,18$; p-value = 0,000). Полученные результаты подтверждают наличие случайных эффектов и обосновывают преимущество модели со случайными эффектами (RE) по сравнению с моделью МНК.

На заключительном этапе был выполнен тест Хаусмана, направленный на выявление систематических различий между оценками моделей FE и RE. Результаты теста ($\chi^2(4) = 4,88$; p-value = 0,300) не позволили отвергнуть нулевую гипотезу о некоррелированности индивидуальных эффектов с регрессорами. В этой связи модель со случайными эффектами была выбрана в качестве базовой,

поскольку она обеспечивает состоятельность оценок при выполнении предположения об экзогенности случайных эффектов и, в отличие от FE-модели, позволяет более эффективно использовать межрегиональную вариацию данных, характеризуясь меньшей дисперсией оценок параметров.

Вместе с тем, в целях обеспечения надежности и достоверности полученных результатов, были дополнительно проверены ключевые допущения регрессионного анализа для выбранной RE-модели. Тест на мультиколлинеарность (VIF) не выявил значимых проблем: согласно данным, представленным в таблице 2.19, значения фактора инфляции дисперсии находились в диапазоне от 1,81 до 5,44, при среднем значении 3,53, что не превышает критического порога ($VIF < 5$).

В то же время последующие диагностические процедуры выявили нарушения базовых предположений регрессионного анализа. Так, модифицированный тест Вальда отверг гипотезу о гомоскедастичности, указав на наличие гетероскедастичности между регионами ($\chi^2(11) = 49,21$; $p\text{-value} = 0,000$). Кроме того, тест Вулдриджа выявил наличие автокорреляции первого порядка в остатках модели ($F(1, 10) = 19,777$; $p\text{-value} = 0,001$) (Табл. 2.19).

Таблица 2.19

– Проверка RE-модели

VIF-тест		Тест Вальда	Тест Вулдриджа
Variable	VIF	Modified Wald test for groupwise heteroscedasticity in fixed effect regression model	Wooldridge test for autocorrelation in panel data
In_GRP_pc	5,44	H0: $\sigma(i)^2 = \sigma^2$ for all i	H0: no first order autocorrelation
Real_Incom	4,48		
Inv_FC	2,39		
Mfg_Vol	1,81	$\chi^2(11) = 49,21$	$F(1, 10) = 19,777$
Mean VIF	3,53	Prob> $\chi^2 = 0,000$	Prob > F = 0,001

Для устранения выявленных нарушений базовых предположений регрессионного анализа были применены робастные стандартные ошибки, кластеризованные по регионам, что позволило одновременно учесть непостоянство

дисперсии ошибок (гетероскедастичность) и внутригрупповую автокорреляцию ошибок во временных рядах (Табл. 2.20).

Таблица 2.20

– RE-модель с робастными стандартными ошибками

Random-effects GLS regression		Number of obs = 209				
Group variable: ID		Number of groups = 11				
R-sq:		Obs per group:				
within = 0,327		min = 19				
between = 0,004		avg = 19				
overall = 0,123		max = 19				
corr (u_i, X) = 0 (assumed)		Wald chi2 (4) = 61,91				
		Prob > chi2 = 0				
(Std. Err. adjusted for 11 clusters in ID)						
y (TFR)	Coef.	Robust Std. Err.	z	P> z	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	0,077	0,0303	2,54	0,011	0,0177	0,136
Inv_FC	-0,0006	0,0001	-4,53	0,000	-0,0009	-0,0004
Real_Income_growth	-0,012	0,002	-6,43	0,000	-0,016	-0,009
Mfg_Vol	-0,0003	0,0002	-1,58	0,115	-0,0006	0,00006
_cons	2,606	0,286	9,11	0,000	2,045	3,167
sigma_u	0,159					
sigma_e	0,133					
rho	0,588 (fraction of variance due to u_i)					

Оценки модели со случайными эффектами, полученные с использованием кластеризованных робастных стандартных ошибок, демонстрируют статистически значимое влияние ключевых экономических факторов на суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Так, логарифм валового регионального продукта на душу населения (\ln_GRP_pc) оказывает положительное влияние на уровень рождаемости: увеличение ВРП на 1 % ассоциировано с ростом СКР на 0,077 единицы (коэффициент = 0,077; p-value = 0,011).

Переменные, характеризующие инвестиционную активность и динамику доходов населения, напротив, оказывают статистически значимое отрицательное влияние. В частности, увеличение инвестиций в основной капитал (Inv_FC) на одну единицу приводит к снижению СКР на 0,0006 единицы (коэффициент = -0,0006; p-value < 0,05), а рост реальных доходов населения на 1 процентный пункт ($Real_Income_growth$) — к снижению СКР на 0,012 единицы

(коэффициент = $-0,012$; p -value $< 0,05$). Переменная, отражающая объем обрабатывающего производства (Mfg_Vol), не продемонстрировала статистически значимого влияния на рождаемость (коэффициент = $-0,0003$; p -value = $0,115$).

Константа модели (свободный коэффициент = $2,606$; p -value $< 0,05$) отражает базовый уровень рождаемости при прочих равных условиях, однако ее содержательная интерпретация в рамках панельной модели ограничена. Доля дисперсии, обусловленная устойчивыми региональными различиями ($\rho = 58,8\%$), подтверждает существенную неоднородность исследуемых регионов, что корректно учтено в рамках RE-спецификации. Значения стандартных отклонений случайных эффектов ($\sigma_u = 0,159$) и случайной ошибки ($\sigma_e = 0,133$) свидетельствуют об умеренной внутригрупповой вариации данных.

В целом модель является статистически значимой (Wald $\chi^2(4) = 61,91$; p -value $< 0,05$) и объясняет $32,7\%$ внутрирегиональной вариации СКР (R^2 within = $0,327$), что указывает на существенное влияние выбранных экономических факторов на динамику рождаемости внутри регионов Дальневосточного федерального округа.

Вместе с тем демографическая динамика определяется не только репродуктивным поведением населения, но и миграционными процессами, оказывающими значительное влияние на распределение и численность населения. В этой связи в целях выявления направления и силы воздействия экономических факторов на коэффициент миграционного прироста (Migr_Net), являющийся ключевым компонентом изменения численности населения и приобретающий особую значимость в условиях ДФО, был проведен регрессионный анализ с использованием моделей МНК, фиксированных и случайных эффектов. Анализ был дополнен тестированием на мультиколлинеарность, корректность функциональной формы и выбор оптимальной спецификации модели. Применение методологических подходов, аналогичных использованным при анализе СКР, обеспечило сопоставимость результатов и позволило выявить системные взаимосвязи между экономическими факторами и демографическими процессами в регионах ДФО.

Таким образом, регрессионная модель, оцененная методом МНК на выборке из 209 наблюдений, является статистически значимой в целом (F-статистика = 11,64; p-value < 0,05), что подтверждает наличие связи между объясняющими переменными и коэффициентом миграционного прироста (Табл. 2.21).

В то же время объясняющая способность модели остается умеренно низкой: лишь 18,9 % вариации Migr_Net ($R^2 = 0,189$) объясняется включенными в модель факторами. Это указывает на наличие существенных ограничений спецификации и подчеркивает необходимость учета дополнительных детерминант миграционных процессов, таких как доступность жилья, уровень развития транспортной инфраструктуры и особенности региональной миграционной политики.

Таблица 2.21

– Регрессионная модель МНК¹⁵²

Source	SS	df	MS	Number of obs = 205		
Model	1317,641	4	329,410	F(4, 200) = 11,64		
Residual	5658,626	200	28,293	Prob > F = 0		
Total	6976,267	204	34,197	R-squared = 0,189		
				Adj R-squared = 0,173		
				Root MSE = 5,319		
y (Migr_Net)	Coef.	Std. Err.	t	P > t	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	-2,071	0,555	-3,730	0,000	-3,166	-0,976
CPI	-0,299	0,111	-2,690	0,008	-0,519	-0,080
Min_Vol	0,007	0,002	4,190	0,000	0,004	0,010
Mfg_Vol	0,024	0,004	5,500	0,000	0,015	0,032
_cons	36,029	13,563	2,660	0,009	9,285	62,773

Из четырех включенных в модель независимых переменных статистически значимыми на 5%-м уровне значимости оказались логарифм валового регионального продукта на душу населения (ln_GRP_pc), индекс потребительских цен (CPI), а также показатели объема добывающей (Min_Vol) и обрабатывающей промышленности (Mfg_Vol).

Рост ln_GRP_pc на 1 % приводит к снижению коэффициента миграционного прироста (Migr_Net) на 2,071 единицы (коэффициент = -2,071; p-value < 0,05).

¹⁵² Составлено автором.

Отрицательный знак коэффициента указывает на то, что экономически более развитые регионы ДФО, несмотря на относительно высокий уровень производства и доходов, характеризуются миграционным оттоком населения. Данная тенденция может быть обусловлена высокой стоимостью жизни, ограниченной доступностью жилья и недостаточным числом высокооплачиваемых рабочих мест, что снижает миграционную привлекательность даже экономически сильных субъектов округа.

Индекс потребительских цен также оказывает статистически значимое отрицательное влияние на миграционный прирост: увеличение CPI на 1 процентный пункт сопровождается снижением Migr_Net на 0,299 единицы (коэффициент = $-0,299$; $p\text{-value} < 0,05$). Это отражает негативное воздействие инфляционных процессов на реальные доходы населения и покупательную способность, что усиливает миграционные настроения и стимулирует отток населения из регионов с более высоким ростом цен.

В то же время показатели промышленного развития демонстрируют положительную связь с миграционным приростом. Так, увеличение объема добывающей промышленности (Min_Vol) на одну единицу приводит к росту Migr_Net на 0,007 единицы ($p\text{-value} < 0,05$), а рост объема обрабатывающей промышленности (Mfg_Vol) — к увеличению Migr_Net на 0,024 единицы ($p\text{-value} < 0,05$). Положительное влияние данных факторов объясняется расширением занятости и созданием дополнительных рабочих мест в промышленных секторах экономики, что способствует притоку трудовых мигрантов, в том числе межрегиональных.

Свободный коэффициент модели (константа = 36,029; $p\text{-value} < 0,05$) отражает условный базовый уровень миграционного прироста при прочих равных условиях. Однако его содержательная интерпретация является ограниченной, поскольку нулевые значения ВРП, а также объемов добывающей и обрабатывающей промышленности экономически невозможны.

В целях обеспечения надежности и достоверности полученных оценок был проведен VIF-тест для диагностики мультиколлинеарности в модели МНК. Результаты диагностики подтвердили отсутствие проблемы

мультиколлинеарности между отобранными объясняющими переменными. Согласно данным, представленным в таблице 2.22, значения VIF варьировались в диапазоне от 1,17 до 1,88, при среднем значении 1,45, что существенно ниже критического порога ($VIF < 5$). Это позволяет заключить, что в модели отсутствуют искажения оценок, связанные с завышением стандартных ошибок, искусственным ростом коэффициента детерминации или нестабильностью знаков и величин коэффициентов, и, следовательно, полученные оценки могут рассматриваться как статистически надежные.

Таблица 2.22

– Проверка модели МНК с применением VIF-теста и RESET-теста¹⁵³

VIF-тест		Тест Рэмсея (RESET)	
Variable	VIF	Parameter	Value
ln_GRP_pc	1,88	F-statistic	0,86
CPI	1,54		
Min_Vol	1,22	Degrees of Freedom	3, 197
Mfg_Vol	1,17		
Mean VIF	1,45	p-value	0,461

Проведенный тест Рэмсея (RESET) не выявил нарушений корректности функциональной формы модели МНК: значение статистики F (3, 197) составило 0,86 при $p\text{-value} = 0,461$, что не позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о корректной спецификации модели. Таким образом, на стандартном уровне значимости ($\alpha = 0,05$) функциональная форма модели МНК считается адекватной. Вместе с тем результаты теста указывают на потенциальное наличие пропущенных объясняющих переменных, что является типичным ограничением линейных регрессионных моделей, особенно при анализе сложных социально-экономических процессов.

Поскольку модель МНК не учитывает индивидуальные особенности регионов, а используемые данные имеют панельную структуру (11 субъектов ДФО за 17–19 лет наблюдений), в рамках исследования был проведен дополнительный анализ с использованием моделей с фиксированными (FE) и случайными (RE)

¹⁵³ Составлено автором.

эффектами (табл. 2.23), позволяющих учесть устойчивую региональную гетерогенность.

Результаты FE-модели демонстрируют существенные изменения в оценке влияния экономических факторов на коэффициент миграционного прироста по сравнению с моделью МНК. Так, логарифм ВРП на душу населения (\ln_GRP_pc), статистически значимый в модели МНК (коэффициент = $-2,071$; $p\text{-value} < 0,05$), утрачивает значимость в FE-модели (коэффициент = $-1,126$; $p\text{-value} = 0,203$). Это свидетельствует о том, что выявленная в модели МНК отрицательная связь между уровнем экономического развития и миграционным приростом обусловлена преимущественно межрегиональными различиями, которые устраняются при использовании фиксированных эффектов. К таким устойчивым различиям относятся географическое положение регионов (в том числе удаленность от центральных рынков и близость к государственным границам), исторически сложившаяся структура экономики (ресурсная специализация, уровень урбанизации), а также климатические условия, остающиеся неизменными в рамках рассматриваемого временного горизонта.

Индекс потребительских цен (CPI), значимый в модели МНК (коэффициент = $-0,299$; $p\text{-value} = 0,008$), демонстрирует лишь пограничную статистическую значимость в FE-модели (коэффициент = $-0,194$; $p\text{-value} = 0,073$). Ослабление эффекта объясняется тем, что фиксированные эффекты частично нивелируют региональную специфику ценовой динамики, включая различия в структуре потребительской корзины, транспортных издержках и локальных мерах государственного регулирования цен.

В отличие от указанных переменных, объем обрабатывающей промышленности (Mfg_Vol) сохраняет положительное и статистически значимое влияние в FE-модели (коэффициент = $0,015$; $p\text{-value} = 0,042$). Устойчивость данного эффекта указывает на его преимущественно внутрирегиональный характер: рост производства в обрабатывающем секторе способствует созданию стабильных рабочих мест, что стимулирует приток трудовых мигрантов независимо от постоянных характеристик региона.

Влияние объема добывающей промышленности (Min_Vol), значимое в модели МНК (коэффициент = 0,007; p-value < 0,05), ослабевает в FE-модели и становится статистически незначимым на 5%-м уровне (коэффициент = 0,004; p-value = 0,058). Это указывает на то, что эффект добывающего сектора в значительной степени определяется наличием природных ресурсов (нефть, газ, уголь) и долгосрочными инвестиционными проектами в отдельных субъектах ДФО, которые учитываются фиксированными эффектами и не изменяются существенно во времени.

Таблица 2.23

– Модели FE и RE с зависимой переменной коэффициент миграционного прироста населения¹⁵⁴

Модель FE						
Fixed-effects (within) regression			Number of obs = 205			
Group variable: ID			Number of groups = 11			
R-sq:			Obs per group:			
within = 0,306			min = 17			
between = 0,558			avg = 18,6			
overall = 0,313			max = 19			
corr(u_i, Xb) = 0,356			F(4,190) = 2,8			
			Prob > F = 0,027			
y (Migr_Net)	Coef.	Std. Err.	t	P > t	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	-1,126	0,882	-1,280	0,203	-2,867	0,614
CPI	-0,194	0,108	-1,800	0,073	-0,407	0,018
Min_Vol	0,004	0,002	1,900	0,058	0,000	0,009
Mfg_Vol	0,015	0,007	2,050	0,042	0,001	0,029
_cons	19,876	14,482	1,370	0,172	-8,691	48,443
sigma_u	2,701					
sigma_e	4,883					
rho	0,234 (fraction of variance due to u_i)					
F test that all u_i=0: F(10, 194) = 24.04				Prob > F = 0,000		
Модель RE						
Random-effects GLS regression			Number of obs = 205			
Group variable: ID			Number of groups = 11			
R-sq:			Obs per group:			
within = 0,305			min = 17			
between = 0,542			avg = 18,6			
overall = 0.309			max = 19			

¹⁵⁴ Составлено автором.

corr(u _i , X) = 0 (assumed)			Wald chi2 (4) = 39,06 Prob > chi2 = 0			
y (Migr_Net)	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	-2,009	0,587	3,42	0,001	-3,159	-0,859
CPI	-0,280	0,110	2,55	0,011	-0,494	-0,065
Min_Vol	0,007	0,002	3,84	0,000	0,003	0,010
Mfg_Vol	0,023	0,005	5,02	0,000	0,014	0,032
_cons	33,611	13,488	2,49	0,013	7,175	60,047
sigma_u	0,641					
sigma_e	4,883					
rho	0,017 (fraction of variance due to u _i)					

Результаты модели со случайными эффектами (RE) подтверждают статистическую значимость всех включенных объясняющих переменных: логарифма ВВП на душу населения (ln_GRP_pc) (коэффициент = -2,009; p-value = 0,001), индекса потребительских цен (CPI) (коэффициент = -0,280; p-value = 0,011), объема добывающей промышленности (Min_Vol) (коэффициент = 0,007; p-value < 0,05) и объема обрабатывающей промышленности (Mfg_Vol) (коэффициент = 0,023; p-value < 0,05). Оценки коэффициентов RE-модели близки к результатам МНК, что свидетельствует об устойчивости выявленных зависимостей.

В отличие от FE-модели, в рамках RE-спецификации ln_GRP_pc сохраняет статистически значимое отрицательное влияние на коэффициент миграционного прироста. При этом доля дисперсии, обусловленная устойчивыми региональными особенностями, составляет лишь 1,7 % (rho = 0,017), что существенно ниже аналогичного показателя для модели рождаемости (rho = 0,588). Данный результат указывает на то, что миграционные процессы в меньшей степени зависят от неизмеряемых и неизменных региональных характеристик, которые играют ключевую роль в формировании рождаемости. Внутрирегиональная объясняющая способность модели (R² within = 0,305) свидетельствует о том, что 30,5 % вариации коэффициента миграционного прироста внутри одного субъекта за рассматриваемый период объясняется динамикой включенных экономических факторов.

Для выбора наиболее адекватной модели, учитывающей панельную структуру данных, в исследовании были последовательно проведены три статистических теста в соответствии с общепринятой методологией панельного анализа. Согласно результатам теста Вальда (F-test), используемого для сравнения модели МНК и FE-модели, нулевая гипотеза об отсутствии индивидуальных эффектов (H_0 : все $u_i = 0$) отвергается на уровне значимости $\alpha = 0,05$ ($F(10, 190) = 4,73$; $p\text{-value} = 0,000$). Это свидетельствует о статистической значимости фиксированных эффектов и делает FE-модель предпочтительной по сравнению с моделью МНК.

Тест Бреуша—Пагана, проведенный для проверки наличия случайных эффектов (H_0 : $\text{Var}(u) = 0$), также отверг нулевую гипотезу ($\chi^2(1) = 33,03$; $p\text{-value} = 0,000$), что подтверждает наличие случайных эффектов и обосновывает преимущество RE-модели по сравнению с МНК. Однако результаты теста Хаусмана ($\chi^2(1) = 20,47$; $p\text{-value} = 0,000$), проведенного для сравнения FE- и RE-моделей, выявили систематические расхождения между оценками коэффициентов, указывающие на корреляцию индивидуальных эффектов с регрессорами. В связи с этим FE-модель была выбрана в качестве основной, поскольку она обеспечивает состоятельность оценок за счет учета неизменных характеристик субъектов ДФО, искажающих взаимосвязь между экономическими факторами и миграционным приростом.

Несмотря на более эффективное использование данных, RE-модель неприменима в данном случае из-за нарушения ключевого предположения о некоррелированности случайных эффектов с регрессорами.

В целях проверки надежности и достоверности оценок RE-модели была проведена дополнительная диагностика ключевых допущений регрессионного анализа (табл. 2.24). Результаты VIF-теста подтвердили отсутствие мультиколлинеарности: значения VIF варьировались от 1,78 до 5,37 при среднем значении 3,31, что не превышает критического порога ($VIF < 5$). Вместе с тем модифицированный тест Вальда отверг гипотезу о гомоскедастичности ошибок между регионами ($\chi^2(11) = 1247,31$; $p\text{-value} = 0,000$), указав на наличие

гетероскедастичности. В то же время тест Вулдриджа не выявил автокорреляции первого порядка ($F(1, 10) = 0,716$; $p\text{-value} = 0,417$), что свидетельствует об отсутствии временной зависимости ошибок в панельных данных.

Таблица 2.24

– Проверка FE -модели¹⁵⁵

VIF-тест		Тест Вальда	Тест Вулдриджа
Variable	VIF	Modified Wald test for groupwise heteroscedasticity in fixed effect regression model	Wooldridge test for autocorrelation in panel data
ln_GRP_pc	5,37	H0: $\sigma(i)^2 = \sigma^2$ for all i	H0: no first order autocorrelation
CPI	4,23		
Mining_Vol	1,84		
Manufactur~l	1,78	$\chi^2(11) = 1247,31$	$F(1, 10) = 0,716$
Mean VIF	3,31	Prob> $\chi^2 = 0,000$	Prob > F = 0,417

Для устранения указанных нарушений были применены робастные стандартные ошибки, кластеризованные по регионам, что позволило учесть непостоянство дисперсии ошибок и их зависимость внутри временных рядов (Табл. 2.25).

Таблица 2.25

– FE-модель с робастными стандартными ошибками¹⁵⁶

Fixed-effects (within) regression				Number of obs = 205		
Group variable: ID				Number of groups = 11		
R-sq:				Obs per group:		
within = 0,306				min = 17		
between = 0,56				avg = 18,6		
overall = 0,313				max = 19		
corr(u_i, Xb) = 0,356				F(4,10) = 3,85		
				Prob > F = 0,038		
(Std.Err. adjusted for 11 clusters in ID)						
y (Migr_Net)	Coef.	Robust Std. Err.	t	P > t	[95% Conf.	Interval]
ln_GRP_pc	1,126	0,496	2,272	0,024	0,148	2,104
CPI	-0,194	0,096	-2,030	0,070	-0,407	0,019
Min_Vol	0,004	0,002	2,240	0,049	0,000	0,009
Mfg_Vol	0,015	0,007	2,059	0,041	0,001	0,029
_cons	19,876	10,693	1,860	0,093	-3,949	43,701

¹⁵⁵ Составлено автором.¹⁵⁶ Составлено автором.

sigma_u	2,701
sigma_e	4,883
rho	0,234 (fraction of variance due to u_i)

Оценки FE-модели с применением робастных стандартных ошибок, кластеризованных по регионам, демонстрируют статистически значимое влияние ключевых переменных на коэффициент миграционного прироста: \ln_GRP_pc (коэффициент = 1,126; p-value = 0,024), CPI (коэффициент = -0,194; p-value = 0,070, пограничная значимость), Min_Vol (коэффициент = 0,004; p-value = 0,049) и Mfg_Vol (коэффициент = 0,015; p-value = 0,041). Константа модели (свободный коэффициент = 19,876; p-value = 0,093) не подлежит содержательной интерпретации в силу экономической нерелевантности нулевых значений регрессоров.

Доля дисперсии, объясняемой фиксированными эффектами (ρ), составляет 23,4 % и указывает на умеренную неоднородность данных, связанную с устойчивыми региональными характеристиками. Стандартные отклонения случайных эффектов ($\sigma_u = 2,701$) и ошибок ($\sigma_e = 4,883$) отражают значительную вариацию миграционного прироста как между регионами, так и внутри них.

Модель в целом статистически значима ($F(4,10) = 3,85$; p-value = 0,038) и объясняет 30,6 % внутригрупповой ($R^2 \text{ within} = 0,306$) и 31,3 % общей вариации ($R^2 \text{ overall} = 0,313$), что подтверждает существенное влияние выбранных экономических факторов на динамику миграции в регионах ДФО.

Для лучшей визуализации итогов регрессионного анализа, проведенного для оценки влияния экономических факторов на СКР и коэффициент миграционного прироста населения, в Таб. 2.26 представлены соответствующие сводные результаты: статистически значимые (на 5%-ном уровне) и незначимые связи, а также значения коэффициентов, полученные в моделях с робастными стандартными ошибками.

– Результаты регрессионного анализа влияния экономических факторов на СКР
и коэффициент миграционного прироста населения в ДФО¹⁵⁷

Экономические факторы	y (TFR)	y (Migr_Net)
ln_GRP_pc	Статистически значимое положительное влияние; коэффициент = 0,077	Статистически значимое положительное влияние; коэффициент = 1,126
Inv_FC	Статистически значимое отрицательное влияние; коэффициент = -0,0006	–
CPI	–	Погранично значимое отрицательное влияние; коэффициент = -0,194
Real_Income_growth	Статистически значимое отрицательное влияние; коэффициент = -0,012	–
Min_Vol	–	Статистически значимое положительное влияние; коэффициент = 0,004
Mfg_Vol	Статистически незначимое отрицательное влияние; коэффициент = -0,0003	Статистически значимое положительное влияние; коэффициент = 0,015
Примечание: В таблице указаны статистически значимые и незначимые на 5%-ом уровне значимости по t-тесту Стьюдента связи.		

Проведенный анализ обладает высокой научной и практической значимостью и подтвердил нелинейность влияния экономического развития на демографические показатели, выявил разнонаправленные эффекты краткосрочных и долгосрочных факторов, а также подтвердил необходимость учета институциональных и инфраструктурных условий для корректной интерпретации выявленных закономерностей.

Полученные результаты формируют методологическую основу для разработки дифференцированных мер демографической политики, учитывающих специфику каждого региона ДФО.

Успешное решение демографических проблем макрорегиона возможно путем увеличения рождаемости, что является более сложной и долгосрочной задачей, и за счет миграционного притока, преимущественно посредством

¹⁵⁷ Составлено автором.

привлечения населения из других федеральных округов России. Результаты исследования подтверждают, что рост реальных денежных доходов населения в краткосрочной перспективе может способствовать временному повышению рождаемости за счет улучшения доступности медицинских услуг, расширения программ поддержки семей с детьми и снижения экономических барьеров для рождения второго ребенка.

Однако в долгосрочной перспективе устойчивое повышение благосостояния населения современными способами не приводит к росту рождаемости, что объясняется изменением репродуктивных установок семей: переходом от традиционной модели многодетности к малодетности, ростом затрат на образование и профессиональную самореализацию родителей, а также откладыванием рождения детей в пользу карьерного развития. Урбанизация, сопровождающая развитие обрабатывающей промышленности, усиливает этот тренд через рост женской занятости, распространение индивидуалистических ценностей и снижение доступности жилья, что особенно заметно в крупных городах ДФО, таких как Владивосток и Хабаровск.

Ключевым экзогенным фактором, смягчающим негативное влияние высоких доходов на рождаемость, выступает государственная политика. Например, введение «дальневосточного капитала» для семей с детьми, развитие сети перинатальных центров и увеличение охвата дошкольным образованием способны нивелировать часть негативных эффектов, однако их результативность зависит от сопутствующих условий: транспортной доступности медицинских учреждений в отдаленных районах, экологической обстановки в промышленных городах и наличия гибких форм занятости для родителей.

В контексте миграционных процессов необходимо отметить, что увеличение ВРП на душу населения и рост объемов добывающей и обрабатывающей промышленности создают условия для притока мигрантов за счет формирования новых рабочих мест и повышения уровня заработной платы. Вместе с тем достижение такого результата возможно только при наличии сопутствующей инфраструктуры: доступного жилья, развитого общественного транспорта

и современных медицинских услуг. Инфляция, напротив, стимулирует отток населения, снижая реальные доходы и обостряя проблему доступности базовых товаров. При этом миграционные решения сильно зависят от экзогенных факторов, критически важных для ДФО: климатических условий, логистической связанности территорий и экологической ситуации.

Таким образом, применение метода эконометрического анализа для верификации гипотез позволило выявить взаимосвязи экономической ситуации и демографических процессов. Полученные результаты опровергают упрощенные линейные трактовки, демонстрируя, что экономические факторы оказывают разнонаправленное воздействие на множественные компоненты демографической системы, в связи с чем доказывается необходимость разработки дифференцированного и сбалансированного инструментария исследования социальной политики.

Глава 3. Интегративный анализ влияния демографических процессов на структурно-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа в условиях новой экономики

3.1. Диагностика системных ограничений в достижении национальных и стратегических целей Дальневосточного федерального округа

В течение последних лет в Российской Федерации был реализован масштабный комплекс мер, направленных на стимулирование социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа (ДФО). Указанный комплекс включает государственную программу «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа», федеральный проект «Дальневосточный квартал», деятельность специализированного института развития — Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, формирование и функционирование различных преференциальных режимов (особые экономические зоны, территории опережающего развития и специальные административные районы), а также внедрение адресных стимулирующих инструментов, таких как программы «Дальневосточный гектар» и «Дальневосточная ипотека». Каждый из перечисленных инструментов в отдельности оказывает значимое влияние на процессы социально-экономического развития макрорегиона. Вместе с тем совокупное применение данных механизмов не обеспечило достижения установленных целевых ориентиров ни по показателям устойчивого экономического роста, ни в части преодоления негативных демографических тенденций.

Выявленное противоречие между декларируемыми стратегическими целями и фактически наблюдаемой динамикой социально-экономического развития макрорегиона в период с 2000 по 2023 год обусловило необходимость проведения углубленного анализа системных ограничений и реализации комплексной («сквозной») диагностики демографических и социально-экономических процессов. В связи с этим в рамках настоящего исследования был осуществлен

отказ от традиционного фрагментарного подхода, ориентированного на анализ отдельных показателей, в пользу интегральной диагностики, учитывающей совокупное влияние демографических, инфраструктурных и институциональных факторов на воспроизводственные и экономические процессы в ДФО. Примененный системный подход, основанный на методах факторного анализа, ретроспективного сопоставления и визуализации причинно-следственных связей, был реализован поэтапно и обеспечил целостное представление о механизмах формирования выявленных диспропорций.

Методологическое основание исследования определяется необходимостью интеграции различных уровней демографических и экономических процессов, а также выявления латентных взаимосвязей, способствующих трансформации случайных колебаний индикаторов в устойчивые долгосрочные тенденции. В качестве концептуальной базы была использована схема системного синергетического анализа, позволяющая интерпретировать макроэкономические процессы как совокупность последовательно согласованных стадий развития. На дескриптивном этапе исследования была проведена идентификация и систематизация 122 статистических индикаторов, сформированных на основе официальных источников (Росстат, ЕМИСС, Минвостокразвития) за период 2000–2023 гг. и сгруппированных по четырем функциональным блокам¹⁵⁸ (Табл. 3.1).

Таблица 3.1

– Структурированное распределение функциональных блоков
по индикаторным показателям¹⁵⁹

Блок	Количество индикаторов	Доля от общего числа (%)
Демографический	46	37,7
Экономический	38	31,1
Инфраструктурный	28	23,0
Институционально-кадровый	10	8,2

¹⁵⁸ Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели: [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁵⁹ Составлено автором.

Процесс подготовки исходных данных включал последовательное устранение пропущенных значений, статистическую фильтрацию выбросов, стандартизацию переменных относительно базового уровня 2018 года, синхронизацию временных рядов с приведением к квартальному шагу, формирование сводной аналитической матрицы, а также оценку динамики изменений ключевых показателей. На интегративном этапе разнотипные индикаторы были агрегированы в единую динамическую модель типа «запас–поток», реализованную в программной среде Vensim 9.3, в рамках которой население и капитал представлены в качестве базовых резервуарных компонентов, тогда как миграционные процессы, естественный прирост населения, инвестиционные потоки и амортизационные отчисления интерпретируются как потоки, связывающие данные резервуары между собой. Все использованные временные ряды прошли процедуру стандартизации путем приведения к базовому значению 100, соответствующему 2018 году, с последующей агрегацией до квартального уровня измерения, что обеспечило сопоставимость темпов изменения показателей, имеющих различную исходную частоту наблюдений.

В рамках сформированной модели население и капитал закреплены в качестве ключевых накопительных (резервуарных) элементов системы, в то время как такие процессы, как миграция, естественное движение населения, инвестиционные потоки, амортизационные отчисления, а также изменения тарифных параметров, трактуются как потоки, обеспечивающие взаимодействие между ними. Применение данной постановки позволило осуществить переход от анализа преимущественно статичных индикаторов к исследованию динамических взаимосвязей и обратных связей в системе. Дополнительно на основе регрессионного анализа временных рядов за период 2000–2023 гг. было установлено, что коэффициент эластичности влияния тарифов на индекс потребительских цен (ИПЦ) составляет 0,2, тогда как обратный коэффициент эластичности влияния ИПЦ на уровень реальных доходов населения определен на уровне 0,6. Реализация указанной интеграции параметров и зависимостей позволила идентифицировать критические пороговые значения устойчивости

моделируемой системы. В частности, критическим было признано значение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) на уровне 1,5, а минимально допустимое соотношение объема несырьевых инвестиций к валовому региональному продукту (ВРП) определено на уровне 27 %.

Заключительный этап исследования был ориентирован на проведение прогностического анализа социально-экономического и демографического развития на горизонте 2025–2036 гг. На основе разработанной динамической модели типа «запас–поток» был осуществлен сценарный анализ с использованием метода Монте-Карло. Базовый (инерционный) сценарий, сформированный на основе экстраполяции тенденций, зафиксированных в 2023 году по ключевым параметрам (СКР на уровне 1,5, миграционная убыль населения в объеме 14,2 тыс. человек, инвестиционная норма в диапазоне 22–24 % ВРП), продемонстрировал преимущественно пессимистичную траекторию развития. В соответствии с результатами моделирования вероятность сохранения численности населения ДФО на уровне не ниже 8 млн человек не превышает 15 %, тогда как вероятность снижения СКР ниже порогового значения 1,4 к 2030 году оценивается на уровне 67 %. Целевой (стратегический) сценарий был сформирован с учетом плановых ориентиров, зафиксированных в действующих стратегических и программных документах, а также экзогенных прогнозных оценок, включая расчеты ФАНУ «Востокгосплан», предполагающие рост экономики ДФО в 1,3 раза к 2030 году по отношению к уровню 2023 года¹⁶⁰. В рамках данного сценария в модель были заложены допущения о поэтапном увеличении значения СКР до 1,8, сокращении миграционного оттока населения до 2,1 тыс. человек к 2030 году, а также достижении инвестиционной нормы на уровне не ниже 27 % ВРП¹⁶¹.

¹⁶⁰ Восточный государственный плановый центр. Востокгосплан: к 2036 году экономика ДФО может вырасти в 1,7 раза [Электронный ресурс]. — Владивосток, 29 08 2024. — URL: <https://vostokgosplan.ru/en/vostokgosplan-k-2036-godu-jekonomika-dfo-mozhet-vyrasti-v-1-7-raza> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁶¹ Росстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года: статистический бюллетень [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. — М., 2024. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 18.05.2025).

Сопоставление результатов двух сценариев наглядно показывает, что достижение целевых ориентиров возможно исключительно при условии комплексной нейтрализации выявленных системных ограничений, тогда как инерционный вариант развития неизбежно приводит к дальнейшему усилению негативных социально-экономических и демографических тенденций. Определив совокупность ключевых показателей и процедуры их каузального сопоставления, целесообразно перейти к анализу первого — демографического — контурного слоя, поскольку именно он формирует базис всей социально-экономической пирамиды макрорегиона.

В период 2000–2023 гг. в возрастной структуре населения ДФО зафиксировано устойчивое смещение в сторону старших возрастных когорт, при этом в последние годы темпы старения населения существенно ускорились, приблизившись к среднероссийским значениям. Так, в 2023 году доля граждан трудоспособного возраста в ДФО по сравнению с уровнем 2000 года сократилась на 5,5 % (20,1 % и 22,5 % соответственно), тогда как доля населения старше трудоспособного возраста, напротив, увеличилась на 7,9 % (20,2 % и 12,4 % соответственно)¹⁶². Одновременно наблюдалось сокращение удельного веса ключевой демографической группы 20–39 лет, определяющей формирование основного объема рождаемости и значительной части валовой добавленной стоимости: ее доля снизилась с 34,5 % до 31,0 % в общей численности населения ДФО (Рис. 3.1).

Указанная демографическая трансформация выступает ключевым драйвером роста коэффициента демографической нагрузки в ДФО до 677 лиц нетрудоспособного возраста на 1000 занятых, что соответствует увеличению данного показателя на 17,1 % по сравнению с уровнем 2000 года, а также фактором углубления фискального дисбаланса региональных бюджетов, проявляющегося в опережающем росте социальных обязательств по отношению к доходной базе.

¹⁶² В 2025 году верхняя граница трудоспособного возраста для расчетов Росстата принята за 62 года для мужчин и 57 лет для женщин. Нижняя граница трудоспособного возраста при этом составляет 16 лет для мужчин и женщин.

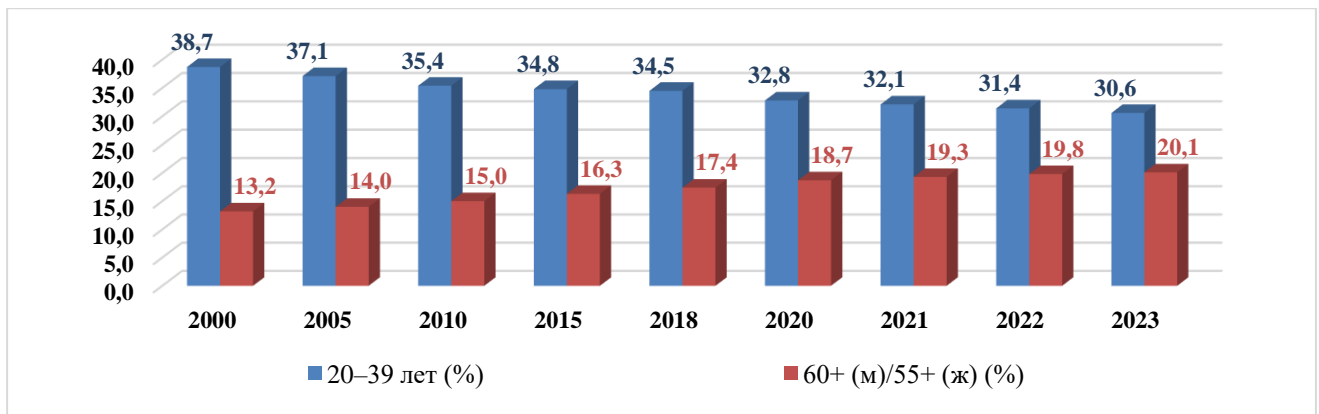

Рисунок 3.1 – Возрастная структура населения ДФО¹⁶³

Проведенный анализ статистических данных зафиксировал формирование значимого фискального разбалансирования. Так, объем ассигнований консолидированных бюджетов субъектов ДФО на финансирование здравоохранения и социальной поддержки населения в 2023 году увеличился на 11,4 % и составил 391,3 млрд рублей, тогда как поступления по налогу на доходы физических лиц возросли лишь на 4,7 % и достигли уровня 389,8 млрд рублей. Приведенные данные подтверждают наличие устойчивой тенденции к нарастанию дисбаланса между объемом социальных обязательств регионов и эффективностью функционирования их доходобразующей базы.

Одновременно фиксируется устойчивое сокращение рождаемости: суммарный коэффициент рождаемости (СКР) снизился с 1,9 до 1,5 единицы, что свидетельствует о переходе к суженному типу воспроизводства населения. Данная негативная динамика дополнительно усугубляется высоким уровнем миграционного оттока, при котором основную долю выбывших составляют лица с высшим образованием в возрастной группе 25–39 лет; в результате чистая миграционная убыль населения ДФО за период 2000–2023 гг. достигла 529,8 тыс. человек.

Таким образом, сложившийся демографический профиль ДФО указывает на нарастание структурной нестабильности воспроизводственных процессов. При этом численность населения и его возрастно-половой состав воздействуют на экономическую ситуацию преимущественно опосредованно — через динамику

¹⁶³ Составлено автором.

инвестиционной активности и ограничения инфраструктурной пропускной способности макрорегиона.

Анализ инвестиционной сферы выявил ее критическую зависимость от ограниченного круга сырьевых мегапроектов, несмотря на декларируемые двузначные темпы прироста инвестиций. Структурные характеристики инвестиционного процесса подчеркивают доминирующую роль сырьевого сектора в формировании совокупного объема вложений. Общая доля инвестиций в структуре валового регионального продукта ДФО стабильно находится в диапазоне 34–35 %, при этом более половины данного объема обеспечивается реализацией трех масштабных сырьевых проектов (СПГ-2¹⁶⁴, «Сила Сибири-2»¹⁶⁵, БАМ-2¹⁶⁶). При исключении указанных проектов совокупный вклад инвестиций сокращается до 22–24 % в структуре ВРП ДФО¹⁶⁷, что является недостаточным для поддержания требуемой интенсивности обновления основного капитала в условиях прогрессирующего износа элементов производственной и коммунальной инфраструктуры, достигающего критических значений на уровне 50–60 % (Рис. 3.2).

Инвестиционный анализ, основанный на официальных статистических данных Росстата за 2023 год, объективно подтверждает наличие обозначенной структурной диспропорции в инвестиционном развитии макрорегиона. Так, номинальный объем инвестиций в основной капитал в 2023 году достиг 43,7 % валового регионального продукта, при этом более 50 % указанного объема было сформировано за счет реализации трех масштабных сырьевых проектов, ранее выделенных в рамках исследования.

¹⁶⁴ Арктик СПГ 2 // Режим доступа: https://arcticspg.ru/proekt/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 05.12.2025).

¹⁶⁵ Во сколько обойдется «Газпрому» «Сила Сибири-2» 30.09.2025 – Финанс.Ру // Режим доступа: https://www.finam.ru/publications/item/vo-skolko-oboydetsya-gazpromu-sila-sibiri-2-20250930-1021/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 05.12.2025).

¹⁶⁶ Каждый десятый рубль российских инвестиций приходится на Дальний Восток - Восточный центр государственного планирования // https://vostokgosplan.ru/kazhdyj-desjatyj-rubl-rossijskih-investicij-prihoditsja-na-dalnij-vostok/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 05.12.2025).

¹⁶⁷ Росстат. Инвестиции в основной капитал по субъектам Российской Федерации в 2023 году: статистический бюллетень. М., 2024. URL: https://www.rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 18.05.2025).

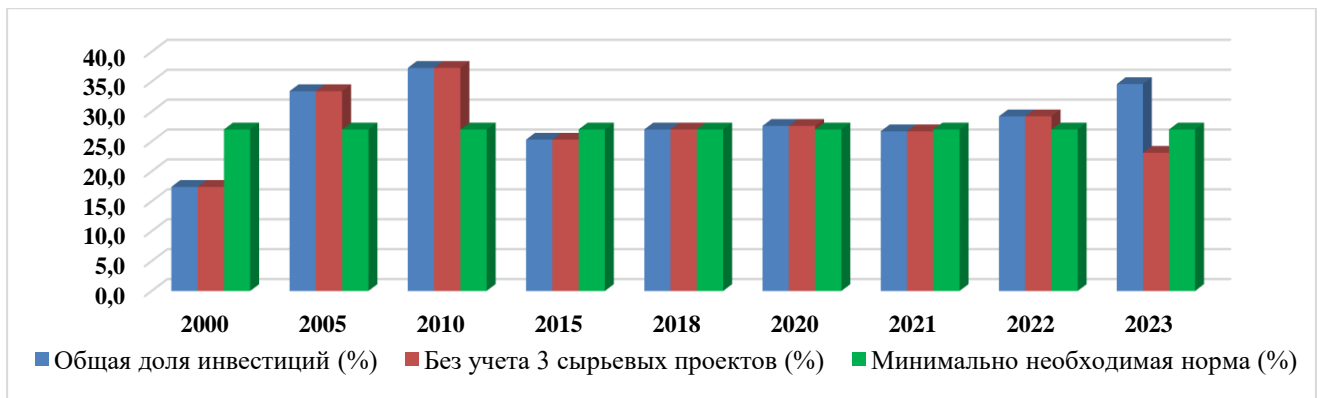

Рисунок 3.2 – Структура инвестиций в ВРП ДФО в 2000–2023 гг.¹⁶⁸

При исключении их влияния и корректировке структуры инвестиционных потоков расчетная инвестиционная норма снижается до уровня 29,2 %, лишь незначительно превышая установленный минимальный амортизационный порог в 25 %, необходимый для простого воспроизводства основного капитала¹⁶⁹. Сохранение преобладающего сырьевого вектора и отсутствие достаточной широты распределения инвестиционных вложений приводят к тому, что инвестиционный процесс демонстрирует ограниченные возможности для модернизации базовой инфраструктуры и диверсификации внутренних экономических потоков округа. Скорректированный объем инвестиционных ресурсов, остающийся в распоряжении макрорегиона после исключения экспортно-сырьевых проектов, оказывается недостаточным даже для поддержания текущего состояния инфраструктуры, не говоря уже о комплексной модернизации изношенных фондов и расширении несырьевого сектора экономики.

Сформировавшаяся инвестиционная конфигурация дополнительно усугубляется высокой территориальной концентрацией капитальных вложений: 67,5 % совокупного объема инвестиций приходится лишь на четыре субъекта ДФО. Доминирование федеральных подрядчиков, а также широкое использование вахтовых методов организации работ существенно минимизируют положительный эффект инвестиционной активности для региональной экономики. Коэффициент

¹⁶⁸ Составлено автором.

¹⁶⁹ Минэкономразвития России. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – М., 2019. — Режим доступа: URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6c/47/1c70d1262db4aa8eeb26c3961470597bb6c0.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

локализации заработной платы оценивается на уровне ниже 0,35, что свидетельствует о выведении значительной части создаваемых доходов за пределы ДФО¹⁷⁰. Указанные обстоятельства подавляют мультипликативный эффект инвестиций и не способствуют формированию и развитию локальных производственных и кооперационных цепочек.

Следствием выявленных инвестиционных диспропорций является устойчивый рост объема инфраструктурного дефицита макрорегиона. По расчетам Востокгосплана, совокупный разрыв между фактическими и нормативными инфраструктурными потребностями достиг 2,2 трлн рублей, при этом около половины данной суммы приходится на автомобильные дороги, находящиеся в стадии недостроя либо требующие капитальной реконструкции¹⁷¹. Крайне низкая плотность транспортной сети формирует повышенные логистические издержки и временные задержки, что, в свою очередь, приводит к существенному удорожанию товаров, прежде всего в удаленных территориях, и снижает конкурентоспособность хозяйствующих субъектов ДФО как на внутреннем, так и на внешних рынках, стимулируя переток экономической активности в регионы с более развитой инфраструктурной базой.

Дополнительным фактором системного ограничения выступает региональная инфляция, частично обусловленная значительной дифференциацией тарифов на электроэнергию между объединенной энергосистемой и изолированными энергетическими зонами ДФО (Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Чукотский автономный округ), где стоимость электроэнергии превышает тарифы Единой энергосистемы России на 42–53 %. Указанная разница, управляемая в краткосрочной перспективе, в средне- и долгосрочном периоде трансформируется в критический фактор инвестиционного риска для энергоемких

¹⁷⁰ Белоусова, А.В. Коэффициенты локализации: направления и методические аспекты использования (на примере Дальневосточных субъектов РФ) / А.В. Белоусова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 12 (134). – С. 117-125.

¹⁷¹ Правительство РФ утвердило долгосрочные планы комплексного развития 16 дальневосточных городов - Восточный центр государственного планирования // Режим доступа: https://vostokgosplan.ru/pravitelstvo-rf-utverdilo-master-plany-16-dalnevostocnyh-gorodov/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 05.12.2025).

производств с горизонтом окупаемости до десяти лет. Высокая степень физического износа генерирующего оборудования и сопряженные с этим технологические риски дополнительно повышают уровень инвестиционной неопределенности. Совокупность данных факторов формирует устойчивое ценовое давление в логистической сфере, находящее отражение в опережающем росте инфляции в макрорегионе: в рамках блока, посвященного анализу инфляционной динамики, использованный сводный индекс потребительских цен по ДФО в 2023 году составил 108,3 %, превысив среднероссийское значение на уровне 107,4 %. Более того, по данным Росстата, по итогам 2024 года ИПЦ продолжил рост и достиг 109,5 %, что усилило инфляционное давление и эффект «ценового пресса», особенно в удаленных и труднодоступных районах ДФО. В результате формируется устойчивый дефицит несырьевых производств, обусловленный ростом операционных рисков и смещением инвестиционных приоритетов в сторону сырьевого сектора.

Одним из ключевых факторов, дополнительно препятствующих ускоренному социально-экономическому развитию ДФО, выступает структурный дисбаланс региональных рынков труда и выраженный дефицит профессиональных кадров. Практически во всех субъектах макрорегиона фиксируется нехватка трудовых ресурсов для замещения вакантных рабочих мест, уровень которой существенно превышает среднероссийские значения. Особенно высокий дефицит кадров отмечается в большинстве стратегически значимых отраслей экономики ДФО. Так, совокупная кадровая потребность, заявленная работодателями, превышает 102,0 тыс. человек¹⁷². При этом структура спроса по уровням образования характеризуется доминированием потребности в специалистах со средним профессиональным образованием (71,3 %), тогда как доля вакансий, ориентированных на работников с высшим образованием, составляет 13,6 %,

¹⁷²Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока | КРДВ поможет абитуриентам и молодежи выбрать востребованную профессию на Дальнем Востоке. Электронный ресурс. Режим доступа: https://minvr.gov.ru/press-center/news/krdv_pomozhet_abiturientam_i_molodezhi_vybrat_vostrebovannuyu_professiyu_na_dalнем_vostoke/ (дата обращения 05.12.2025).

а 15,1% от общего объема запросов не предполагают наличия специальных квалификационных требований¹⁷³. Наиболее остро кадровый дефицит проявляется в сферах здравоохранения, образования, транспортной и энергетической инфраструктуры, а также в инженерных направлениях, обеспечивающих функционирование горнодобывающей и нефтегазодобывающей отраслей.

Несмотря на это, уровень безработицы в ДФО стабильно превышает среднероссийские значения, что является прямым следствием выраженных структурных дисбалансов, сложившихся на региональных рынках труда дальневосточных субъектов. Подготовка специалистов по направлениям, характеризующимся наибольшим оттоком кадров, в субъектах ДФО осуществляется в недостаточном объеме, тогда как по ряду менее востребованных специальностей фиксируется устойчивый переизбыток предложения рабочей силы, не находящей адекватного спроса со стороны работодателей¹⁷⁴ (Рис. 3.3).

Рисунок 3.3 – Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по Российской Федерации и ДФО за 2000-2023 гг.¹⁷⁵

Таким образом, действующая система высшего и среднего профессионального образования (СПО, ВПО) в ДФО в целом не соответствует реальным и перспективным потребностям экономики макрорегиона. Сложившаяся система СПО обеспечивает не более 40 % потребности в кадрах по востребованным

¹⁷³ Минвостокразвития России. Доклад о социально-экономическом положении Дальнего Востока в 2023 году. – М., 2024. — Режим доступа: URL: <https://minvr.gov.ru> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁷⁴ Гуртов, В.А. Выпускники вузов на рынке труда Дальнего Востока / В.А. Гуртов, И.С. Степуть, С.В. Шабаева // Высшее образование в России. – 2019. – № 12. – С. 36–52.

¹⁷⁵ Составлено автором.

специальностям¹⁷⁶, в то время как система ВПО покрывает порядка 70% соответствующего спроса, а ежегодный дефицит специалистов с высшим образованием оценивается на уровне 14,0 тыс. человек¹⁷⁷. В условиях сохраняющегося кадрового дефицита рынка труда субъектов ДФО демонстрируют высокую зависимость от внешних источников пополнения трудовых ресурсов, при этом наиболее остро данная проблема проявляется в северных добывающих регионах. Эпидемиологический кризис COVID-19 дополнительно усугубил дефицит кадров вследствие введения временного моратория на въезд иностранных работников из КНР и государств СНГ. Геополитические изменения весны 2022 года сформировали новые институциональные барьеры для притока трудовых мигрантов из сопредельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В то же время реализуемые в субъектах ДФО с 2015 года государственные программы по привлечению трудовых ресурсов из других регионов Российской Федерации демонстрируют низкую результативность, что обусловлено несоответствием заложенных в них требований специфическим условиям функционирования предприятий ДФО и реальным потребностям работодателей.

Указанная высокая степень зависимости рынка труда ДФО от внешних источников трудовой силы существенно осложняет достижение целевых ориентиров, закрепленных в профильных стратегических документах. В частности, ключевыми государственными задачами в демографической сфере ДФО к 2025 году определены повышение значения суммарного коэффициента рождаемости до 2,1, увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 76 лет, а также формирование условий для роста численности населения до 9 млн человек¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Питухин, Е.А. Оценка потенциала системы профессионального образования Дальнего востока как приоритетной территории России / Е.А. Питухин, А.Л. Кекконен, С.В. Шабаева // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 1 (37). – С. 20-36.

¹⁷⁷ Гуртов, В.А. Выпускники вузов на рынке труда Дальнего Востока / В.А. Гуртов, И.С. Степусь, С.В. Шабаева // Высшее образование в России. – 2019. – № 12. – С. 36–52.

¹⁷⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (действующая редакция от 29.11.2023) // Справочно-правовая система

Институционально-кадровый дефицит проявляется не в виде изолированного отклонения, а формируется как последовательная причинно-следственная цепочка ограничений. Так, дефицит квалифицированных специалистов приводит к удлинению регламентных и административных процедур, что выступает значимым барьером для реализации инвестиционных проектов. Например, расширение границ территорий опережающего развития (ТОР) в ДФО под нового резидента может затягиваться на срок до одного-полутора лет¹⁷⁹. Для бизнеса это означает фактическую потерю одного финансового года, в течение которого инвестор несет издержки на разработку проектно-сметной документации, содержание управленческой команды и обслуживание простаивающих активов. За указанный период изменения макроэкономических параметров — рост процентных ставок, колебания валютного курса, опережающий инфляцию рост цен на строительные материалы — приводят к снижению расчетной доходности инвестиционного проекта. В результате при падении внутренней нормы доходности ниже нормативного значения, установленного головной компанией инвестора, проект классифицируется как низкоприоритетный, что, в свою очередь, ведет к пролонгации сроков реализации и возникновению проблем с его финансированием.

Дополнительным системным ограничением является отсутствие единой методологической базы регионального стратегического планирования. Стратегии социально-экономического развития субъектов ДФО разрабатывались в различные временные периоды, разными исполнителями и с использованием неоднородных методологических подходов. Это проявляется, в частности, в применении различных методов расчета производительности труда (в постоянных либо сопоставимых ценах), а также в несопоставимых подходах к учету миграционных процессов (человеко-годы либо условные единицы прироста населения).

«Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁷⁹ Единый преференциальный режим поможет развитию ДФО | Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Электронный ресурс: <https://ac.gov.ru/news/page/edinyj-preferencialnyj-rezim-pomozet-razvitiu-dfo-27565>

При агрегировании указанных показателей в рамках федеральных механизмов конкурсного отбора заявок на софинансирование возникает проблема их сопоставимости, что искажает конкуренцию субъектов ДФО за доступ к централизованным ресурсам и смещает акценты с содержательных приоритетов развития на формальные параметры представления заявок. Так, обращения за финансированием из одного и того же источника (например, федерального дорожного фонда) могут обосновываться принципиально разными ключевыми индикаторами — приростом жилищного строительства в одном субъекте ДФО и снижением логистических издержек в другом.

Существенное влияние на эффективность бюджетных расходов оказывает дублирование функциональных полномочий органов управления. Параллельная реализация схожих проектов на разных уровнях управления (в частности, создание центров обработки данных на уровне субъекта и муниципалитета; строительство линий водозабора в рамках национального проекта «Экология» и федерального проекта «Модернизация коммунальной инфраструктуры») приводит к фрагментации ресурсной базы и усилению конкуренции подрядных организаций за ограниченные инженерные и проектные мощности.

В условиях отсутствия единой методологии формирования и мониторинга ключевых показателей эффективности (KPI), а также при сохраняющемся кадровом дефиците, даже значительные объемы межбюджетных трансфертов не обеспечивают своевременного перехода к практической реализации задач, включая строительство объектов транспортной инфраструктуры и ввод в эксплуатацию новых энергетических мощностей.

Совокупность выявленных отклонений формирует замкнутую систему отрицательных обратных связей, воспроизводящую структурные ограничения развития макрорегиона. Оценка интегрального воздействия указанных факторов требует построения комплексной динамической модели, объединяющей соответствующие показатели в единую аналитическую конструкцию.

Связав демографические, инфраструктурные и институционально-кадровые параметры в рамках динамической модели типа «запас–поток», удалось

идентифицировать три автономных, но функционально взаимосвязанных контура отрицательной обратной связи, первый из которых представлен на Рис. 3.4.

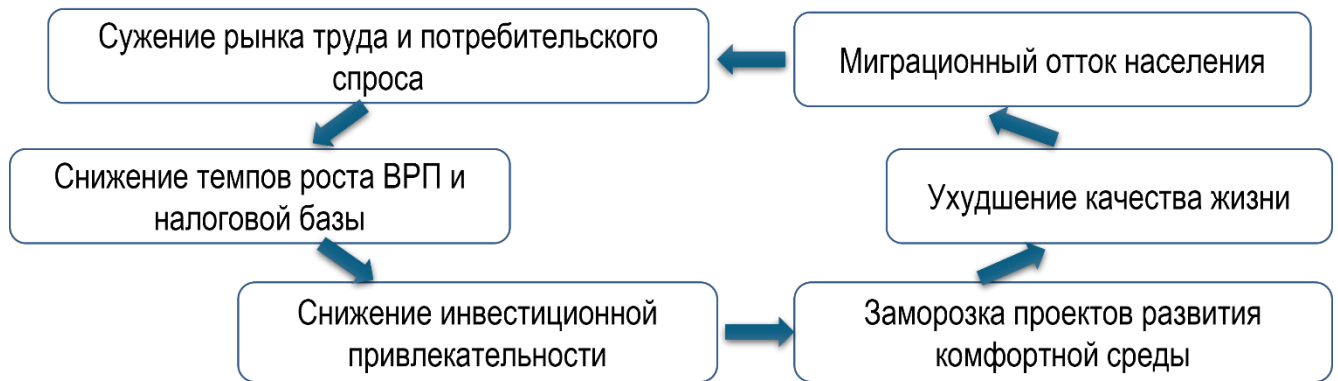

Рисунок 3.4 – Контурная связь № 1¹⁸⁰

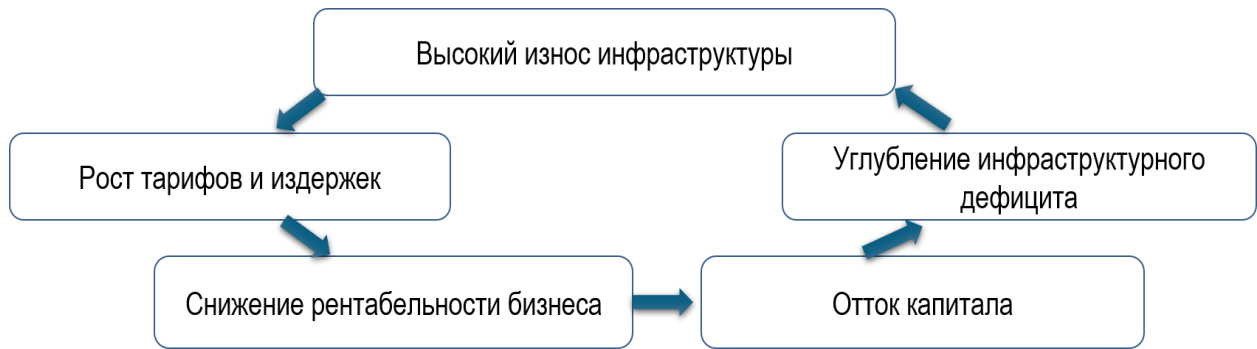
Первый контур связан с миграционным оттоком населения, что приводит к сокращению предложения рабочей силы на региональном рынке труда. Фиксация дефицита трудовых ресурсов вынуждает предпринимателей откладывать расширение производственных мощностей, вследствие чего замедляются темпы прироста ВРП.

Негативная динамика макроэкономических показателей формирует у инвесторов стимулы к исключению макрорегиона из числа приоритетных направлений вложений, что выражается в замораживании проектов жилищного строительства и стагнации процессов формирования комфортной городской среды.

Снижение уровня территориальной комфортности, в свою очередь, генерирует дополнительные негативные миграционные стимулы, замыкая воспроизводственный цикл демографической и инфраструктурной деградации. Таким образом, критически значимые факторы, сдерживающие развитие, одновременно выступают и причиной, и следствием продолжающейся депопуляции населения.

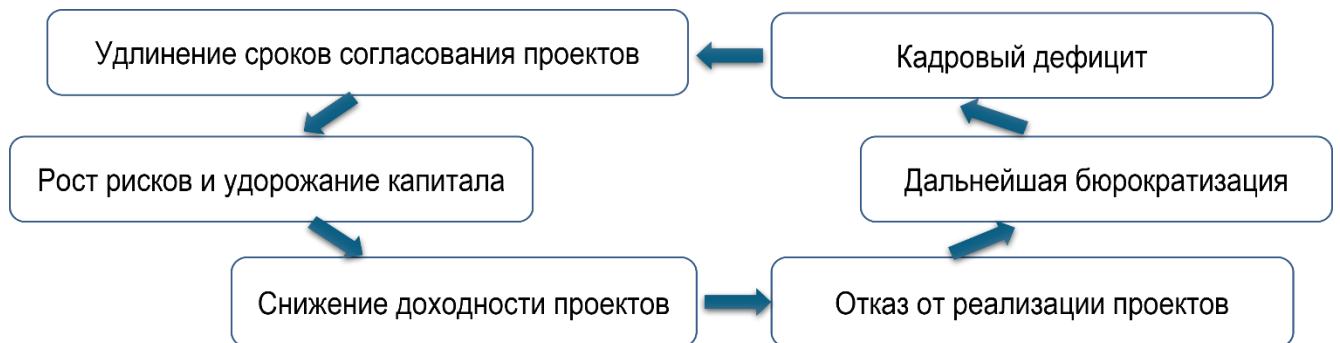
Вторая контурная связь, представленная на Рис. 3.5, проявляется менее явно, однако характеризуется высокой устойчивостью и продолжительным воздействием на экономическую динамику.

¹⁸⁰ Составлено автором.

Рисунок 3.5 – Контурная связь № 2¹⁸¹

Физически и морально устаревшая транспортная либо энергетическая инфраструктура закономерно приводит к росту регулируемых тарифов. Повышение тарифной нагрузки увеличивает себестоимость выпускаемой продукции, что трансформируется в последующий рост потребительских цен. Изменение ценовых уровней оказывает прямое воздействие на реальный располагаемый доход населения. С учетом того, что данный показатель в ДФО стабильно ниже среднероссийского уровня, происходит сокращение эффективной покупательной способности, вследствие чего инвестиционные ресурсы перераспределяются в регионы с более высокой платежеспособностью потребителей. Недостаточность источников воспроизводства капитала делает невозможной системную модернизацию базовой инфраструктуры, усиливая инфляционное давление через ускоренное устаревание транспортного и энергетического оборудования.

Третий контур связи, представленный на Рис. 3.6, формируется в рамках институционально-бюрократических процедур согласования.

Рисунок 3.6 – Контурная связь №3¹⁸²

¹⁸¹ Составлено автором.

¹⁸² Составлено автором.

Избыточная продолжительность административных процедур в сочетании с дефицитом квалифицированного управленческого персонала повышает риск устаревания проектной документации и отказов исполнителей от реализации запланированных мероприятий.

Рост проектных рисков автоматически ведет к увеличению ставки дисконтирования, что выражается в удорожании привлекаемого капитала и снижении расчетной нормы прибыли инвестиционных проектов. В результате последующие проекты классифицируются как высокорискованные, что инициирует ужесточение контрольных механизмов и дополнительное затягивание согласований, воспроизводя исходную институциональную дисфункцию.

Все три контурных механизма функционируют параллельно, однако пересекаются в так называемых точках институционального и территориального наложения. В субъектах с убывающей численностью населения наблюдается сужение рынка труда и ослабление потенциала привлечения и удержания квалифицированных специалистов, тогда как именно наличие высококвалифицированных кадров является ключевым условием ускорения согласования инвестиционных проектов и минимизации транзакционных издержек.

При пространственном и функциональном совпадении указанных контуров возникает синергетический эффект взаимного усиления деструктивных факторов, при котором каждое слабое звено усиливает уязвимости других элементов системы.

В результате совокупность локальных проблем трансформируется в единый самоподдерживающийся механизм устойчивого структурного дисбаланса, последовательно отклоняющий макрорегион от траектории опережающего развития, заданной федеральными стратегическими документами.

Для оценки степени критичности выявленных системных ограничений результаты каузального картографирования были агрегированы в единую матричную таблицу с использованием метода SFA¹⁸³.

Методика расчета SFA-баллов базируется на комплексной оценке силы системного воздействия каждого ограничения на устойчивое развитие макрорегиона. При формировании интегрального показателя учитывались шесть ключевых критериев: масштаб негативного влияния (весовой коэффициент 0,25), скорость распространения эффекта (0,15), межотраслевой охват (0,15), степень обратимости (0,10), совокупные издержки нейтрализации (0,20) и потенциал мультипликативного эффекта (0,15).

Выбор весовых коэффициентов обусловлен адаптацией широко применяемой в стратегическом анализе модели и согласован с приоритетами, зафиксированными в ключевых стратегических документах развития ДФО. Наибольший вес был присвоен критериям, непосредственно связанным с достижением национальных целей (масштаб влияния) и бюджетной эффективностью (издержки нейтрализации), что соответствует логике результатно-ориентированного управления. Все ограничения ранжировались по каждому параметру на основе нормативных пороговых значений и экспертной шкалы от 0 до 1 с последующим агрегированием по формуле взвешенного среднего. Применение данного подхода позволило не только упорядочить ограничения по уровню критичности, но и соотнести их влияние с целевыми индикаторами стратегических документов федерального и регионального уровней.

Максимальное значение интегрального индекса SFA зафиксировано по критерию селективного миграционного оттока населения (SFA-балл 0,83). Разрыв в уровне реальных доходов между субъектами ДФО и центральными регионами Российской Федерации в сочетании с ограниченной комфортностью

¹⁸³ Strength of Functional Adverse impact – усредненный индекс, учитывающий масштаб негативного воздействия, скорость распространения, межотраслевой охват, степень обратимости, совокупные издержки нейтрализации и потенциал мультипликативного эффекта.

среды проживания формирует быструю и устойчивую реакцию со стороны населения.

Выявленная статистическая корреляция, при которой каждый процентный пункт увеличения указанного разрыва в заработной плате соотносится с оттоком квалифицированной возрастной группы 25–39 лет в объеме 0,6–0,7 тыс. человек, с высокой долей вероятности отражает причинно-следственную зависимость. Это, в свою очередь, приводит к автоматическому сокращению налоговой базы и снижению потенциала естественного демографического прироста.

Вторым по значимости системным ограничением является дефицит несырьевых капитальных вложений (SFA-балл 0,78). После исключения экспортно-сырьевых проектов инвестиционная норма снижается до уровня, близкого к амортизационному минимуму. В результате формируется устойчивый инфраструктурный долг, ориентировочно оцениваемый в 2,2 трлн рублей, объем которого ежегодно увеличивается вследствие удорожания отложенных ремонтов. Так, стоимость восстановления одного километра автомобильных дорог возрастает на 8–10 % в год, опережая динамику индекса цен производителей в строительстве.

Транспортно-энергетический дисбаланс (SFA-балл 0,73) замыкает тройку ключевых кластеров риска. По своей природе он отражает структурно обусловленное географическое ограничение: значительная протяженность логистических маршрутов в сочетании с высоким уровнем износа инженерных сетей существенно увеличивает совокупные логистические издержки, формируя волну удорожания, распространяющуюся на все компоненты стоимости жизни. Это, в свою очередь, усиливает миграционные потоки, поскольку домохозяйства, сопоставляя конечные потребительские цены, отдадут предпочтение регионам с более низкой совокупной стоимостью проживания (Рис. 3.7).

Остальные пять факторов выполняют поддерживающую функцию, обеспечивая функционирование трех основных зон высокого риска. Так, инфляционные процессы ведут к снижению уровня реальных доходов населения и одновременно уменьшают инвестиционную привлекательность

макрорегиона. Дефицит квалифицированных кадров приводит к удлинению сроков реализации проектов, что повышает их совокупную стоимость.

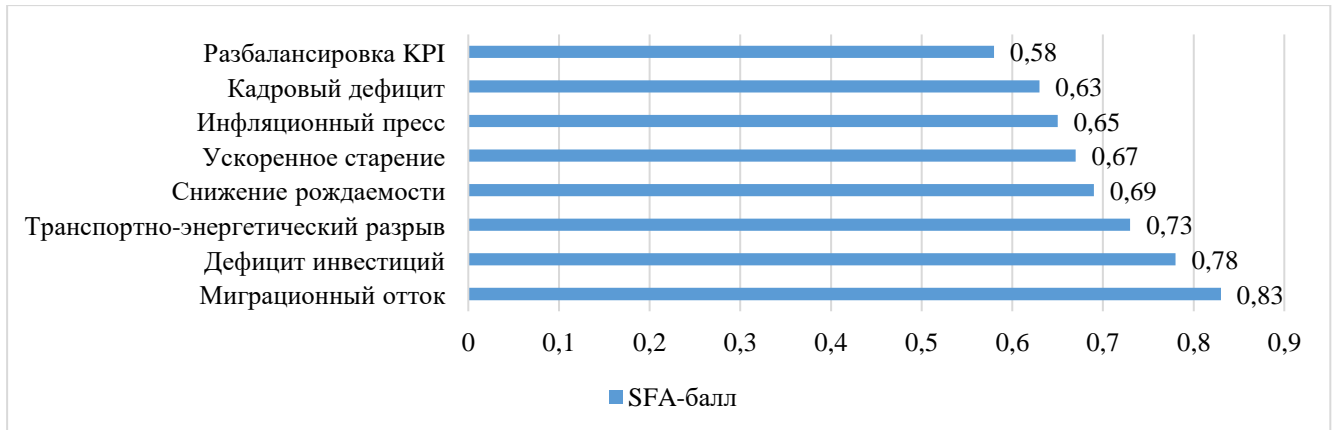

Рисунок 3.7– Ранжирование системных ограничений ДФО¹⁸⁴

Методологическая фрагментация целеполагания препятствует формированию целостной стратегической повестки развития, усиливая межрегиональную конкуренцию субъектов за ограниченные объемы федерального финансирования.

Матрица взаимосвязей показывает, что демографический контур выступает исходным источником системного дисбаланса, тогда как инфраструктурный и институционально-кадровый контуры выполняют роль его мультипликативных усилителей. Следовательно, приоритетное адресное воздействие должно быть сконцентрировано на мерах, ориентированных на прекращение миграционной убыли и восстановление инвестиционной нормы до уровня, превышающего минимальный амортизационный порог. Системное ранжирование внутренних ограничений развития макрорегиона было дополнено применением инструментария SWOT-анализа, позволяющего сопоставить сильные и слабые стороны с внешними возможностями и угрозами (Табл. 3.2).

¹⁸⁴ Составлено автором. Ernest H. The analytical hierarchy process-an exposition / H. Ernest, I. Saul // Operations Research. — 2001. — July (vol. 49, no. 4). — P. 469–487. — DOI:10.1287/opre.49.4.469.11231.

– SWOT-анализ¹⁸⁵

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
- концентрированные запасы алмазов, золота, серебра, древесины, природного газа и водных биологических ресурсов (100 %, 33 %, 35 %, 24,8 %, 16 % и 60 % соответственно); - геостратегическое положение на стыке транспортных коридоров Европы и АТР; - действующие федеральные режимы льгот и субсидий (ТОР, свободный порт Владивосток, «Дальневосточная ипотека», «Дальневосточный гектар»), в том числе: 0 % налог на прибыль в течение 5 лет (18 % на следующие 5 лет), 0 % налог на имущество в течение 5 лет (0,5-2,2 % на следующие 5 лет), 0 % налог на землю в течение 3-5 лет (0,75 % последующие 5 лет), предоставление земельных участков, подключение к инфраструктуре или возмещение затрат на подключение к ней, привлечение иностранной рабочей силы без учета квот, ставка по ипотеке 2 %.	- снижение СКР до 1,5 единиц; - устойчивый миграционный отток населения (за 2000-2023 годы – 529,8 тыс. человек); - доминирующая роль сырьевого сектора экономики (порядка 30 % в структуре ВРП ДФО); - высокий уровень ИПЦ (108,3 %), что выше среднероссийского (107,4 %); - коэффициент локализации заработной платы ниже значения в 0,35; - несоответствие современной системы СПО и ВПО в ДФО реальным потребностям экономики; - высокие цены на электроэнергию.
Возможности (O)	Угрозы (T)
- рост грузооборота СМП до 150 млн тонн к 2035 году; - формирование рынка «зеленого» водорода в АТР (потенциал ≈ 25 млн т в год); - увеличение мирового спроса на «ESG-металлы» для аккумуляторной промышленности; - увеличение доли обрабатывающего сектора экономики; - развитие социальной инфраструктуры; - масштабная модернизация профессионального образования для удовлетворения кадровой потребности через закрепление молодежи на территории макрорегиона.	- санкционная волатильность поставок высокотехнологичного оборудования; - усиление конкуренции со стороны арктических флотилий Японии и Республики Корея; - увеличение темпов оттока населения; - заселение территорий ДФО гражданами других стран; - ускоренное таяние вечной мерзлоты.

К числу традиционно выделяемых сильных сторон (S) ДФО относятся значительные объемы минеральных и биоресурсных запасов (концентрированные запасы алмазов, золота, серебра, древесины, природного газа и водных

¹⁸⁵ Составлено автором.

биологических ресурсов)¹⁸⁶, уникальное геостратегическое положение на пересечении транспортных коридоров Европы и АТР, а также действующие федеральные режимы льгот и субсидий (ТОР, свободный порт Владивосток, «Дальневосточная ипотека», «Дальневосточный гектар»). В то же время слабые стороны (W) представлены выявленными системными ограничениями: снижением СКР до уровня 1,5, устойчивым миграционным оттоком населения, доминированием сырьевого сектора в структуре экономики, повышенным уровнем ИПЦ, низким коэффициентом локализации заработной платы, несоответствием системы СПО и ВПО реальным потребностям экономики ДФО, а также высокими ценами на электроэнергию.

На противоположном полюсе спектральной шкалы располагаются внешние возможности (O): рост грузооборота по СМП до 150 млн тонн к 2035 году, формирование рынка «зеленого» водорода в АТР, увеличение мирового спроса на «ESG-металлы», а также потенциал наращивания доли обрабатывающего сектора, развития социальной инфраструктуры и модернизации системы профессионального образования.

Внешние угрозы (T) во многом представляют собой зеркальное отражение этих возможностей и включают санкционную волатильность поставок высокотехнологичного оборудования, усиление конкуренции со стороны арктических флотилий Японии и Республики Корея, ускорение темпов миграционного оттока населения, заселение территорий ДФО гражданами других государств, а также ускоренное таяние вечной мерзлоты, способное увеличить капитальные затраты инфраструктурных проектов на 15–20%¹⁸⁷.

Результаты сопоставления ячеек SWOT-матрицы показывают, что зона пересечения «S × O» обладает потенциалом обеспечения кратного роста экспортной выручки при условии трансформации внутреннего ограничения

¹⁸⁶ Минвостокразвития России. Доклад о социально-экономическом положении Дальнего Востока в 2023 году. — М., 2024. — URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁸⁷ Росатом. Прогноз развития грузоперевозок по Северному морскому пути до 2035 года (по данным совещания совета участников судоходства) // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/09/2024/66e848979a7947126c129334> (дата обращения: 18.05.2025).

«кадры + энергетическая инфраструктура» в целевую программу модернизационной поддержки. Напротив, сочетание факторов «W × T» формирует дестабилизирующий контур, в рамках которого даже незначительное усиление внешнеэкономических ограничений способно нивелировать ценовые преимущества дальневосточного транзитного маршрута. Таким образом, ключевой вектор раскрытия конкурентных преимуществ макрорегиона заключается не в экспорте невозобновляемого сырья как такового, а в синхронном наращивании инфраструктурного и кадрового потенциала. В противном случае внешние возможности сохраняют статус нереализованного потенциала, а риски трансформируются в фактор ускоренного оттока капитала и населения трудоспособного возраста.

Проведенная системная диагностика позволила выявить три взаимосвязанных контура отрицательной обратной связи, каждый из которых обладает двухуровневой структурой. В основании ограничений лежит фундаментальная причина (например, отток трудоспособного населения или тарифная нагрузка), поверх которой действует фактор-усилитель, транслирующий и мультиплицирующий эффект в смежные сектора. Критическим взаимодействием является связка демографического спада и инвестиционно-инфраструктурного дефицита: сокращение численности возрастной группы 20–39 лет (–3,5 процентных пункта за шесть лет) приводит к сужению внутреннего рынка и снижению доли несырьевых инвестиций до уровня 23 % в структуре ВРП, что недостаточно даже для амортизационного самоподдержания основных фондов. Падение инвестиционной активности усиливает нагрузку на изношенную транспортно-энергетическую инфраструктуру, что, в свою очередь, провоцирует рост тарифов. Опережающая динамика цен по отношению к доходам населения инициирует новую волну миграции, замыкая цикл отрицательной обратной связи. Третий контур риска формируется институционально-кадровой фрагментарностью: недостаточная укомплектованность проектных офисов ведет к удлинению регламентных и административных процедур, усиливает ценовую неопределенность и автоматически повышает стоимость заемного капитала.

В результате система демонстрирует синергетическую динамику, при которой локальный сбой в одной подсистеме быстро транслируется в смежные направления, усиливая совокупный дисбаланс.

Подводя итог, следует отметить, что ДФО характеризуется устойчивым комплексом взаимосвязанных ограничений, препятствующих достижению стратегических целей макрорегиона. Демографический контур проявляется в значениях СКР (1,5 в 2023 году), недостаточных для простого воспроизводства населения (2,1), и миграционной убыли в 2000–2023 гг. в объеме 529,8 тыс. человек, преимущественно затрагивающей возрастную группу 25–39 лет. Сокращение трудовых ресурсов ведет к снижению внутреннего потребительского спроса и сужению налоговой базы, что обуславливает падение «чистой» нормы инвестиций в основной капитал ниже амортизационного порога. Недостаточный объем вложений ускоряет износ производственной и социальной инфраструктуры, а тарифы на электроэнергию в изолированных зонах макрорегиона превышают среднероссийские значения. Рост логистических и энергетических издержек трансформируется в ускорение инфляции потребительского сектора: совокупный индекс потребительских цен в ДФО в 2023 году превысил средний показатель по Российской Федерации на 0,9 процентных пункта. Усиление ценового давления стимулирует дальнейший миграционный отток, формируя самоподдерживающуюся отрицательную петлю социально-экономического ослабления. Институциональный компонент усиливает данную динамику: кадровый дефицит удлинняет сроки согласования инфраструктурных проектов, повышая инвестиционные риски и стоимость заемного капитала.

Интегральная оценка системных ограничений, рассчитанная методом SFA, указывает на наибольшую критичность селективного миграционного оттока (0,83), дефицита несырьевых инвестиций (0,78) и транспортно-энергетического разрыва (0,73).

Проведенный анализ показывает, что применение фрагментарных мер реагирования — таких как разовые налоговые послабления или временное субсидирование тарифной нагрузки — обеспечивает лишь краткосрочный

положительный эффект, который быстро нивелируется воздействием глубинных системных факторов дезорганизации и регресса. Следовательно, стратегическое проектирование регионального развития должно основываться на принципе синхронного устранения узлов системной инерции. Любая демографическая интервенция — независимо от ее формы (стимулирование рождаемости, миграционные лифты, программы формирования комфортной городской среды) — должна сопровождаться инфраструктурным обеспечением (дорожные и энергетические проекты с прозрачной тарифной моделью) и институционально-управленческой модернизацией (унификация целевых показателей субъектов, сокращение сроков согласования, адресная кадровая подготовка).

Полученные результаты заключаются в применении методологии системной динамики для моделирования и верификации внутреннего механизма блокировки развития макрорегиона. Доказано, что ключевые проблемы, такие как миграционный отток, дефицит несырьевых инвестиций, инфраструктурный износ, институциональная неэффективность, взаимосвязаны через замкнутые причинно-следственные цепи, формируя целостную систему с синергетическим эффектом, объясняющую устойчивость негативных тенденций. Особенность состоит в переходе от анализа изолированных факторов к доказательству существования целостной системы воспроизводства структурных ограничений, что требует принципиально нового подхода к управлению развитием макрорегиона — синхронного воздействия на ключевые элементы всех контуров.

Таким образом, достижение устойчивого развития ДФО требует реализации комплексного подхода, направленного на разрыв негативных воспроизводственных контуров. Ключевыми элементами такой стратегии являются преодоление демографической деградации через стимулирование рождаемости и сокращение миграционного оттока, обеспечение расширенного воспроизводства основного капитала за счет увеличения доли несырьевых инвестиций выше амортизационного порога, ускоренная модернизация транспортно-энергетической инфраструктуры и диверсификация экономики с ростом доли обрабатывающих производств. Комплексная реализация указанных

мер создаст предпосылки для преодоления структурного дисбаланса и перехода макрорегиона к траектории опережающего развития.

3.2. Стратегии поддержания демографической устойчивости в Дальневосточном федеральном округе

Системная диагностика ограничений в достижении национальных и стратегических целей, представленная в параграфе 3.1, показала, что устойчивый демографический спад в ДФО выступает одним из ключевых факторов, сдерживающих социально-экономическое развитие макрорегиона. Демографическая динамика ДФО в исследуемый период (2000–2023 гг.) характеризуется сложным и разнонаправленным характером. Так, в 2000–2015 гг. основные демографические показатели — суммарный коэффициент рождаемости, общие коэффициенты рождаемости и смертности, ожидаемая продолжительность жизни, общий коэффициент миграционного прироста — в целом демонстрировали устойчивую положительную динамику по сравнению с предыдущими годами. Однако начиная с 2015 года и вплоть до 2023 года по большинству указанных индикаторов фиксируется устойчивая негативная тенденция, сопровождающаяся их снижением до уровней начала 2000-х годов.

К числу базовых системных ограничений демографического развития ДФО, непосредственно обуславливающих сокращение численности населения, относятся низкий уровень рождаемости и устойчивый миграционный отток. Совокупное воздействие этих факторов формирует замкнутые контуры отрицательной обратной связи, подрывающие воспроизводство человеческого капитала, сужающие внутренний потребительский спрос и снижающие инвестиционную привлекательность макрорегиона. Преодоление данной негативной динамики требует разработки и реализации комплексных стратегических решений, ориентированных на устранение первопричин демографического спада.

Современная демографическая ситуация в ДФО во многом определяется глубинными социокультурными и экономическими трансформациями. В условиях постиндустриального общества для значительной части женщин приоритетами становятся получение высшего образования и профессиональная самореализация, что объективно приводит к смещению рождения первого ребенка на более поздний репродуктивный возраст (35 лет и старше). Это сокращает «биологическое окно» для рождения последующих детей и, как следствие, снижает итоговую рождаемость, особенно в крупных урбанизированных центрах. В исторической перспективе, прежде всего в сельской местности, дети воспринимались как дополнительный трудовой ресурс и форма социальной поддержки в старости.

В современной модели семьи ребенок, напротив, рассматривается как объект долгосрочных инвестиций в образование, здоровье и качество человеческого капитала. Рождение второго и последующих детей сопровождается существенным ростом финансовой нагрузки и риском снижения уровня жизни домохозяйства, что выступает одним из ключевых факторов, ограничивающих расширение семьи.

В этой связи эффективная демографическая политика должна быть ориентирована не только на компенсацию прямых расходов на содержание детей, но и на покрытие альтернативных издержек родителей, прежде всего женщин, связанных с временной потерей дохода, вынужденными карьерными паузами и снижением текущего уровня потребления домохозяйства. Стратегической целью такой политики является формирование условий, при которых рождение третьего и последующих детей становится экономически и социально рациональным выбором, что, в свою очередь, является необходимым условием перехода к расширенному типу воспроизводства населения.

Реализуемый с 2019 года «дальневосточный демографический пакет», а также федеральная программа материнского капитала¹⁸⁸, несмотря

¹⁸⁸ Российская Федерация. Законы. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (действующая редакция от 07.06.2025) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.05.2025).

на значительные масштабы финансовой поддержки, демонстрируют ограниченную эффективность в формировании устойчивой мотивации к многодетности. Ключевым недостатком указанных инструментов является отсутствие прогрессивной модели стимулирования: после получения единовременной выплаты при рождении первого ребенка семья, как правило, не получает сопоставимого либо усиленного экономического стимула при рождении второго и третьего ребенка.

В условиях макроэкономической нестабильности и опережающего роста затрат на воспитание и образование детей такая конструкция поддержки формирует демотивационный эффект и не компенсирует возрастающие альтернативные издержки родителей. В этой связи актуализируется необходимость перехода от статичной системы разовых выплат к динамической модели поэтапного стимулирования, учитывающей очередность рождения детей, региональную специфику и социально-экономическое положение домохозяйства.

Наряду с проблемами рождаемости ключевым элементом институционального контура демографических ограничений ДФО, выявленным в параграфе 3.1, остается устойчивый миграционный отток, прежде всего населения трудоспособного и репродуктивного возраста. Селективный характер миграции, ориентированной преимущественно на центральные субъекты Российской Федерации, обусловлен совокупным воздействием экономических, инфраструктурных и институциональных факторов. К ним относятся несопоставимость уровней доходов, ограниченная доступность и качество базовых социальных услуг, дефицит возможностей профессиональной и карьерной реализации, а также недостаточная обеспеченность современным и доступным жильем. В совокупности данные факторы формируют устойчивые стимулы к выезду и ослабляют эффект реализуемых мер по демографическому и социально-экономическому закреплению населения в макрорегионе.

Таким образом, преодоление системных демографических ограничений в ДФО требует принципиально нового, комплексного подхода к формированию демографической политики, способного учитывать взаимосвязанное влияние

мотивационных, экономических и миграционных факторов, а также их кумулятивный эффект в долгосрочной перспективе.

В качестве методологического фундамента для разработки таких стратегий предлагается модель демографического проектирования, основанная на теории функциональных систем П. К. Анохина. В соответствии с данной теорией любой целенаправленный поведенческий акт формируется через афферентный синтез — интеграцию всех значимых входных воздействий, после чего следуют этапы программирования действия, формирования акцептора результата (внутренней модели ожидаемого эффекта) и непрерывной оценки обратной афферентации, отражающей фактическое достижение результата. Применение данной методологии позволяет рассматривать демографическое поведение населения — репродуктивные решения и миграционную активность — как функциональную систему, ориентированную на достижение социально значимого результата, а именно поддержание оптимальных демографических параметров и устойчивого воспроизводства населения. Концептуальная схема предлагаемой модели представлена на Рис. 3.8.

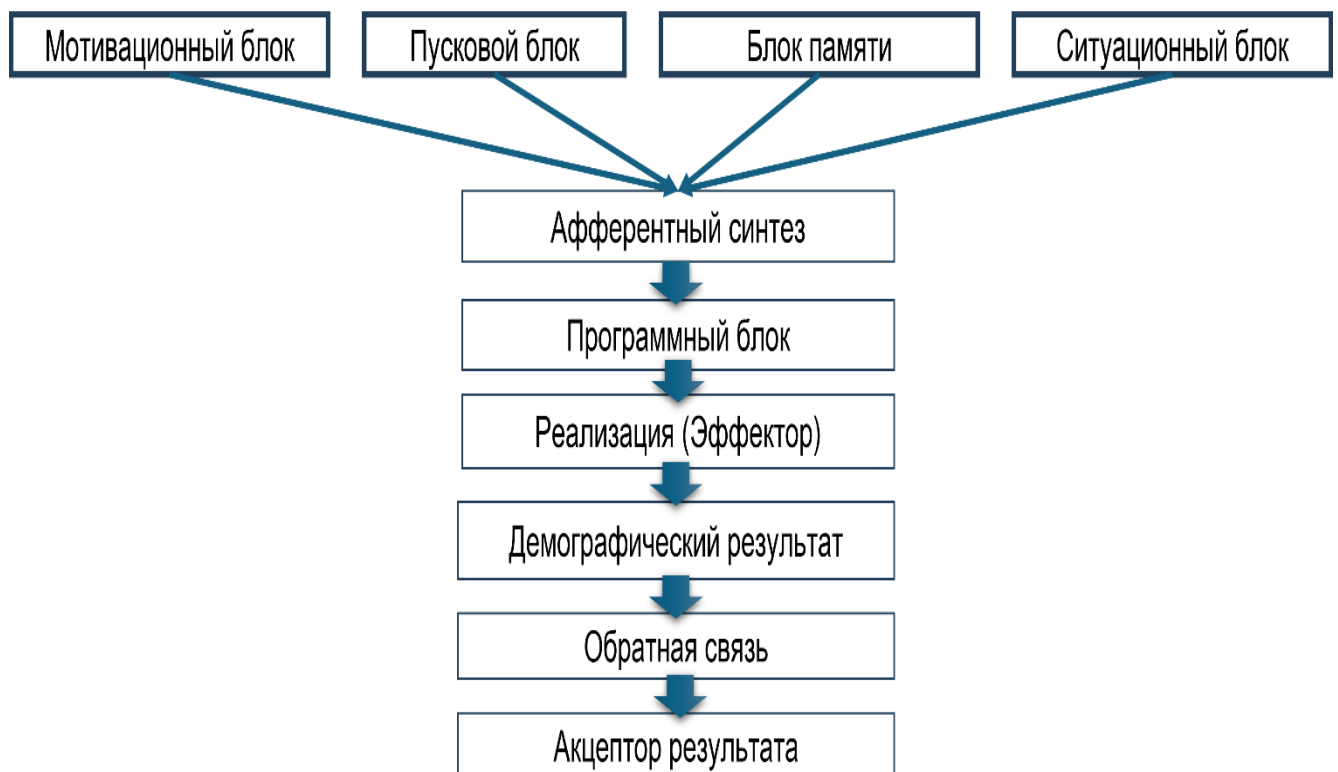

Рисунок 3.8 – Схема модели демографического проектирования, основанная на принципах теории функциональных систем¹⁸⁹

Модель демографического проектирования представляет собой совокупность взаимосвязанных функциональных блоков, каждый из которых выполняет автономную, но логически согласованную функцию в формировании и реализации демографического поведения населения. Их взаимодействие образует целостную систему, обеспечивающую переход от формирования мотивации к практической реализации демографических решений и их последующей оценке. Структура модели включает следующие ключевые блоки.

1. *Мотивационный блок (ценности и установки).* Данный блок отражает систему внутренних ценностей, норм и установок населения, определяющих направленность и интенсивность демографического поведения. К его элементам относятся ориентации на семью и родительство, субъективная значимость детей, соотношение семейных, карьерных и жизненных приоритетов. Мотивационный блок формирует «пусковой потенциал» функциональной системы, то есть наличие внутренней потребности или целевой установки, ради реализации которой инициируется демографический акт (например, стремление к рождению ребенка либо, на уровне государственной политики, установка на обеспечение прироста населения).

2. *Ситуационный блок (условия среды).* Ситуационный блок включает совокупность внешних условий, в рамках которых осуществляется демографическое поведение. Он охватывает социально-экономическую среду, уровень инфраструктурного развития, экологические, культурные и институциональные факторы. Эти элементы формируют обстановочную афферентацию — контекст принятия демографических решений. К числу ключевых условий относятся уровень доходов и благосостояния населения, доступность и качество жилья, обеспеченность дошкольными и образовательными учреждениями, культурные и религиозные нормы, а также параметры государственной политики (наличие пособий, льгот, административных

¹⁸⁹ Составлено автором.

требований). В зависимости от их конфигурации данные факторы могут как стимулировать, так и ограничивать демографическую активность.

3. *Пусковой блок (триггеры)*. Пусковой блок представляет собой совокупность специфических сигналов и стимулов, непосредственно инициирующих принятие демографических решений. Триггерная афферентация может носить как внутренний, так и внешний характер. В качестве триггеров выступают достижение определенного возрастного или семейного статуса, получение целевой выплаты (материнский капитал, пособие при рождении ребенка), а также кризисные события — ухудшение состояния здоровья, экономические шоки или резкие изменения условий жизни. Триггеры выполняют функцию «спускового механизма», переводя систему из состояния потенциальной готовности в фазу активного действия при наличии сформированной мотивации и приемлемых внешних условий.

4. *Блок памяти (культурные и межпоколенческие коды)*. Блок памяти обеспечивает накопление, хранение и использование социального и институционального опыта, оказывающего влияние на демографическое поведение. В теории функциональных систем память выступает ключевым элементом адаптивности, позволяющим учитывать результаты предыдущих успешных и неуспешных действий. В демографическом контексте данный блок проявляется в форме коллективной исторической памяти населения и институтов: устойчивых культурных норм (например, традиционно высоких или низких уровней рождаемости), межпоколенческой трансляции семейных ценностей и моделей поведения, а также накопленного опыта реализации демографической политики. Последний формирует своеобразный «банк кейсов», отражающий результативность ранее реализованных программ, как позитивную, так и негативную. Использование памяти повышает качество афферентного синтеза и адаптивность принимаемых решений.

5. Афферентный синтез представляет собой центральный этап, на котором происходит комплексная обработка и интеграция всей информации, поступившей от мотивационного, ситуационного, пускового блоков и блока

памяти. Здесь формируется целостное понимание демографической проблемы, оцениваются возможности и ограничения, что приводит к принятию ключевого решения о цели и направлении управляющего воздействия.

6. *Программный блок (механизмы поддержки и реализации).*

На основе решения, принятого на этапе афферентного синтеза, формируется программа действий – план конкретных мер.

Программный блок формирует совокупность управленческих решений и инструментов, посредством которых система реагирует на выявленные демографические вызовы. В логике теории П. К. Анохина на основе афферентного синтеза вырабатывается эфферентная программа – план конкретных действий, направленных на достижение целевого результата. В рамках демографического проектирования данный блок включает государственные программы и проекты в сферах демографической и семейной политики, миграции, здравоохранения и рынка труда, ориентированные на стимулирование рождаемости, снижение смертности и привлечение трудовых ресурсов.

Проектные сценарии выступают в роли институционально заданных «программ поведения», транслируемых населению через систему публичных институтов. В практическом измерении данный блок реализуется органами государственной власти и включает набор конкретных инструментов: финансовые стимулы (пособия, материнский капитал, выплаты при рождении детей), инфраструктурные меры (строительство детских садов, школ, медицинских учреждений), миграционные программы (субсидии переселенцам, программа «Дальневосточный гектар»), а также информационно-коммуникационные кампании. Эти механизмы выполняют функцию эффекторов системы, обеспечивая трансформацию управленческих намерений в реальные действия, способные оказывать воздействие на демографические показатели.

7. Реализация (Эффектор) – это этап практического воплощения программного блока. Указанные механизмы поддержки (финансовые, инфраструктурные и пр.) являются эффекторами системы, посредством которых

намерения и планы переходят в практические действия, непосредственно влияющие на население и способные изменить демографические показатели.

8. Демографический результат – фактическое состояние демографических процессов (уровень рождаемости, смертности, миграции, возрастная структура), которое сложилось в результате реализации программных мер и действия других факторов. Этот результат является объектом для последующей оценки.

9. Обратная связь (мониторинг и коррекция). Непременный элемент функциональной системы – механизм обратной афферентации, позволяющий сравнить достигнутый результат с ожидаемым и скорректировать действия. В демографическом проектировании блок обратной связи отвечает за постоянный мониторинг фактических демографических показателей и внесение корректировок в политику на основе выявленных отклонений. Ключевыми индикаторами здесь выступают статистические показатели населения: уровень рождаемости, смертности, миграционное сальдо, возрастная структура и др. Именно динамика этих метрик показывает, удалось ли достичь заданных целей или требуется корректировка стратегии. Например, снижение фактического коэффициента рождаемости ниже целевого уровня или возобновление миграционного оттока сигнализируют о необходимости оперативных мер реагирования. В рамках модели такие индикаторы играют роль «сенсоров результата», передающих информацию обратно управляющей подсистеме.

10. *Акцептор результата (целевые показатели)*. Параллельно с формированием программы (на этапе афферентного синтеза) создается модель ожидаемого результата – акцептор. Акцептор результата представляет собой модель ожидаемого эффекта, с которой сопоставляются фактические результаты функционирования системы. В демографической модели акцептором выступают целевые параметры развития, закрепленные в стратегических и программных документах. На этапе принятия решений формируется образ желаемого будущего, выраженный в системе количественных и качественных индикаторов: целевых значениях суммарного коэффициента рождаемости, миграционного прироста,

ожидаемой продолжительности жизни и иных показателей. Акцептор выполняет функцию критерия эффективности, позволяя оценивать соответствие фактической динамики прогнозируемым результатам демографической политики.

В рамках модели данные показатели выполняют роль «сенсоров результата», замыкая контур саморегуляции: информация мониторинга сопоставляется с акцептором, и на основе выявленных расхождений осуществляется корректировка программных мер, усиление стимулов либо изменение условий реализации демографической политики.

Комплекс взаимосвязанных стратегических направлений демографической политики, представленный в Табл. 3.3, сформирован на основе проведенного анализа и в рамках предложенной модели демографического проектирования.

Таблица 3.3

– Стратегии преодоления системных ограничений демографической политики
в регионе¹⁹⁰

Стратегия	Цель	Ключевые меры
Реструктуризация финансовой поддержки с акцентом на многодетность	Формирование устойчивой мотивационной модели, стимулирующей рождение второго и последующих детей	1) Введение прогрессивной шкалы материнского капитала, увеличивающей объем поддержки с каждым последующим ребенком начиная с третьего, что соответствует принципу целевой демографической стимуляции. 2) Расширение направлений использования капитала, включая оплату образовательных, медицинских и реабилитационных услуг, а также аренду жилья и развитие детской инфраструктуры. 3) Моделирование прогрессивных налоговых вычетов по НДФЛ, зависящих от очередности ребенка, с привязкой к прожиточному минимуму, что обеспечивает адресную поддержку многодетных семей. 4) Расширение права на получение единого ежемесячного пособия на детей до 18 лет вне зависимости от дохода семьи, с сохранением повышенной нормы для нуждающихся.
Снижение альтернативных издержек	Уравновешивание родительских и профессиональных	1) Закрепление гибких форм занятости (удаленная работа, фриланс, неполный рабочий день) в трудовом законодательстве для родителей

¹⁹⁰ Составлено автором.

Стратегия	Цель	Ключевые меры
родительства и поддержка занятости	ролей, снижение социальных и пенсионных рисков для женщин, выбирающих многодетное материнство	с детьми до 12 лет, что будет способствовать сохранению трудового потенциала. 2) Полный зачет периода ухода за ребенком в страховой стаж, независимо от предыдущей занятости, как механизм компенсации пенсионных потерь и повышения социальной справедливости.
Удержание населения в регионах округа через образование и жилищную инфраструктуру	Снижение миграционного оттока и повышение привлекательности проживания в макрорегионе	1) Поэтапное снижение процентной ставки по ипотеке для семей с тремя и более детьми, как инструмент пространственной демографической стабилизации. 2) Расширение программ жилищных субсидий для молодежи, переезжающей в образовательные центры ДФО, что способствует закреплению молодых специалистов. 3) Развитие социальной инфраструктуры (детские сады, школы, учреждения здравоохранения) с привлечением внебюджетных инвестиций, как условие повышения качества жизни и демографической устойчивости.
Формирование человеческого капитала через образовательную интеграцию	Внедрение кластерной модели взаимодействия колледжей и университетов как инструмента снижения образовательной миграции и закрепления молодежи в регионе	1) Создание единых образовательных кампусов с межвузовской инфраструктурой. 2) Программа «Профессионалитет» как механизм интеграции СПО в университетские экосистемы. 3) Целевые квоты и стипендии для студентов из отдаленных районов
Здоровьесбережение и репродуктивное благополучие	Включение параметров здоровья в демографическую устойчивость как фактор повышения рождаемости и снижения смертности	1) Развитие сети перинатальных и репродуктивных центров. 2) Программы профилактики и ранней диагностики заболеваний у женщин и детей. 3) Внедрение телемедицины в отдаленных районах.

В контексте реализации комплексных стратегий социально-экономического развития ДФО представляется целесообразным углубление и систематизация ключевых мер, направленных на стимулирование демографического роста, удержание и привлечение населения, а также формирование устойчивого человеческого капитала. В рамках реструктуризации системы финансовой поддержки с акцентом на многодетные семьи предлагается внедрение механизма «нарастающего капитала», предполагающего поэтапное увеличение объема государственной поддержки пропорционально числу детей в семье. Данная модель

усиливает мотивацию к расширению семьи и формирует устойчивую, предсказуемую систему целевых демографических стимулов.

Эмпирическим подтверждением результативности подобного подхода служит региональная инициатива, реализованная в Приморском крае. В 2023 году был запущен пилотный проект по предоставлению единовременной выплаты в размере 1,0 млн рублей при рождении третьего ребенка. Полученные результаты свидетельствуют о высокой чувствительности домохозяйств к финансовым мерам поддержки, обладающим четкой адресной и целевой направленностью.

В рамках стратегий, ориентированных на удержание населения в субъектах округа за счет развития образовательной и жилищной инфраструктуры, а также на формирование человеческого капитала посредством образовательной интеграции, особое значение приобретает модернизация системы высшего и среднего профессионального образования. Представляется целесообразной реализация масштабной программы, предусматривающей пересмотр структуры приема в учреждения СПО и ВУЗы с учетом перспективной отраслевой специализации экономики региона и прогнозируемого спроса на кадры.

Одновременно требуется ускоренное развитие цифровой образовательной среды, особенно в тех субъектах ДФО, где сохраняется отставание по уровню цифровизации. В целях повышения качества подготовки кадров целесообразно внедрение программы профессионального развития научно-педагогических работников, предполагающей ежегодное предоставление именных сертификатов на развитие науки и образования. Для закрепления молодежи в макрорегионе необходимо расширение программ академических стажировок с субсидированием транспортных и жилищных расходов, а также повышение доступности профессионального образования за счет увеличения квот на бюджетные места.

В рамках стратегии, направленной на снижение альтернативных издержек родительства и поддержку занятости, заслуживает внимания успешная практика адресной поддержки, реализованная в Республике Саха (Якутия), где введено единовременное пособие для молодежи в возрасте до 25 лет, ориентированное на стимулирование раннего вступления в брак и создания семьи. Данная мера

демонстрирует потенциал точечных институциональных интервенций в формировании демографически ориентированной социальной политики.

В рамках отдельного направления, посвященного стимулированию миграционного притока, обоснованным представляется расширение Государственной программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Увеличение объемов финансирования и приоритизация субъектов ДФО в рамках данной программы способны существенно повысить миграционную привлекательность макрорегиона. Дополнительно требуется комплексное совершенствование системы адаптации иностранных трудовых мигрантов, включая упрощение процедур поиска жилья, получения медицинской помощи и доступа детей к образовательным учреждениям, что позволит обеспечить более эффективную социальную и экономическую интеграцию мигрантов в принимающие территории.

Для оценки результативности и адаптивности функционирования описанной модели целесообразно использовать систему индикаторов, сгруппированных в соответствии с основными принципами теории функциональных систем: «афферентный синтез», «программа действия», «акцептор результата» и «обратная связь». Такая группировка позволяет осуществлять мониторинг эффективности каждого функционального блока модели и своевременно выявлять звенья, требующие усиления или корректировки. В Табл. 3.4 представлены ключевые показатели, характеризующие эффективность работы модели по указанным принципам.

– Ключевые показатели разработанной модели демографического проектирования¹⁹¹

Элемент модели (принцип)	Индикаторы оценки эффективности
Афферентный синтез (входные факторы)	Репрезентативность и полнота исходных данных о демографической ситуации и факторах среды; степень учета мотивационно-ценностных ориентаций населения (например, результаты опросов о желаемом числе детей); количество и разнообразие учитываемых социально-экономических, инфраструктурных и культурных факторов при анализе (интегральный показатель комплексности анализа). Эти индикаторы показывают, насколько всесторонне система учитывает условия и потребности при выработке решений.
Программа действия (реализация мер)	Число и масштаб внедренных демографических мер (программ поддержки семьи, здравоохранения, миграции и т.п.); охват целевых групп населения этими мерами (доля семей, получивших поддержку, и др.); ресурсы, выделенные на реализацию (финансирование, инфраструктурные вложения); эффективность мер – оценка непосредственного влияния каждой программы на демографические показатели (например, рост рождаемости на 1000 получателей выплаты). Данные показатели отражают действенность и достаточность предпринимаемых действий.
Акцептор результата (целевые ориентиры)	Четкость и обоснованность установленных целевых демографических индикаторов; степень согласованности целевых показателей с реальными возможностями региона (реалистичность целей); степень достижения целей – разница между плановыми и фактическими значениями ключевых показателей (например, процент выполнения целевого уровня рождаемости или миграционного прироста). Эти индикаторы позволяют судить, правильно ли выбраны ориентиры и насколько система продвинулась к их достижению.
Обратная связь (мониторинг и коррекция)	Оперативность мониторинга – частота обновления данных о состоянии демографии (наличие онлайн-дашбордов, регулярность статистических отчетов); быстрота реагирования – среднее время от фиксации отклонения показателя до принятия корректирующего решения; адаптивность политики – число и масштаб корректировок, внесенных в программы в ответ на изменение обстановки (например, введение новых мер при снижении рождаемости). Кроме того, сюда относится динамика ключевых демографических показателей: траектории рождаемости, смертности, миграции по отношению к целевым трендам. Устойчивое приближение фактических кривых к целевым свидетельствует об эффективности контура обратной связи, тогда как нарастающие расхождения указывают на необходимость усиления мониторинга или пересмотра стратегии.

¹⁹¹ Составлено автором.

Эффективность модели оценивается по совокупности индикаторов, отражающих результативность каждого функционального блока. Такой подход позволяет фиксировать не только количественные изменения, но и анализировать качественные механизмы демографического поведения.

Мотивационный блок отражает внутренние установки населения по отношению к семье, деторождению и родительству. Его результативность оценивается по уровню репродуктивных установок, индексу семейной ориентации, распространенности карьерных приоритетов в репродуктивных возрастных группах, а также динамике ценностных сдвигов (рост индивидуализма или снижение значимости семьи).

Ситуационный блок фокусируется на объективных социально-экономических и институциональных условиях реализации демографических намерений. Ключевыми индикаторами являются обеспеченность жильем, доступность инфраструктуры, индекс социально-экономической стабильности региона, объем институциональной поддержки, а также экологические и культурные параметры, включая уровень культурной совместимости мигрантов.

Пусковой блок выявляет события и стимулы, катализирующие демографические решения. Его эффективность измеряется частотой запускающих событий, реакцией населения на меры стимулирования и влиянием кризисов (экономические спады) на репродуктивное и миграционное поведение.

Блок памяти демонстрирует роль культурных и межпоколенческих кодов в формировании демографических практик. Он оценивается по уровню передачи семейных моделей, устойчивости демографических традиций и результативности использования исторического опыта в политике, включая успешные кейсы современных программ.

Программный блок связан с управленческой деятельностью по поддержке населения и оценивается через количество и охват демографических программ, уровень их финансирования, долю охваченного населения и согласованность мер с целевыми ориентирами. Сценарные блоки отражают реализацию комплексных мер и их взаимосвязанность, эффективность которых определяется соотношением

плановых и фактических результатов, успешностью инструментов (материнский капитал) и комплексностью подходов.

Акцентор результата задает критерии успешности политики через целевые показатели: суммарный коэффициент рождаемости, миграционный прирост, ожидаемую продолжительность жизни и индекс демографической устойчивости. Важно соответствие достигнутых результатов стратегическим целям государства и регионов.

Обратная связь обеспечивает своевременное фиксирование изменений в демографической динамике и корректировку программ. Ее эффективность выражается в динамике метрик рождаемости, смертности и миграции, частоте корректировок, способности сокращать отклонения и интеграции мониторинга в управленческие процессы.

Указанные индикаторы позволяют не только оценивать текущую эффективность модели, но и обеспечивать основу для ее адаптации, совершенствования и устойчивого управления демографическими процессами.

Предложенная система индикаторов обеспечивает комплексный мониторинг работы модели на всех этапах — от анализа и постановки целей до реализации мер и достижения результатов.

Научная значимость предложенной модели заключается в интеграции структурно-функционального подхода с социо-демографическим контекстом, что позволяет рассматривать процессы воспроизводства населения как систему, подчиненную законам самоорганизации, целеполагания и адаптации. Впервые в демографическом моделировании элементы теории функциональных систем П.К. Анохина объединены с институциональными и культурными аспектами демографического поведения, что создает возможность анализа взаимодействия мотивации, памяти и триггеров с макротенденциями рождаемости, смертности и миграции.

Таким образом, преодолевается традиционный разрыв между микроповеденческими факторами и общими демографическими закономерностями.

Практическая значимость модели выражается в ее потенциале к использованию в прогнозировании и управлении демографическими процессами. Благодаря принципу непрерывного мониторинга и коррекции она может стать основой сценарного прогнозирования, позволяя моделировать различные варианты демографического развития в зависимости от внешних вызовов и внутренних изменений. Применение функционально-структурного подхода создает предпосылки для дальнейшего развития инструментария демографического анализа, включая возможность разработки более формализованных моделей. Кроме того, данная модель обеспечивает базу для формирования адаптивной политики, которая циклично сверяет целевые показатели с фактическими результатами и оперативно обновляет программы. Это повышает гибкость управления, позволяет быстро реагировать на отклонения и закреплять достигнутые успехи.

Модель демографического проектирования на основе теории функциональных систем представляет универсальный инструмент анализа и регулирования демографических процессов. Она сочетает научную новизну с практической ценностью, укрепляя методологию исследований и потенциал управления воспроизводством на государственном и региональном уровнях, способствуя демографической безопасности и социальному благополучию.

Предложенная модель интерпретирует демографическое поведение как целенаправленную функциональную систему, что позволяет структурировать процесс разработки и оценки региональной демографической политики. На ее основе сформирован синхронный комплекс стратегических мер, нацеленный на разрыв выявленных контуров отрицательной обратной связи.

Таким образом, решение демографических проблем ДФО невозможно без параллельной трансформации экономических условий жизнедеятельности населения. Эффективность социальной политики, направленной на стимулирование рождаемости и снижение миграционного оттока, зависит от доступности рабочих мест, уровня доходов, качества инфраструктуры и профессиональных перспектив. Поэтому ключевое значение приобретает

экономическая составляющая демографической стратегии, требующая отдельного рассмотрения.

3.3. Механизмы ускорения социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа

Устойчивое социально-экономическое развитие ДФО, выступающее необходимым условием его демографической устойчивости, сдерживается совокупностью системных ограничений. Реализация комплекса мероприятий, направленных на обеспечение демографической устойчивости, как показано в параграфе 3.2 исследования, является ключевым условием устойчивого социально-экономического развития субъектов ДФО. Вместе с тем достижение данной цели сопряжено с рядом структурных и институциональных вызовов, среди которых доминирующее положение сырьевых отраслей в структуре валового регионального продукта, критически низкий уровень чистой нормы несырьевых инвестиций, выраженный фискальный дисбаланс, а также устойчивый миграционный отток населения трудоспособного возраста. Совокупное воздействие указанных факторов формирует систему ограничений развития, преодоление которых требует значительных финансовых ресурсов. В условиях сохраняющейся геополитической напряженности и внешнего санкционного давления возможности федерального бюджета объективно ограничены, что актуализирует необходимость разработки механизмов ускоренного развития, обладающих выраженным мультипликативным эффектом и способствующих расширению доходной базы бюджета.

В контексте начавшейся трансформации отраслевой структуры экономики ДФО особого внимания заслуживает рыбная промышленность, на долю которой приходится около 75 % общероссийского объема добычи водных биологических ресурсов. По состоянию на 2015 год отрасль находилась в критическом состоянии: 85 % из 2320 судов рыбопромыслового флота эксплуатировались с превышением нормативных сроков службы, что негативно отражалось на технологической

эффективности и качестве выпускаемой продукции. При этом лишь около 15 % вылова подвергалось глубокой переработке, тогда как основная часть продукции реализовывалась в виде сырья, что закрепляло сырьевую модель развития с минимальной добавленной стоимостью.

В целях преодоления накопившихся проблем в 2016 году был пересмотрен подход к использованию водных биологических ресурсов посредством введения механизма инвестиционных квот, ориентированного на технологическую модернизацию отрасли, развитие перерабатывающих мощностей и переход к модели производства продукции с высокой степенью переработки. Данный механизм предусматривал новый порядок распределения прав на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, включая крабов, через аукционы при условии ввода в эксплуатацию судов рыбопромыслового флота, построенных на отечественных верфях, либо рыбоперерабатывающих предприятий, размещенных на территории Российской Федерации.

Реализация механизма инвестиционных квот позволит обновить рыбопромысловый флот ДФО до 80 %, создать новые рабочие места за счет долгосрочной загрузки дальневосточных судостроительных верфей, а также привлечь в доход федерального бюджета в 2024–2028 гг. средства в объеме 350,0 млрд рублей. Ввод в эксплуатацию рыбоперерабатывающих заводов обеспечивает рост производства продукции с глубокой переработкой и расширение ассортимента выпускаемой продукции. По состоянию на конец 2024 года введены в эксплуатацию 34 судна и 25 рыбоперерабатывающих заводов, что составляет около 30 % от запланированных показателей. Увеличение сроков реализации программы обусловлено дефицитом финансирования и необходимостью поиска альтернативных поставщиков судового оборудования. Вместе с тем по итогам аукционов, проведенных в 2024 году в рамках механизма инвестиционных квот, в доход федерального бюджета поступили средства в объеме 221,2 млрд рублей, что на 6,4 % превысило плановые значения.

Кроме того, с 2024 года в рамках дальнейшего реформирования рыбной отрасли ДФО внедрен механизм долгосрочного предоставления права пользования

рыболовными участками сроком до 20 лет. Данный инструмент предусматривает исполнение пользователями обязательств по внесению платежей в доход федерального бюджета, а также их участие в социально-экономическом развитии соответствующих субъектов Российской Федерации. Перечень мероприятий, реализуемых в рамках регионального развития, подлежит согласованию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых расположены соответствующие рыболовные участки.

Реализация указанных мер выступает важным элементом структурной перестройки экономики ДФО, способствующим формированию устойчивых источников экономического роста и повышению инвестиционной привлекательности макрорегиона. Согласно предварительным оценкам, совокупный объем поступлений в доход федерального бюджета от применения данного механизма может составить порядка 180 млрд рублей.

Применение указанных подходов демонстрирует высокую эффективность модели отраслевой трансформации, реализуемой без прямого привлечения средств федерального бюджета. В частности, переход от сырьевой парадигмы к обрабатывающей модели в рыбной отрасли способствует формированию устойчивых производственно-технологических цепочек с высокой добавленной стоимостью, а также оказывает выраженное мультипликативное воздействие на развитие смежных отраслей, включая судостроение, транспортную инфраструктуру и строительный сектор. Кроме того, данная модель позволяет одновременно решать задачи пополнения бюджетов и инвестиционного стимулирования, обеспечивая приток частного капитала в субъекты Российской Федерации.

Успешная реализация механизма инвестиционных обязательств в рыбной отрасли сформировала предпосылки для его адаптации и последующего масштабирования на другие стратегически значимые природно-ресурсные сектора экономики ДФО, включая добычу золота, алмазов, нефти и газа, а также лесной комплекс. Концептуальная основа данного подхода заключается в предоставлении долгосрочных прав пользования природными ресурсами при условии исполнения

инвесторами целевых обязательств, структурированных по трем ключевым направлениям (Табл. 3.5). Дальнейшее распространение данной модели может стать важным элементом институционального обновления ресурсных отраслей ДФО, способствуя формированию устойчивой и диверсифицированной структуры региональной экономики.

Таблица 3.5

– Ключевые принципы предоставления прав на пользование природными ресурсами в ДФО в обмен на инвестиционные обязательства¹⁹²

Принцип	Содержание принципа
Глубокая переработка на территории ДФО	Обязательное строительство перерабатывающих, обогатительных, нефтегазохимических мощностей (например, аффинажные заводы, целлюлозно-бумажные комбинаты, комплексы по производству СПГ и полимеров)
Развитие инфраструктуры и локализация	Инвестиции в транспортную, энергетическую и социальную инфраструктуру; использование отечественного оборудования и местных ресурсов для повышения коэффициента локализации
Фискальная эффективность и социальная ответственность	Повышенные фискальные требования за доступ к ресурсам; нормативное закрепление обязательств по социальным инвестициям и развитию территорий размещения

Данные принципы формируют ядро новой модели ресурсного освоения, в рамках которой долгосрочный доступ к природным ресурсам напрямую увязывается с выполнением инвесторами обязательств по созданию добавленной стоимости на территории ДФО.

Расширение подхода, успешно апробированного в рыбной отрасли, на ключевые ресурсные сектора экономики ДФО способно сформировать мощный импульс для структурной трансформации макрорегиона и преодоления его системных ограничений. Прямой эффект будет выражаться в существенном увеличении доли обрабатывающей промышленности в структуре ВРП, модернизации изношенной инфраструктуры за счет частных инвестиций и создании новых высокооплачиваемых рабочих мест, критически необходимых для удержания и привлечения населения трудоспособного возраста, что является

¹⁹² Составлено автором.

базовым условием реализации стратегий демографической устойчивости, представленных в параграфе 3.2.

Косвенный синергетический эффект проявится в снижении логистических издержек вследствие локализации переработки, росте объемов несырьевого экспорта в страны АТР, увеличении реальных доходов населения и расширении налоговой базы региональных бюджетов. Это создаст возможности для финансирования социальной инфраструктуры и мер поддержки семей, а также будет способствовать разрыву контуров отрицательной обратной связи, выявленных в параграфе 3.1.

Так, рост доходов населения позволит сократить миграционный отток; частные инвестиции в инфраструктуру и перерабатывающую промышленность обеспечат повышение «чистой» нормы инвестиций выше амортизационного порога; развитие энергетической и транспортной инфраструктуры снизит тарифное и инфляционное давление; унификация прозрачных правил через механизм инвестиционных обязательств приведет к сокращению институциональных барьеров и транзакционных издержек. Фискальный эффект выразится в увеличении поступлений в федеральный и региональные бюджеты, формируя возможности для софинансирования иных направлений развития.

Для наглядной демонстрации системного и синергетического воздействия предлагаемой модели целесообразно представить совокупность эффектов, направленных на преодоление ключевых ограничений развития ДФО (Табл. 3.6).

Таблица 3.6

– Синергетические эффекты реализации модели инвестиционных обязательств в ДФО¹⁹³

Ключевое ограничение ДФО	Демографический и кадровый эффект	Структурно-экономический эффект	Бюджетный и институциональный эффект
Сырьевая модель экономики	Создание новых высокооплачиваемых рабочих мест в обрабатывающих отраслях, снижение	Рост доли обрабатывающей промышленности в ВРП, диверсификация экспорта за счет	Рост налоговых поступлений (НДФЛ, налог на прибыль) и неналоговых доходов бюджета; снижение

¹⁹³ Составлено автором.

Ключевое ограничение ДФО	Демографический и кадровый эффект	Структурно-экономический эффект	Бюджетный и институциональный эффект
	зависимости от вахтового метода	продукции с высокой добавленной стоимостью (ВДС)	зависимости от циклических доходов от сырья
Устойчивый миграционный отток	Прямое воздействие: закрепление квалифицированных кадров через стабильную занятость; рост реальных доходов населения и, как следствие, качества жизни	Рост внутреннего потребительского спроса, создающий базу для развития малого и среднего бизнеса в сфере услуг и торговли	Снижение нагрузки на бюджет (меньше затрат на программы стимулирования миграции); рост устойчивости социальной инфраструктуры
Критический износ и дефицит инфраструктуры	Повышение привлекательности территорий для проживания за счет развития социальной, транспортной и энергетической инфраструктуры	Снижение логистических и операционных издержек для бизнеса, повышение конкурентоспособности несырьевого сектора	Модернизация инфраструктуры за счет частных инвестиций инвесторов-недропользователей, а не прямых бюджетных вливаний; высвобождение бюджетных средств

Таким образом, модель инвестиционных обязательств демонстрирует свойства системного мультипликатора, транслируя импульсы развития по ключевым каналам трансмиссии — демографическому, структурному и фискальному. Их комплементарное воздействие формирует положительную обратную связь, обеспечивая нелинейный, кумулятивный характер роста, ориентированный на преодоление институциональных ограничений развития ДФО.

Разработка стратегии ускоренного развития ДФО требует перехода от фрагментарных мер к целостной концептуальной модели, основанной на синергии пространственного планирования, инфраструктурной трансформации, институционального стимулирования и социально-демографической устойчивости. Предлагаемая модель включает шесть взаимосвязанных стратегических блоков, каждый из которых направлен на устранение системных ограничений развития и формирование устойчивых источников экономического роста.

Механизм инвестиционных обязательств выступает ключевым инструментом реализации блока «Индустриализация и локализация переработки ресурсов», предполагающего отказ от экспортно-сырьевой модели и переход к глубокой переработке минеральных и биологических ресурсов на территории ДФО. Одновременно он обеспечивает реализацию блока «Инфраструктурная трансформация», предусматривающего комплексную модернизацию транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры за счет обязательств инвесторов по развитию сопутствующих инфраструктурных объектов.

Формирование новых высокооплачиваемых рабочих мест в рамках данной модели напрямую способствует достижению целей блока «Демографическая стабилизация и кадровое закрепление», ориентированного на создание благоприятной среды для проживания и профессионального развития населения. Использование инструментов «Дальневосточной ипотеки», механизмов целевого обучения, социальных контрактов и жилищных программ снижает миграционный отток и способствует закреплению квалифицированных кадров в макрорегионе.

Сам механизм инвестиционных обязательств является важным элементом блока «Институциональная адаптация и инвестиционные стимулы», реализуемого через внедрение гибких режимов регулирования (территорий опережающего социально-экономического развития, Свободный порт Владивосток), упрощение административных процедур, ускорение согласования инвестиционных проектов и предоставление налоговых льгот.

Блок «Пространственно-функциональная кластеризация» ориентирован на формирование территорий опережающего развития на основе концентрации производственных, логистических, образовательных и научных ресурсов, в рамках которых предприятия, выполняющие инвестиционные обязательства, формируют ядро соответствующих кластеров.

Наконец, блок «Мониторинг и обратная связь» обеспечивает цифровой контроль за реализацией стратегии, повышение прозрачности управленческих решений и возможность оперативной корректировки на основе фактических

социально-экономических показателей, включая контроль исполнения инвестиционных обязательств.

Таким образом, предложенная концептуальная модель ускоренного развития ДФО представляет собой целостную систему, центральным элементом которой является механизм инвестиционных обязательств. Взаимосвязь стратегических блоков и их ориентация на ключевые ограничения развития макрорегиона представлена на схеме (Рис. 3.9).

Представленная модель наглядно показывает, что механизм инвестиционных обязательств выступает не только инструментом индустриализации, но и системообразующим элементом развития, который посредством создания рабочих мест и инфраструктуры оказывает прямое воздействие на демографическую ситуацию, опирается на институциональные стимулы и интегрируется в систему мониторинга и оценки, обеспечивая целостность и адаптивность всей модели.

Важным элементом предлагаемой стратегии является нормативное закрепление обязательств инвесторов в процессе освоения природных ресурсов, в связи с чем представляется целесообразным:

- включение требований по переработке, участию в развитии инфраструктуры и локализации кадров в лицензионные соглашения;
- разработка типовых соглашений о социально-экономическом партнерстве;
- принятие региональных нормативных правовых актов, устанавливающих обязательные критерии локализации и оценки социально-экономического воздействия;
- создание публичного реестра инвестиционных обязательств и системы рейтинговой оценки добросовестности инвесторов;
- внедрение юридических механизмов ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение соглашений.

Рисунок 3.9 – Концептуальная модель ускоренного социально-экономического развития ДФО¹⁹⁴

¹⁹⁴ Составлено автором.

Реализация указанных мер сформирует правовую основу для справедливого распределения выгод от освоения природных ресурсов, будет стимулировать развитие перерабатывающих производств и обеспечит формирование устойчивых источников регионального экономического роста.

Таким образом, в работе разработана концепция ускорения социально-экономического развития ДФО, ядром которой является механизм предоставления долгосрочных прав пользования природными ресурсами в обмен на инвестиционные обязательства. На примере рыбной отрасли продемонстрирована эффективность данной модели, не предполагающей прямого привлечения бюджетных средств. Масштабирование данного подхода на другие отрасли в рамках предложенной комплексной стратегии позволяет преодолеть системные ограничения развития макрорегиона и сформировать основу для его устойчивого роста в долгосрочной перспективе. Применение механизма на практике приводит к комплексному мультипликативному эффекту: трансформирует сырьевую ренту в источник диверсификации экономики, создание высокотехнологичных рабочих мест и формирование бюджетных доходов для финансирования демографической политики, тем самым разрывая выявленные контуры отрицательной обратной связи.

Заключение

Диссертационное исследование посвящено комплексному анализу влияния экономической ситуации на демографические процессы в Дальневосточном федеральном округе и разработке на этой основе научно обоснованных механизмов их регулирования. Актуальность темы определяется стратегической значимостью ДФО для Российской Федерации, а также сохраняющимися, несмотря на реализуемые меры государственной поддержки, проблемами депопуляции и миграционного оттока, формирующими устойчивые противоречия между экономическим ростом и демографической стагнацией.

В работе проведен комплексный теоретико-методологический анализ существующих научных подходов. На основе критического осмысления ограниченности традиционных, фрагментарных трактовок сформулированы авторские определения категорий «экономическая ситуация» и «демографические процессы».

Экономическая ситуация определяется как совокупность экономических, социальных и экологических процессов, показателей и условий, характеризующих текущее состояние и динамику экономики в определенный период времени. Такое понимание позволяет преодолеть узость макроэкономического подхода и формирует теоретическую основу для комплексной междисциплинарной оценки.

Демографические процессы трактуются как совокупность изменений в численности, составе и территориальном размещении населения, возникающих в результате взаимодействия естественного воспроизводства и миграционной подвижности и обусловленных комплексным воздействием социально-экономических факторов. Предложенное определение синтезирует структурную четкость концепции О.В. Лармина, акцент на взаимодействии компонентов у А.Г. Вишневого и учет качественных параметров и внешних детерминант, характерный для подхода И.Н. Амосова.

Систематизирована и критически оценена существующая система показателей демографического анализа, в связи с чем обоснована целесообразность

применения интегративного подхода, объединяющего идеи О.В. Лармина (естественное движение и структурные изменения населения), А.Г. Вишневого (учет культурно-политических факторов) и И.Н. Амосова (взаимодействие регулируемых и нерегулируемых элементов). На основе данного подхода выделена система ключевых параметров, позволяющих оценивать не только количественную динамику (рождаемость, смертность, миграцию), но и качественные изменения структуры населения и их влияние на социально-экономическую среду региона.

В ходе исследования выявлена и теоретически обоснована специфика проявления общих закономерностей экономико-демографического взаимодействия в условиях ДФО. Установлено, что для макрорегиона характерна гипертрофированная зависимость демографической динамики от государственных инвестиций и трансфертов при относительной слабости воздействия рыночных стимулов. Теоретически обоснована ключевая роль механизмов обратной связи, формирующих замкнутый контур депопуляции, а также наличие «гибридных» демографических практик.

Проведен комплексный анализ статистических данных за период 2000–2023 гг., позволивший выявить структурные особенности и проблемные зоны развития ДФО. Установлено, что устойчивый рост абсолютных экономических показателей (ВРП, объема инвестиций) сопровождается сохранением сырьевой модели экономики (доля добывающей промышленности в структуре ВРП превышает 30%), высокой дифференциацией субъектов округа по уровню развития, значительной инфраструктурной и тарифной нагрузкой, а также низкой долей несырьевых инвестиций, недостаточной даже для простого воспроизводства основного капитала. Показано, что, несмотря на меры государственной поддержки, в ДФО сохраняются кризисные демографические тенденции: сокращение численности населения, снижение суммарного коэффициента рождаемости до 1,5, старение населения и устойчивый миграционный отток лиц трудоспособного возраста. Наибольшая острота данных проблем характерна для южных и северных субъектов округа, что подтверждает наличие значительной внутрирегиональной дифференциации.

В процессе выявления причинно-следственных связей между экономическими и демографическими показателями с использованием методов эконометрического анализа (построение панельных регрессионных моделей) установлено наличие устойчивого и статистически значимого разнонаправленного влияния. В частности, выявлено положительное воздействие роста ВРП на душу населения на показатели рождаемости и миграции, а также отрицательное влияние роста реальных доходов населения и объема обрабатывающей промышленности на рождаемость, что интерпретируется в рамках теории демографического перехода и урбанизационных процессов.

В ходе диагностики системных ограничений развития ДФО выявлены три взаимосвязанных контура отрицательной обратной связи, блокирующих устойчивое развитие макрорегиона:

- демографическо-инвестиционный контур, в рамках которого сокращение численности и старение населения приводят к сужению внутреннего рынка и налоговой базы, формированию дефицита инвестиций в инфраструктуру и росту издержек, что, в свою очередь, усиливает миграционный отток;

- инфляционно-инфраструктурный контур, при котором дефицит инвестиций вызывает деградацию инфраструктуры, рост тарифов и логистических издержек, снижение конкурентоспособности экономики и реальных доходов населения, что углубляет инвестиционный спад;

- институционально-кадровый контур, характеризующийся длительностью административных процедур и дефицитом кадров, повышающих риски и стоимость реализации проектов, что снижает инвестиционную привлекательность и ведет к ужесточению регуляторных барьеров.

В рамках диссертационного исследования разработана и теоретически обоснована система мер, направленная на разрыв выявленных негативных контуров, ключевыми элементами которой являются:

- реструктуризация финансовой поддержки семьи с акцентом на стимулирование многодетности посредством введения прогрессивной шкалы

пособий и материнского капитала, увеличивающихся с рождением каждого последующего ребенка;

- снижение альтернативных издержек родительства за счет развития гибких форм занятости и полного зачета периода ухода за ребенком в страховой стаж;
- реализация селективной миграционной политики, ориентированной на целевое привлечение и закрепление в регионе определенных возрастных и профессиональных групп населения.

По результатам проведенного анализа предложен ключевой инструмент ускоренной структурно-экономической трансформации — механизм ресурсных инвестиционных обязательств, предполагающий увязку предоставления прав пользования природными ресурсами ДФО с обязательствами инвесторов по глубокой переработке ресурсов на территории макрорегиона, развитию инфраструктуры и созданию высокотехнологичных рабочих мест. Реализация данного механизма позволит преодолеть сырьевую модель экономики и сформировать устойчивый контур положительной обратной связи. Дополнительно разработана структурно-функциональная модель демографического проектирования на основе теории функциональных систем П.К. Анохина, предназначенная для органов регионального управления и обеспечивающая непрерывный мониторинг и коррекцию демографической политики.

Научная новизна исследования заключается в комплексном решении заявленной проблемы и отражена в десяти положениях, выносимых на защиту, ключевыми из которых являются разработка интегративного подхода к анализу экономико-демографических взаимосвязей, выявление их специфики в условиях ДФО, эконометрическая оценка их разнонаправленного влияния, разработка модели демографического проектирования и распространение механизма ресурсных инвестиционных обязательств.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии методологии исследования экономико-демографических взаимосвязей на региональном уровне, а также в уточнении понятийного аппарата экономической теории и выявлении

относительности и специфики проявления данных взаимосвязей в условиях макрорегиона.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов и рекомендаций федеральными и региональными органами власти при разработке и корректировке стратегических документов социально-экономического и демографического развития ДФО.

Таким образом, поставленная цель достигнута, а задачи диссертационного исследования решены. Полученные результаты и выводы вносят вклад в развитие экономики народонаселения и региональной экономики и могут служить основой для дальнейших исследований в области управления демографическими и экономическими процессами в Дальневосточном федеральном округе.

Список источников и литературы

Нормативные правовые акты Российской Федерации:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Российская Федерация. Законы. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (действующая редакция от 07.06.2025) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

3. Российская Федерация. Законы. Жилищный кодекс Российской Федерации: Раздел V. Жилищные и жилищно-строительные кооперативы Федерального закона от 29.12.2004 № 188-ФЗ (действующая редакция от 31.07.2025) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

4. Российская Федерация. Законы. О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (действующая редакция от 08.08.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

6. Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию

соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») (действующая редакция от 18.09.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

7. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (действующая редакция от 26.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

8. Указ Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (действующая редакция от 17.09.2024) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (действующая редакция от 29.11.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.07.2023 № 2058-р «Об утверждении долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития ряда агломераций на период до 2030 года» (действующая

редакция от 29.12.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» (действующая редакция от 10.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.» (действующая редакция от 29.11.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (действующая редакция от 29.11.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2023).

15. Итоговый документ Конференции ООН в Рио-де-Жанейро «Будущее, которого мы хотим» от 27.07.2012 № 66/288 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: [https:// www.consultant.ru/](https://www.consultant.ru/) (дата обращения: 11.05.2025).

Научная литература:

16. Аббасова, С.Д. Демографические процессы и методы исследования в демографии / С.Д. Аббасова // Вестник науки. – 2022. – Т. 1, № 11 (56). – С. 261-265.

17. Алексахин, К.Ю. Оценка устойчивости развития регионов Дальневосточного федерального округа / К.Ю. Алексахин // Прогрессивная экономика. 2024. № 10. – С. 144.

18. Альнвади, А.С.Д. Концепция стратегического предпринимательства: постановка вопроса / А.С.Д. Альнвади // Human Progress. – 2022. – № 1. – С. 1-14.

19. Амосов, И.Н. Демографические процессы в Российской Федерации и их влияние на обеспечение национальной безопасности: автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / И.Н. Амосов. – М., 2019. – С. 13.

20. Барсуков, В.Н. Факторы изменения фискальной устойчивости государств в условиях старения населения / В.Н. Барсуков // Вопросы территориального развития. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 1-12.

21. Белоусова, А.В. Коэффициенты локализации: направления и методические аспекты использования (на примере Дальневосточных субъектов РФ) / А.В. Белоусова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 12 (134). – С. 117-125.

22. Берестова, Л.И. Анализ и основные направления совершенствования государственной политики Российской Федерации в сфере внутренней миграции / Л.И. Берестова // Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего. Сборник статей международной конференц-сессии. Москва, 2025. С. 365-374.

23. Берестова, Л.И. Социальная политика и социально-экономическая защищенность многодетных семей в регионах Дальнего Востока / Л.И. Берестова, Т.А. Ярославцева // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 4 (77). С. 62-75.

24. Берестова, Л.И. Экономические аспекты социального развития на этапе преобразований в современной России / Л.И. Берестова // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 1 (78). С. 28-34.

25. Блинова, Т.Н. Соответствующие структуры подготовки кадров с высшим образованием отраслевой структуре экономики России / Т.Н. Блинова,

А.В. Федотов, А.А. Коваленко, Е.А. Полушкина // Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021 – 360 с.

26. Бобылев, С.Н. Экономика устойчивого развития: учебник / С.Н. Бобылев. – Москва: КНОРУС, 2021. – 672 с.

27. Борисов В.А. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. / В.А. Борисов, А.Б. Синельников // НИИ семьи Минсоцзащиты России. – М.: НИИ семьи, 1995. – 117 с.

28. Бурханова, Ф.Б. Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы / Ф.Б. Бурханова, Г.Р. Баймурзина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 184-197.

29. Валентей, Д.И. О системе демографических знаний / Д.И. Валентей // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 4. С. 134-148.

30. Вишневский, А.Г. Демографическая история и демографическая теория / А.Г. Вишневский. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 368 с.

31. Вишневский, А.Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А.Г. Вишневский. – Москва: Новое издательство, 2006. – 608 с. – ISBN 5-98379-042-0.

32. Гвоздь, О.И. Комплексная методика оценки эффективности реализации демографической политики / О.И. Гвоздь, В.В. Рокотянская // Бизнес и дизайн ревю. – 2022. – № 1 (25). – С. 3-8.

33. Геращенко, И.Г. Философские подходы в современной экономике / И.Г. Геращенко // Studia Humanitatis. – 2024. – № 3. – С. 1-17.

34. Гишкаева, Л.Л. Истоки трудовой теории стоимости и ее основные положения / Л.Л. Гишкаева, М.Н. Ампукаева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 12-1. – С. 126-128.

35. Гуртов, В.А. Выпускники вузов на рынке труда Дальнего Востока / В.А. Гуртов, И.С. Степуть, С.В. Шабаева // Высшее образование в России. – 2019. – № 12. – С. 36–52.

36. Донец, К.В. Современные тенденции миграции в регионах Дальневосточного федерального округа / К.В. Донец, О.С. Чудиновских // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 4 (206). – С. 88-94.

37. Есимханова, Д.М. Кластерный анализ демографических процессов в Казахстане на современном этапе / Д.М. Есимханова, Ж.С. Аубакирова // Вестник Карагандинского университета. – 2022. – № 4. – С. 200-209.

38. Зверева, Н.В. Основы демографии: учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. – М.: Высш. шк. 2004. – С. 373. ISBN 5-06-004183-2.

39. Институциональные преобразования в экономике России: монография / [Н.Г. Кузнецова и др.]; Министерство образования и науки Российской Федерации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). – Ростов-на-Дону: РИНХ, 2015. – 398 с.

40. Ионцев, В.А. Экономика народонаселения / В.А. Ионцев // М.: ИНФРА-М, 2007. – 667 с. ISBN 978-5-16-002037-2.

41. Истерлин Р. Экономическая теория рождаемости / Р. Истерлин // Современная экономическая мысль: [сборник статей] / под ред. С. Р. Можаровой. – М.: Прогресс, 1981. – С. 158–193.

42. Капкаев, Ю.Ш. Особенности цикличности развития экономики / Ю.Ш. Капкаев, П.Р. Кадыров // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 10-3. – С. 587-593.

43. Карцева, М.А. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния / М.А. Карцева, Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4 (181). – С. 87-97.

44. Кашепов, А.В. Взаимосвязи экономики и демографии: монография / А.В. Кашепов. – Москва: МАКС Пресс, 2019. – 176 с.

45. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР / А.Я. Кваша – М: Финансы и статистика, 1981. – 200 с.

46. Короленко, А.В. Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных / А.В. Короленко // Проблемы развития территории. – 2019. – № 5 (103). – С. 168-182.

47. Коулмен, Д. Третий демографический переход // Демоскоп Weekly № 299-300. 3-16 сентября 2007 <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema01.php>.
48. Кулькова, И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России / И.А. Кулькова // Human Progress. – 2020. – Т. 6, № 1. – С. 260-265.
49. Кушнир, А.М. Институциональные подходы к решению экономических проблем: междисциплинарные связи и информационная повестка / А.М. Кушнир // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 1-8.
50. Лармин, О.В. Методологические проблемы изучения народонаселения / О.В. Лармин // М.: Статистика. 1974. – С. 240.
51. Левина, Е.И. Методика оценки демографических процессов в регионе / Е.И. Левина // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 3 (35). – С. 185-195.
52. Леонова, Н.Г. Анализ научных подходов к исследованию межрегиональной социально-экономической дифференциации: исторический, социокультурный и системный подходы / Н.Г. Леонова // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 11. – С. 4701-4718.
53. Мальтус, Т.Р. Опыт о законе народонаселения / Т. Р. Мальтус // Антология экономической классики. М., 1993.
54. Минакир, П.А. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? / П.А. Минакир, С.Н. Найден. // Регион: экономика и социология – 2020, № 3 (107), – С. 30-61.
55. Минакир, П.А. Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз / П.А. Минакир, А.Г. Исаев, С.Н. Найден // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. – С. 23-36.
56. Минакир, П.А., Ожидания и реалии политики «поворота на Восток»//Экономика региона - 2017. Т. 13, вып.4. – С. 1025.
57. Минаков А.В. Оценка экономического сотрудничества дальневосточных регионов России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона / А. В. Минаков // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1.

58. Михайлова, А.В. Анализ развития регионов Дальневосточного федерального округа в условиях внешних санкций / А.В. Михайлова // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 4. – С. 126-132.

59. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центрo-периферийных отношений / Н.В. Мкртчян // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2011. Т. 9, С. 416-430.

60. Найден, С.Н. Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013-2020 гг. / С.Н. Найден, М.А. Грицко // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 4 (97). – С. 53–64.

61. Нальгиев, И.М. Взаимосвязь миграционной политики и устойчивого развития Дальневосточного федерального округа / И.М. Нальгиев // Финансовая экономика. – 2023. – № 9. – С. 61–65.

62. Нальгиев, И.М. Влияние индикаторов качества жизни на демографическую ситуацию в России / И.М. Нальгиев // Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы: сб. ст. междунар. конференц-сессии. – Москва, 2023. – С. 299–304.

63. Нальгиев, И.М. Современные демографические вызовы / И.М. Нальгиев // Государственная служба. – 2024. – Т. 26, № 3 (149). – С. 93–101.

64. Народонаселение: энциклопедический словарь. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 113 с.

65. Овчарова, А.А. Проблема старения населения России / А.А. Овчарова // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова: материалы конференции. – Белгород, 2021. – С. 5611-5617.

66. Осипов, Г.В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы / Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев. // Вестник Российской академии наук. – 2014. - Т. 84, № 11. - С. 963-972. – ISSN 0869-5873.

67. Пашихина, Е.В. Влияние социально-экономических факторов на рождаемость населения в Российской Федерации / Е.В. Пашихина // Хроноэкономика. – 2020. – № 7 (28). – С. 104-109.

68. Питухин, Е.А. Оценка потенциала системы профессионального образования Дальнего востока как приоритетной территории России / Е.А. Питухин, А.Л. Кекконен, С.В. Шабаета // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 1 (37). – С. 20-36.

69. Покрепа, А.М. Демографические процессы как фактор экономического развития страны / А.М. Покрепа // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2023. – № 22 (1). – С. 17-25.

70. Прокапало, О.М. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2023 г. / О.М. Прокапало, А.Б. Бардаль, А.Г. Исаев, М.Г. Мазитова // Пространственная экономика. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 122-166.

71. Руденко, Г.Г. Формирование рынков труда: уч. пособ. / Г.Г. Руденко, Б.Ч. Муртозаев, под. ред. проф. Ю.Г. Одегова // М.: Экзамен. 2004. – С. 414.

72. Рыбаковский, Л.Л. Демографический понятийный словарь / Л.Л. Рыбаковский // Министерство труда и социального развития РФ, РАН. Институт социально-политических исследований, 2003. С. 59.

73. Рязанцев, С.В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91, № 9. – С. 810-819.

74. Салмина, А.А. Методология и методика исследования проблем рождаемости, брачности и разводимости / А.А. Салмина // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – С. 209-213.

75. Сахабиев, В.А. Математические и инструментальные методы анализа и прогнозирования развития миграционных процессов: учеб. пособие / В.А. Сахабиев, В.А. Васяйчева. – Самара: Издательство Самарского университета, 2019. – 21 с.

76. Синельников, А.Б. Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью / А.Б. Синельников, О.А. Золотарева, М.Д. Хабиб // Вестник ГУУ. 2024. №12.

77. Смиреникова, Е.В. Обзор современных методических подходов к оценке демографического потенциала / Е.В. Смиреникова, А.В. Уханова, Л.В. Воронина // *Фундаментальные исследования*. – 2019. – № 11-2. – С. 307-313.

78. Смирнов, В.В. Анализ структурных возможностей российской экономики / В.В. Смирнов // *Экономическая наука современной России*. – 2022. – № 3 (98). – С. 38-46.

79. Смирнов, В.М., Специфика бедности в Дальневосточном федеральном округе / В.М. Смирнов, Селиванова О.В. // *Экономика труда*. 2022. Т. 9. № 2. С. 485-502.

80. Степаненкова, Н.М. Оценка влияния социально-экономических факторов на демографические процессы в Российской Федерации / Н.М. Степаненкова, М.А. Степаненкова // *Креативная экономика*. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 771-786.

81. Тамбиянц, Ю.Г. Формы взаимодействия государства и капитализма: история и современность. Статья вторая / Ю.Г. Тамбиянц, В.В. Шалин // *Общество: философия, история, культура*. – 2020. – № 1 (69). – С. 13-19.

82. Теткина, Е.А. Влияние старения населения на экономику России / Е.А. Теткина // *Профессионально-технологическая и экономическая подготовка обучающихся в условиях модернизации и стандартизации образования: Сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции*. – Уфа, 2023. – С. 145-147.

83. Утяшова, О.В. Проблемы устойчивого развития Дальнего Востока в условиях глобальных вызовов / О.В. Утяшова // *Московский экономический журнал*. – 2024. – № 2. – С. 879-887.

84. Хачатрян Л.А. Рождаемость в современном российском обществе: особенности и последствия / Л.А. Хачатрян // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2011. №4.

85. Хачатуров, Т.С. Экономика природопользования / Т.С. Хачатуров. – Москва: Наука, 1987. – 255 с.

86. Хван, И.С. Развитие Дальнего Востока в новых институциональных условиях: монография / И.С. Хван, Буланова М.А., Маслюк Н.А., Медведева Н.В.,

Новицкий А.А., Сидоренко О.В., Халикова С.С., Шевченко И.А., Шуляева А.В. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – 183 с.

87. Чистополова, Ж.А. Устойчивое развитие хозяйствующих субъектов на основе нефинансовой отчетности / Ж.А. Чистополова // Актуальные проблемы экономики и бухгалтерского учета: Сборник научных статей (ред. кол. – О.В. Трофимов, И.Е. Мизиковский, Э.С. Дружиловская, Е.В. Корнилова, Н.А. Морозова, Т.В. Савицкая). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 250-252.

88. Шевченко, И.В. Влияние макроэкономических показателей кривой Филлипса на экономический рост: регулирование, меры, пределы, возможности на современном этапе / И.В. Шевченко // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – № 10 (445). – С. 105-119.

89. Юлмекова, Г. Основные компоненты экономического развития / Г. Юлмекова, Т. Мяхрибан // Всемирный ученый. – 2023. – № 10. – С. 357-362.

90. Яроменко, Н.Н. Эконометрические исследования проблемы изменения индекса потребительских цен в Российской Федерации / Н.Н. Яроменко, Д.Н. Кривошей, Я.А. Зубкова, А.С. Ладыгина // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 50 (3). – С. 389-393.

91. Ярославцева, Т.А. Государственное регулирование семейно-брачных отношений: история и современность / Т.А. Ярославцева, Л.И. Берестова, А.В. Дробница, Е.М. Крадожен-Мазурова // Монография. Хабаровск, 2016.

Литература на иностранных языках:

92. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / Gary S. Becker. – New York: National Bureau of Economic Research, 1964. – 187 p.

93. Bhushan, N. Strategic Decision Making: Applying the Analytic Hierarchy Process / N. Bhushan, R. Kanwal // London: Springer-Verlag, 2004. — ISBN 1-8523375-6-7.

94. Comolli, C. Beyond the Economic Gaze: Childbearing During and After Recessions in the Nordic Countries / C. Comolli, G. Neyer, G. Andersson, L. Dommermuth, P. Fallesen, M. Jalovaara, A. Klaengur Jonsson, M. Kolk, T. Lappegård // European Journal of Population. – 2021. – Vol. 37. – P. 473-520. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-020-09570-0>.

95. Davis K. The World demographic transition / K. Davis // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1945. – Vol. 237, World Population in Transition. — P. 1–11.

96. Ernest H. The analytical hierarchy process-an exposition / H. Ernest, I. Saul // Operations Research. – 2001. — July (vol. 49, no. 4). — P. 469–487. — DOI:10.1287/opre.49.4.469.11231.

97. Kaplan, M. The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy / M. Kaplan, M. Inguanzo // Journal of Social Work in the Global Community. – 2017. – Vol. 1. – P. 1-12.

98. Lee E. S. A Theory of Migration / E. S. Lee // Demography. – 1966. – Vol. 3, No. 1. – P. 47–57. – DOI: 10.2307/2060063.

99. World Population Prospects [Электронный ресурс] // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. – URL: <https://population.un.org/wpp> (дата обращения: 26.05.2025).

Интернет-источники:

100. Австрийская школа [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/avstriiskaia-shkola-167076> (дата обращения: 26.05.2025).

101. Востокгосплан. Научно-исследовательская работа «Прогнозирование демографических циклов в Дальневосточном федеральном округе на основе агент-ориентированного моделирования», 2024. — URL: https://vostokgosplan.ru/research/?_sft_research_cat=nir.

102. Восточный государственный плановый центр. Востокгосплан: к 2036 году экономика ДФО может вырасти в 1,7 раза [Электронный ресурс]. —

Владивосток, 29 08 2024. — URL: <https://vostokgosplan.ru/en/vostokgosplan-k-2036-godu-jekonomika-dfo-mozhet-vyrasti-v-1-7-raza>.

103. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова [и др.]; ФНИСЦ РАН. – Москва: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9486> (дата обращения: 26.05.2025).

104. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 19.12.2024).

105. Кейнсианство [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/keinsianstvo-774e24> (дата обращения: 26.05.2025).

106. Коулмен, Д. Третий демографический переход / Д. Коулмен // Демоскоп Weekly: электрон. версия бюллетеня «Население и общество». – 2007. – № 299-300. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php> (дата обращения: 26.05.2025).

107. Минвостокразвития России. Доклад о социально-экономическом положении Дальнего Востока в 2023 году. – М., 2024. — URL: <https://minvr.gov.ru> (дата обращения: 18.05.2025).

108. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока | КРДВ поможет абитуриентам и молодежи выбрать востребованную профессию на Дальнем Востоке. Электронный ресурс. Режим доступа: https://minvr.gov.ru/press-center/news/krdv_pomozhet_abiturientam_i_molodezhi_vybrat_vostrebovannuyu_profессию_na_dalнем_vostoке/ (дата обращения 05.12.2025).

109. Минэкономразвития России. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – М., 2019. — URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6c/47/1c70d1262db4aa8eeb26c3961470597b6bc0.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

110. Посткейнсианство [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/postkeinsianstvo-3719e1> (дата обращения: 26.05.2025).

111. Разводы в России – мониторинг ВЦИОМ [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 26.05.2025).

112. Росатом. Прогноз развития грузоперевозок по Северному морскому пути до 2035 года (по данным совещания совета участников судоходства) // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/09/2024/66e848979a7947126c129334> (дата обращения: 18.05.2025).

113. Росстат. Инвестиции в основной капитал по субъектам Российской Федерации в 2023 году: статистический бюллетень [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/13287> (дата обращения: 18.05.2025).

114. Росстат. Индексы потребительских цен [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 19.12.2024).

115. Росстат. Официальная статистика [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2024).

116. Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 24.05.2025).

117. Росстат. Социально-экономическое положение России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 24.05.2025).

118. Росстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года: статистический бюллетень [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 18.05.2025).

119. Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/53775> (дата обращения: 18.05.2025).

120. ТАСС. Таяние вечной мерзлоты может обойтись России в 422 млрд рублей за 30 лет — ученые [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. – 2022. – URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/13398623> (дата обращения: 18.05.2025).

121. Холявко, А. К 2060 году в России почти половина населения будет пенсионерами / А. Холявко, М. Оверченко // Ведомости: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/22/821263-2060-godu> (дата обращения: 26.05.2025).

122. Юрий Трутнев: Развитие Дальнего Востока стало общепризнанным фактом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/news/50665/> (дата обращения: 04.12.2024).